

Я так много уже забыл.

Мы так много забыли.

Так много нужно ещё забыть.

Как только идея чистоты родилась,

Всё уже было потеряно безвозвратно.

Чёрный Музыкант в доме на холме.

Джим Моррисон

Глава 1

Голуби стучали клювами о стекло и зазывающее смотрели на Яну. Мол, открой окно и дай нам поест. Яна вздохнула, набрала горсть крошек от пирожных и кинула в форточку. Голуби вспорхнули, в классе на мгновение стало темно, а по стенам заметались серые тени.

Погода на улице стояла отвратительная. Быстро холодало, и у Янки от этого болела голова. В классе было очень душно, но когда Яна пыталась открыть форточку, кто-нибудь из девочек кричал о том, что замерзает. Поэтому Яна психовала весь день и ни с кем не разговаривала.

Янкина лучшая подруга, Катя, сегодня была веселее, чем обычно. Она рассказывала девочкам из класса о новых фильмах и о том, как хочет сходить на фильм, сложное название которого Яна так и не смогла запомнить. Его показывали только в одном маленьком кинотеатре на краю города. В их литературном классе считалось почему-то позорным смотреть популярные у других подростков фильмы.

Они учились не в обычной школе. Они учились в Школе, которую привычно всегда писали с заглавной буквы. Здесь полгода назад их, Янку, Руслана, Катю и других её новых друзей, посвящал в литераторы очень известный во всей России писатель. И они чувствовали себя талантливыми и особенными. Самыми особенными детьми во всём их маленьком городке. Да что там в городке—во всей Вселенной. Как же это было красиво и удивительно! Единственный в мире класс, где их научат быть писателями. Где выполнению домашнего задания может помочь только вдохновение! Каждый месяц проходят встречи с известными людьми города, и Янка уже начала привыкать к свету кинокамер, направленных ей в лицо.

А сегодня утром у Яны было странное настроение. Ей казалось, что должно что-то произойти. Но утром мама, как всегда, молча накормила её завтраком, папа уехал на работу задолго до того, как Янка проснулась. На зимней морозной улице было ещё очень темно, когда она вышла из дома и пошла в Школу. Около Школы толпились одиннадцатиклассники из параллели, курили и, таинственно оглядываясь, рисовали на стене что-то неприличное. На входе висел всеми забытый поздравительный плакат со Дня учителя.

В отличие от других школьников, ей и её друзьям нравилось ходить на занятия. В их классе было пятнадцать человек. И всего три мальчика. Это было очень грустно. В четырнадцать лет хочется, чтобы в классе было мальчиков побольше. И чтобы можно было выбрать, в кого ты хочешь влюбиться. А влюбиться очень хотелось.

Но Стас был очень странным и прыщавым. Он только ел свои бутерброды и всегда читал какие-то непонятные книги. Олег был ниже Яны на целую голову, он очень боялся её и даже не здоровался. А чувствовать себя жирафом не хотелось. И был Руслан. Он хорошо рисовал странные картинки по краям тетрадок, приходил на занятия всегда раньше всех и пил кофе за столиком, стараясь вступить во все разговоры.

За этим круглым столиком пил на большой перемене чай и кофе весь класс. Каждый считал своим долгом принести немного печенья и положить его на стол. Больше всех приносил Олег, поэтому девочки с ним разговаривали чаще всего. Яна всегда за обедом сидела около большого шкафа с книгами и ела яблоки. Большой круглый стол стоял около стены между шкафами с книгами классиков и большими папками, в которых директор их класса планировала хранить все вырезки из газет про успехи учеников.

Янка долго смотрела на яблоки. Потом на печенье на столе. Её мама почему-то считала, что в день нужно съесть по три яблока и три огурца, тогда будешь здоровой и стройной. Наверное, мама была права, но Янка уже видеть не могла эти яблоки. Она отрезала тонкие кусочки ножиком, долго держала их в руке и только потом клала их в рот. Она много читала на выходных, много времени проводила за партией. И от постоянного

сидения у неё очень болела шея. Яна незаметно от других повела плечами и откинулась на стену.

Круглый стол был напротив двери в коридор. И Янке нравилось смотреть, кто, куда и зачем выходит из класса. Она положила ногу на ногу, отмахнулась от Руслана, который хотел показать ей какие-то рисунки из немецкого издания Кафки. Не ответила Кате на вопрос о Лермонтове и вдруг увидела, что в класс зашёл кто-то новый.

Это была странная девочка. С огромными глазами и ангельским лицом—в ней было что-то мужское. Даже не то, что одета она была в потёртые джинсы и мужскую рубашку. И не то, что её волосы были подстрижены под «каре», какие делали себе парни из школьной панк-группы. Всё не то...

Девочка незаметно прошла в учительскую, где пили чай преподаватели их литературного класса, и провела там около десяти минут. Яна подумала про себя, что никогда ещё не видела такого красивого человека. Пока незнакомка негромко разговаривала с их завучем, Яна успела съесть два яблока из трёх, посмотреть в зеркало, очередной раз отказать смотреть иллюстрации с Русланом и даже полистать учебник по английскому языку. Домашнюю работу она, как всегда, не успела выполнить. Весь вечер она слушала по телефону Катины рассказы о литературных образах мальчиков в «Повелителе мух» и о разнице между двумя киноверсиями этой, конечно, замечательной книги. Но Катя была слишком умной, и зачастую Яне приходилось притворяться, что она понимает все термины, которые употребляет в своей обыденной речи её лучшая подруга.

Наконец новенькая девочка вышла из учительской, за ней шла Надежда Васильевна в своём длинном бордовом платье. Они обе подошли к обеденному столу, и все школьники разом замолчали. Яна незаметно ото всех выдвинула рядом с собой стул в надежде на то, что новенькая сядет рядом с ней, если, конечно, решится сразу сесть в «логово» их класса. Тогда можно будет первой узнать, откуда она пришла, за какие заслуги её приняли в литературный класс, в который попасть было очень сложно. Янке это удалось с лёгкостью, потому что к моменту объявления конкурса у неё уже была целая подборка рассказов, пусть и написанных от руки в красивом блокноте, и даже одна публикация в школьной газете.

Надежда Васильевна улыбнулась всем, как умела это делать только она, наклонив голову направо и откинув с плеча тёмные волосы.

— Позвольте представить вам, ребята, нового человека в нашем дружном коллективе. Будьте к нему добры, ведь всегда сложно переходить в новый класс.

Надежда Васильевна снова улыбнулась. А новенькая стояла, опустив глаза в пол, и хмуро засовывала руки поглубже в карманы джинсов.

«А с ней не так легко будет подружиться,— подумала Янка.— Зато она выглядит умнее и таинственней многих в нашем классе».

Она открыла рот, чтобы спросить имя новенькой, но противная Ирка её опередила. Ира сидела ближе к выходу, но для того, чтобы спросить первой, она даже подскочила на своём стуле и облокотилась на стол.

— А тебя как зовут?—спросила Ира, и Яна обречённо начала придумывать следующие вопросы. — Дима,— произнесла новенькая низким, с хрипотцой, голосом.

Яна громко поперхнулась яблоком, Руслан, оказавшийся откуда ни возьмись рядом, хлопнул её по спине, отчего Яна поперхнулась ещё сильнее и начала кашлять.

Дима с каким-то презрением посмотрел на неё и сел на стул рядом с Ирой.

Яна отвернулась ото всех, чувствуя, как яблоко встало глубоко в горле и медленно движется куда-то вниз и даже вбок. На глазах появились слёзы от кашля. Она, не глядя, взяла со стола кружку с чаем, чтобы запить весь этот кошмар, и тут же в придачу ко всему обожглась.

— А ты ещё более неуклюжая, чем Белла,— усмехнулась рядом Ира и замолчала под пристальным взглядом Надежды Васильевны.

— Девочки, мы с вами разве не договаривались не упоминать эти... вульгарные вещи... у нас в классе?— строго спросила она Иру. В этот момент Яна была благодарна ей.— Здесь нужно говорить о высоких материях! О литературе! Ты слышишь меня, Ира? О литературе! Читая эту вульгарную книгу, ты навсегда испортишь себе художественный язык, который, как мне казалось, у тебя был!

Янка наконец осмелилась посмотреть на Диму. Тот сидел, прикусив нижнюю губу, и, казалось, не замечал того, что происходит вокруг. Оля налила ему чая, Олег подвинул пакет с «наполеонами». Яна вдруг подумала, что у них замечательный класс. Нигде на свете так душевно не принимают новеньких.

Пока Дима задумчиво глядел на вафли, Янке удалось рассмотреть его поближе. Глаза у него и правда были волшебные, огромные и серые. Нежная бледная кожа и тонкие губы. Роста он был не очень высокого, как и многие мальчики в их возрасте. Худой, даже, наверное, слишком худой. Будто вырос всего за одно лето и ещё сам не понял, что с ним произошло.

Прозвенел звонок, и девчонки стали лениво подниматься из-за стола, чтобы успеть забежать перед уроком в туалет. Уроки у них, как в институте, длились по полтора часа. Сначала это было утомительно, но потом все привыкли, потому что преподаватели были заинтересованы в предметах и давали материала столько, сколько, наверное, другие классы и за четверть не проходят. Надежда

Васильевна тоже поспешила зайти в учительскую. Ира тут же воскликнула, обращаясь ко всем:

— Нет, ну вы слышали, да?

Кто-то хмыкнул, Катя пожалала плечами с таким видом: мол, ты попалась, ты и не жалуешься теперь.

А Яна начала пододвигать к себе чашки, чтобы помыть их. Есть любили все, но как только дело доходило до посуды и окончания чаепития, все сразу испарялись. Обычно Яна тоже убегала в класс, но иногда мыла за всеми кружки, когда сталкивалась с умоляющим взглядом Надежды Васильевны. К тому же, пока ты моешь чашки и занимаешься общественным делом, можно задерживаться и приходить на урок попозже.

А сегодня чашки почему-то валились из рук, одна опрокинулась на стол и разлилась. Яна чертыхнулась и посмотрела на Диму. Он сидел на прежнем месте, будто звонки его не касались, и, прищурившись, пил чай.

— И ты собираешься всё это в одиночку утащить в раковину?— вдруг спросил он своим низким голосом, от которого у Яны почему-то закружилась голова.

Стараясь не касаться Диминых тонких рук, она выхватила кружку, пробормотала что-то нечленораздельное и пошла в туалет.

«Вот я дура!»— оперлась она о раковину обеими руками, когда поставила шесть чашек под струю воды. И посмотрела на себя в зеркало. Лицо пылало.

Сначала она принимает мальчика за девочку, потом неадекватно реагирует на его имя, моет за всех кружки. Что он должен о ней подумать? Что она подрабатывает уборщицей? Или что ей больше всех надо? Что она кому-то что-то проспорила?

А она просто хотела познакомиться—и так глупо пропустила подходящий момент.

Она снова посмотрела на себя в зеркало. Да, она страшная. С таким толстым носом и широкими скулами, длинными и не уложенными в причёску волосами. Придётся ей гулять с прыщавым Стасом или состариться в одиночестве, накручивая на палец волосы и пересматривая банальные романтические комедии, как другим страшным девочкам.

Янка домыла наконец-то эти несчастные шесть чашек и вышла из туалета.

Димы за столом уже не было. Зато там стояло ещё много таких же грязных чашек. Яна всхлинула, схватила свою сумку и пошла в класс.

Глава 2

Дима так и не обратил на неё никакого внимания. Он занял крайнюю парту около двери, за которой никто не сидел. На всех занятиях у него была всегда одна тетрадка, в которой он ничего не записывал. Он смотрел в окно, в которое от ветра бились обледеневшие ветви деревьев. Он подпирал подбородок рукой и стучал пальцами по щеке, когда

открывал тетрадку. На тетрадке было нарисовано что-то чёрное и мрачное. Видно было, что он не особо следит за современной модой. Хотя кто из мальчишек из их класса за ней следил? Стас носил серый костюм и иногда даже носил галстуки. Он давно разочаровался в литературе и хотел быть оператором на телевидении. Олег год назад был эмо, но теперь об этом напоминали только дразнилки, которыми его до сих пор потчевали девочки, и небольшая красная прядь волос. Надевал он какие-то обтягивающие модные брюки, но они настолько не шли ему, особенно под цветные рубашки, которые он носил, что лучше бы он вообще ходил в джинсах. Как Дима. Руслан не вылезал из свитеров, связанных его мамой. И, казалось, даже причёсывал редко свои кудрявые волосы.

В их Школе очень следили за одеждой учеников. Девочки должны были всегда носить юбки, не выше колена. А мальчики—рубашки. Несколько месяцев назад хотели ввести школьную форму, но до сих пор так и не ввели.

Но зимой, когда температура опускалась до минус тридцати, все надевали свитера и штаны на синтепоне. Даже Янка. В этих штанах на улице было тепло, но в классе приходилось либо переодеваться, либо париться весь день.

У её родителей было мало денег, поэтому Яна подолгу могла носить одну юбку. До тех пор, пока окончательно из неё не вырастала.

Но сейчас, глядя на Диму, ей захотелось попросить у мамы её чёрную короткую юбку и купить туфли на каблучке.

На одном уроке им рассказывали про Данте и его «Божественную комедию», показывали фильм. На другом им пришлось идти в правый корпус Школы, чтобы посидеть на уроке английского вместе с нормальными учениками из общеобразовательного класса. За окном быстро темнело, низкие тучи блуждали над зданием Школы. И вскоре повалил снег.

Янка поёжилась. Руслан заметил это и протянул ей шарф. Яна поблагодарила его улыбкой. Её тут же вызвали к доске, и она не смогла перевести текст. Получив выговор за рассеянность, Яна снова села за парту.

Катя толкнула её локтем:

— Ты чего такая?

— Какая такая?—проворчала Яна.

Ей не хотелось говорить о своём странном состоянии. Опять начала болеть голова. Наверное, это погода.

— Какая... Случилось что-нибудь?

Катя—хорошая подруга. Но пока рассказывать было нечего.

— Не знаю. Одиноко как-то. И кушать хочется—надоели яблоки и печенье.

Катя хмыкнула и отодвинулась. До конца дня Янка так с ней и не поговорила. Зато она видела,

что Руслан подошёл к Диме, и тот дал ему сигарету. Значит, они оба курят. Странно, она никогда за Русланом этого не замечала.

После уроков Яна молча одевалась в стороне от подруг. Потом вышла на улицу и стала ждать Катю, чтобы поговорить с ней. На улице было очень холодно. Наверное, завтра температура опустится до минус сорока, и можно будет не идти на учёбу. Тогда она сядет за фортепиано и будет целый день играть на нём, готовиться к конкурсу. Всегда под Новый год в филармонии проходят конкурсы джаза. Вряд ли она что-то выиграет, но нужно постараться. Да, точно, завтра она целый день будет сидеть, укутавшись в плед, дома. Играть на фортепиано, смотреть любимые детские фильмы, пить тёплый чай с мёдом, который папе привозят его друзья с Дальнего Востока. И не будет думать ни о чём, кроме конкурса.

Яна поморщилась от запаха сигарет. Рядом стоял Дима. Пальцы замёрзли и покраснели. Он смотрел куда-то в сторону. На улице начиналась метель. Снег извивался по-змеиному по земле и ложился в форме муравейников. Янка потянулась в сумку за карандашом, чтобы записать это сравнение, но боялась снять рукавицы и окончательно замёрзнуть.

— Привет, — не выдержала Янка и почувствовала, как в животе у неё что-то заболело.

Тут же налетел странный порыв ветра, и метель ладошками подтолкнула Янку сзади прямо к Диме. Дима медленно оглянулся и опустил сигарету. Он молчал. Молчал так долго, что Яна слотнула обиду и снова заговорила:

— Ты далеко отсюда живёшь?

— Не очень.

— Понятно.

Яна разозлилась. И отошла в сторону. К ней тут же подскочила Катя.

— Ну как ты? Отошла? Готова общаться? Может, в кино сходим? — У Кати было отличное настроение.

Яна краем глаза увидела, что к Диме подошли два парня. Они пожали друг другу руки, потом отдали Диме гитару и стали удаляться в противоположную от остановки сторону.

— В кино... не хочу... — ответила Яна, но очнулась только тогда, когда Катя дёрнула её за руку.

— Ты чего? Полдня как зомби ходишь!

— Пошли...

Какая же глупость! Яна ненавидела себя в эту секунду, но обида и злость до сих пор сдавливали ей сердце. Она пошла за Димой и его друзьями. Катю охнула и поспешила за подругой.

— Ты сумасшедшая, Яна? Зачем мы туда идём? Это просто неприлично! — Катя натянула модную шапочку на уши и поёжилась. — Ты его даже не знаешь. Человек только пришёл к нам в класс,

может, он не приживётся, может, вылетит скоро. Ты помнишь, что у нас скоро промежуточный экзамен?

— Может, перестанешь тараторить?

— А ты, может, обратишь наконец на меня внимание?

Дима с друзьями скрылся за серой девятиэтажкой. Подул сильный ветер, и Янка обернулась к подруге.

— Катюш, я не знаю, что делаю...

Катя поджала губы и положила руку в варежку Янки на плечо.

— Я устала... Эти экзамены зимние, конкурс джазовый... Я не справлюсь со всем этим.

— Конечно, не справишься. Кроме яблок, нужно ещё что-то есть.

Янка безнадежно махнула рукой. И снова пошла за Димой.

— Зачем мы туда идём?

— Они же там...

— И что? — Катя дёрнула Янку за руку.

Янка даже не ожидала, что Катя такая сильная. Она была очень худенькой, миниатюрной девочкой. Как большинство девочек в классе. От этого Яна очень комплексовала. За лето она вытянулась и стала выше всех своих подруг. И как теперь носить каблук?

Катя не любила музыку, как Яна, она много читала о политике, перелистывала с пренебрежением гляцевые журналы и часами смотрела кино. Особенно она любила непонятный и скучный артхаус. Катя пыталась доказать Янке, что это оригинально и интересно, но подруге быстро надоело смотреть на длинноносых испанских актрис, которые часами говорят о том, как их братья сбежали из тюрьмы. Ещё были трёхчасовые фильмы, где люди ходили по пустыне и разговаривали. Или сидели в одной комнате, курили и снова разговаривали. Катя говорила, что Яна ещё не повзрослела и многого не понимает.

Катя жила в соседнем микрорайоне, на горе. Оттуда из высоких домов были видны голые поля и холмы. А ещё заброшенный горнолыжный курорт. Туда девочки убегали с занятий и часами мечтали о будущем, когда учились в нормальной школе. Яна хотела стать пианисткой. И в музыкальной школе ей постоянно говорили, чтобы она поступала в музыкальное училище после девятого класса. Но, уставая от многочисленных репетиций, она думала о литературной карьере. Наверное, она слишком много думала о будущем.

И вот будущее настало. И они вдвоём с Катей стоят под промозглым ветром, и Янка не может объяснить своей подруге, для чего они идут в противоположную от остановки сторону.

— Катя, ты потом поймёшь, ладно?

Янка побежала за поворот дома. И резко села на корточки за машину. Дима с друзьями

стояли совсем рядом, у подъезда, с крыши которого свешивались вкусные на вид сосульки, и смеялись.

Значит, он нормальный и умеет смеяться, подумала Янка. За весь день Дима даже ни разу не улыбнулся.

— Ты чего, а? — Катя вышла из-за угла, увидела ребят.

Как в замедленной съёмке Катькиного артхауса, Дима обернулся к ним, а Яна схватила Катю за куртку и дёрнула к себе. Катя с воплем упала на лёд, а Дима опустил руку с догоревшей сигаретой и выбросил её в мусорку у подъезда.

В это время из дома вышла красивая девушка с распущенными тёмными волосами из-под меховой шапки. Она чмокнула Диму в щёку и взяла его под руку.

Пока они удалялись от подъезда, на высоком крыльце которого висела надпись известного в городе косметического салона, Дима ещё раз обернулся на машину. Яна сидела на корточках, и ей было стыдно смотреть в сторону подруги.

Наконец они обе поднялись с грязного льда, и Катя, отряхнувшись, молча пошла обратно к Школе. Яна следовала за ней.

Как объяснить подруге, что с ней происходит? Она и сама ничего не понимала.

Между ними никогда не было никаких тайн и разногласий. Они всегда ходили вместе в Школу. Потом вместе пошли в литературный класс. Катя даже пыталась ходить в ту же самую музыкальную школу, что и Янка. Но у неё ничего не получилось. И вообще, Яне всегда казалось, что она ей немного завидует. Поэтому и пытается быть умнее.

К чему бы ни прикасалась Яна — всё у неё выходило хорошо. Написала две статьи в школьную газету — и её заметила директор литературного класса. Сыграла один раз джазовую композицию «с листа» — и её оценили на джазовый конкурс. Но почему-то теперь её это совсем не радовало.

Они так же молча ехали вдвоём в автобусе. Был вечерний час пик, они еле влезли в автобус номер восемьдесят пять, который проезжал мимо дома Кати, а потом мимо гаражей ещё минут десять ехал до Янкиной остановки. Автобус даже со стороны казался совершенно замороженным изнутри. Катя хмуро кивнула на прощание головой.

На улице было уже совсем темно. Сильный ветер раскачивал деревья и тусклые подвешенные фонари. А Янке было страшно. Хотелось, чтобы с ней рядом шёл кто-нибудь. И чтобы он молчал, а Янка говорила. Говорила о Школе, о джазовом конкурсе и о том, как ей не хочется на нём выступать. А ещё она спросила бы этого человека, кем была та девушка, явно старше Димы, которая так нежно его поцеловала.

Но только ветер выл в проводах и снежная метель будто толстыми шерстяными рукавицами хлестала по лицу. Иногда она подталкивала Яну

вперёд по дорожке, а иногда заносила её в сугробы. Метель явно была сильная.

Яна вспомнила о сотовом телефоне, включила звук и увидела пять пропущенных звонков от мамы. Мама всегда слишком волнуется, когда становится темно. Да, между остановкой и их домом — почти десять минут ходьбы мимо гаражей и подвалов. Это очень неприятно, если не знать всех бывших одноклассников её родной школы, которая стоит около дома. А у этих одноклассников есть старшие братья и сёстры, которые и сидят сейчас в подъездах, и греются, и щёлкают семечки. Их встретить не страшно.

Яна быстро забежала на четвёртый этаж и позвонила в дверь.

Глава 3

На следующий день Дима не пришёл на занятия. Катя с Яной не разговаривала. И Яна сидела в классе, слушала про Одиссея, а пальцы её автоматически бегали по столу и вспоминали самый сложный пассаж в этуоде.

История про Одиссея была очень грустной. Всем ученикам задали до завтра посмотреть фильм. Катя радостно кивнула. Наверное, фильм про Одиссея относится к артхаусу и она его уже видела.

Как сквозь сон Яна слышала Катькин ответ на уроке по русской литературе:

— Меня волнует вопрос, почему, почему же всё-таки Островский не сохранил жизнь Катерине? Ведь её страданий было достаточно, чтобы показать сущность окружающих Катерину людей. Я думаю, что Островский сам не мог противостоять року, висящему над Катериной. Рок оказался сильнее Островского.

А потом с места начал говорить Руслан: — Кудряш и Варвара делают вид, что не происходит ничего особенного. Как дождевые черви... они становятся только активнее после обильного дождя. А молнии, гром грозовой их не пугают! Привычное дело.

На третий урок к ним привели маленьких детей и предложили провести целый творческий час наедине. Руслан хмыкнул и уткнулся в тетрадь. По Катьке явно было видно, что она не знает, как обращаться с детьми.

Яна отложила в сторону «Обыкновенную историю» Гончарова и вышла вперёд.

— Дорогие... мальчики и девочки! — произнесла Яна громким голосом. — Вы ведь любите сказки? — Да! — робко произнёс мальчик в широких и почему-то фиолетовых штанах.

— Герои сказок — как инопланетяне, — кивнула девочка с белым бантиком.

— А мне кажется, что сказка... — Янка откинула от себя все лишние мысли, — это... Это мы! Ведь когда кто-то берёт книжку, её очень сложно положить на место. Потому что сказка притягивает

и начинает командовать нами. Книжка светится, и она заставляет себя читать. А герои сказок ждут, когда же их освободят. Да?

Ещё одна девочка протянула руку с листиком. — Смотрите! Я нарисовала. Солнце вместе со звёздами у домика Кошца Бессмертного — а у него усы и глазки...

В класс вошла и села за крайнюю парту директриса. Надежда Васильевна каждый день меняла платье. А ещё она любила красный цвет, и на ней всегда было что-то красное. Либо помада, либо ногти с красным лаком, либо серьги. Сегодня красными были туфли на высоком каблуке.

Яна тоже вырядилась. Да, видимо, перестаралась. Она никогда не красилась в Школе. Только на концерты или мероприятия в музыкалке.

Она очень боялась выйти перед детьми и своими одноклассниками. Казалось, что сейчас все будут тыкать в неё пальцами и обсуждать. Вечером у неё был конкурс в консерватории, и ей некогда было возвращаться домой и переодеваться. Жаль только, что Дима не оценит её чёрную юбку и блузку с вырезом. Завтра она придёт как обычно — в синтешоновых штанах и тёплой кофте.

— Яночка, прекрасно выглядишь, милая! Не зайдёшь ко мне на минутку в кабинет, когда закончишь? — Надежда Васильевна мило улыбнулась и пошла к себе.

Яна быстро раздала вырванные из тетради листики детям и попросила нарисовать их любимых сказочных героев. Затем под взглядами одноклассниц тоже поднялась и подкинула яблоко. Не поймала. Яблоко покатило куда-то под стол. Дети засмеялись. Яна вздохнула грустно и не стала его поднимать.

Директриса, Надежда Васильевна, сидела за рабочим столом. Преподаватели вышли куда-то. Кабинет был не очень большой, учителя на переменах ютились здесь же, в кабинете директора. И во время занятий все называли этот кабинет директорским, а во время перемен — учительской. Здесь стояло всего два стола и большой шкаф с учебниками. Ремонт ещё не был завершён, и на окнах ещё даже не висели занавески.

— Яночка, хочу тебе сказать, что ты — единственная девочка в классе, которая когда-либо занималась журналистикой...

Надежда Васильевна замолчала.

Яна взмахнула руками и быстро зажала их между ног.

— Ну... я бы так громко не стала об этом говорить... Это всего-то две глупые статьи... и темы там были банальные...

— И всё же... — Надежда Васильевна аккуратно сложила книги на столе в стопочку и отодвинула в сторону. Казалось, она никуда не спешила, и разговор должен был затянуться. — Мы всегда хотели, чтобы наш специализированный класс

стал не просто грантовым проектом на один год. Мы хотим воспитать целую плеяду талантливых молодёжи, которая когда-нибудь будет заведовать и нашим телевидением, и газетами. Я хочу, чтобы вы стали редакторами наших газет. Чтобы уехали учиться в Москву, а затем вернулись и наполнили наш город культурой и настоящей свободной творческой атмосферой. Но для того, чтобы нас спонсировали и дальше, нужно вас раскрутить. Ты меня понимаешь?

Яна понимала только, что вскоре она не будет мыть чашки и что ей предлагают что-то более интересное, чем просто сидеть на уроках. А Надежда Васильевна переложила книги на одну из полок шкафа.

— Вы мне больше напоминаете пушкинский лицей... Да! И это — не громкие слова! Я хочу, чтобы и ваши книги когда-нибудь стояли на почётном месте на этой полке. К вам будут постоянно приезжать известные писатели. Но... писатели писателями, а мне хотелось бы работать со сми. В общем... в вашем классе, на мой взгляд, всего два человека, которых уже можно вовлекать в рабочий процесс. Это ты и Руслан.

У Яны на губах застыла странная улыбка. Ей было приятно, что её выделяют из остальных учеников. Но Руслан... Он-то чем проявил себя? — Зря ты сделала такое лицо, — строго произнесла Надежда Васильевна. — Он очень талантливый мальчик, и словарный запас, и начитанность у него лучше, чем у тебя. Уж не обижайся.

Яна насупилась.

— В любом случае сейчас мы предлагаем тебе начать писать для одной маленькой газеты. А затем, если всё получится, мы будем выходить на телевидение с новым молодёжным проектом, и я хочу, чтобы вы с Русланом им занялись. Но об этом позже. А пока — вот тебе телефон редакции. Позвони и узнай, что им нужно. А вообще — никому пока об этом не говори. И ещё... нарисуйте новогоднюю поздравительную газету, пожалуйста. Украсьте класс!

Надежда Васильевна что-то размашисто написала на чистом листе А4 и указала им на дверь. Яна кивнула и вышла.

А там вновь пили чай. Катя неловко гладила по голове девочку с бантом на прощание. Увидев Янку, Стас спросил:

— Ну что, живая? Всё в порядке?

Катя подошла, прислонилась спиной к стене рядом и протянула яблоко. Другое яблоко.

— Не стала с полу подбирать? — улыбнулась Яна. — О чём спрашивали? — Катя изучающе смотрела на подругу.

— Да так... Надо с Русланом газету будет к Новому году нарисовать.

— Да-а-а... — протянула Катя и почему-то отвела глаза в сторону.

Яна не обратила на это никакого внимания. В окна пробивался солнечный свет—значит, на улице было очень холодно.

Руслан тоже встал рядом. На солнце Яна заметила, что у него яркие карие глаза.

— О чём разговор? Тебя учили играть с жизнью?

Как же сложно с ним общаться и понимать эти странные метафоры, подумала Яна.

— О новогодней газете. Начальство думает, что ты здорово рисуешь и мне без тебя никак не справляясь.

Яна жевала своё яблоко и смотрела на Руслана. Он только с виду был такой простой и приветливый. Почему-то ей казалось, что они с Димой полные противоположности. Руслан постоянно смеётся и шутит, рассказывает анекдоты про блондинок, чем очень бесит Аню. А Дима молчит и хмурится.

— Янка, не слушай никого. Скомкай мир в комок и выброси в мусор.

Вдруг в класс вошёл Дима. От него ещё шли клубы морозного пара. Он поздоровался за руку с Русланом. На Янку даже не взглянул. Затем ушёл в дальний угол класса и сел в большое глубокое кресло.

К нему тут же подскочила Ирка и стала что-то щебетать про домашние задания.

Руслан отвлёк Яну от созерцания новичка:

— Ну так что, потратим большую перемену на задание сверху? Ты чего такая бледная и насупленная?

Янка пожалала плечами.

Они отошли к другому круглому столу, разложили на нём ватман, взяли карандаши и краски. Руслан профессионально выводил широкими взмахами рук что-то невообразимое и драконообразное.

Катя сидела рядом на высоком стуле и болтала ногами.

— А к чему такая спешка?—спросила она.—Ведь до Нового года ещё куча времени!

— Не такая уж и куча...—пробормотал Руслан и наклонил голову, оценивая получившийся набросок.

— Слишком готично.

Яна взглянула на Диму. Он тоже из другого угла комнаты смотрел на неё.

Тогда Яна обернулась к Руслану и улыбнулась своей самой обаятельной улыбкой, на которую только была способна.

— Хотя... Прекрасно! Пусть будет очень мрачный Новый год. Все с ума сходят по готике. Скоро будут переслушивать «Лакримозу». Очень модно и своевременно.

— Модно?—с недоверием спросил Руслан.

Казалось, что он сейчас разорвёт весь рисунок только из-за слова «мода», и тогда Яне придётся ещё задержаться здесь на час, для того чтобы

дорисовать газету в одиночестве и дописать поздравительные речи. Она хотела ещё наклеить фотографии их класса с весёлыми надписями. Но раз газета получается готичной, тогда впору будет искать анекдоты с «чёрным» юмором. Она положила руку Руслану на плечо и сказала:

— Всё в порядке, я пошутила. Это вы с Катей любите готику, но не я. Но нарисовал ты отлично.

Она отдернула руку, потому что Руслан покраснел. Катя же побледнела и вцепилась руками в стул.

Тогда Янка на всякий случай молча отошла от них подальше и присела на край стола.

Дима по-прежнему смотрел на неё. Но когда они опять встретились взглядами, быстро обратил внимание на болтавшую рядом Иру. Ира уже не просто стояла у кресла. Она села на его подлокотник и по-свойски «прилегла».

Вот зараза, подумала Яна и наклонилась над ватманом.

Остальная часть дня прошла без происшествий. Дима посидел всего на одном уроке, потом прикинулся больным и отпросился домой. Наверное, чтобы погулять под солнцем.

А Яна поехала на джазовый конкурс, который не выиграла. Было много зрителей, красивых прожекторов. Организаторы даже поставили искусственные свечи по всему периметру сцены. Яна сыграла блестяще. Но в её номинации первое место отдали девочке младше её года на четыре. Из соседней музыкальной школы. Программа у неё была слабее. Зато она так бодро подпрыгивала за роялем, так радостно махала судьям и зрителям рукой, что Яна сразу поняла, что шансов у неё не остаётся. Она здесь—как то странное привидение в чёрном, нарисованное Русланом на газете. Странное, красивое, но очень одинокое. А может быть, мешал Дима. Когда Яна вышла на сцену, ей показалось, что один человек в первом ряду очень похож на него. Она вздрогнула и долго не могла сосредоточиться. Руки дрожали и отказывались играть. Яна не выдержала и посмотрела на первый ряд снова. Но теперь поняла, что это точно был не он. Дрожь в руках утихла, но Яне отчего-то стало очень и очень грустно.

И там же, на сцене, Яна вдруг поняла, что раз будущее так быстро наступило, нужно выбирать что-то одно. Либо музыку. Либо литературу.

Глава 4

— А где ты живёшь, Дима?—спрашивала громко Ира.

Так громко спрашивают либо глухие люди, либо люди, которые очень хотят, чтобы их вопросы долетали до самых окраин комнаты. Для того чтобы Яна поняла, что её место—сидеть рисовать поздравительную газету, а Ира—единственная из всех, кто напрямую общается с новичком, а не обсуждает его за столиком.

— Бедный Дима... — прошептала Яна, и Руслан, сидевший рядом, фыркнул. — Может, пойдёшь и спасёшь его?

— Да ладно тебе, он не маленький, сам справится.

Катя тоже сидела рядом с ними. Она глянула на полюбившийся Диме диван с креслом и пожалала плечами.

— И чего только Ира в нём нашла? Вид очень глупый и какой-то обкуренный.

— Ты хотела сказать — таинственный? — перебила её Яна.

— Нет. Руслан, хоть ты скажи ей!

Но все замолчали, потому что заговорил Дима. Он говорил очень тихо. Иногда так тихо, что даже сидевшая рядом Ира переспрашивала его. Но сейчас почему-то замолчал весь класс. И его голос прозвенел в тишине.

— Я живу недалеко отсюда, три остановки на автобусе.

— Вниз или вверх? — не унималась Ира.

Вверх — означало, что он живёт в микрорайоне около университета, где много студенческих корпусов, а вниз — в центре города.

— Вверх.

Дима встал и пошёл к дверям, оставив Ирку дуться и демонстративно копать в своём телефоне.

Он прошёл мимо Яны, она стояла в узком проходе между столом и коридором. Он слегка коснулся её руки, и Яна почувствовала, как её ноги становятся ватными. Она прекратила рисовать и посмотрела на Катю. Она надеялась, что Катя наконец всё поймёт. И если Яна не ошибается, то на её лице должно появиться чувство облегчения.

Дима кивнул Руслану:

— Как дела продвигаются?

Руслан нервно подскочил и откинул от себя краски. Яна с Катей переглянулись.

— Да... Мы тут... плюшками балуемся.

И засмеялся.

Янка скривилась. Дима странно приподнял брови, потом кивнул молча и, накинув чёрную куртку, вышел на улицу. Их класс находился на первом этаже небольшой школьной пристройки и имел как дверь в общий коридор Школы, так и отдельный, выходящий к забору.

Руслан покрутил пальцем у виска:

— Станный он какой-то.

— На себя посмотри... — буркнула Яна и вновь склонилась над рисунком.

Её вдруг начали раздражать Руслан с его глупыми и устаревшими шуточками, Катя, которая непрерывно сидела рядом с ними. И почему Дима позволяет себе так спокойно прогуливать уроки? Приходить-уходить, когда ему вздумается?

Нужно было всё разузнать.

Поэтому после уроков она быстро попрощалась с Катей и пошла в сторону того серого дома, где

в прошлый раз Дима встретился с девушкой. Её догнал Руслан.

— Ты не домой? — спросил он, заворачиваясь в широкий шарф. И пошёл рядом.

— Нет.

Только его тут не хватало.

— А куда тогда? — и, не дожидаясь ответа, заговорил о своём: — Я домой не спешу. Идти туда не хочу. У меня отец с дежурства сегодня рано вернётся, лучше ему под руку не попадаться. Я вообще удивляюсь, как он разрешил меня в наш класс отдать.

— Ты о чём?

Янка чувствовала, что замерзает. На улице температура явно опустилась до минус двадцати пяти. Тонкая вязаная шапочка не спасала. Яна засунула руки в рукава поглубже. Два раза чуть не поскользнулась на льду. И всё думала, правильно ли она поступает.

— Ты меня слушаешь? — Руслан вытер рукавицами иней с ресниц. — А как у тебя отношения с родителями?

— Отлично, — ответила Яна.

Она даже не знала, что смогла бы рассказать о родителях. Всё было хорошо.

— Папа и мама работают инженерами. Я всё время провожу то здесь, то в музыкальной школе. Мы видимся по вечерам. А иногда не видимся, так как папа уже спит или играет на гитаре. И тогда ему лучше не мешать, иначе он собьётся и начнёт играть свою длинную сонату заново.

— У тебя отец не пьёт? — удивился Руслан.

— Нет. А с чего бы ему вдруг пить? — пожалала плечами Яна. — И мама не пьёт. Даже бабушки и дедушки не пьют. Ну, может, разве иногда вино по праздникам. Друг отца всегда привозит его из Крыма. — А вы где летом отдыхаете?

Вот привязался. Обычно ей нравилось с ним разговаривать «ни о чём», но он никогда не начинал говорить о семьях.

Янка повернулась к Руслану.

— А если я к друзьям иду? Или в больницу? Или с отцом встречаюсь по делам? Чего ты ко мне прилип?

— Давно не общался с тобой. Что с того? — Руслан растерянно оглянулся по сторонам. — Что с тобой происходит последние дни? Как одурманенная ходишь. Почему ты избегаешь меня?

Яна что-то промямлила в ответ, потом положила ему обе руки на плечи, пристально посмотрела в глаза.

— Мне очень нужно сейчас зайти в магазин, потом на почту, а затем в одну редакцию. Я не против того, что ты пойдёшь со мной, но я не знаю, насколько задержусь. И тем более редакция находится на «Строителе», оттуда уже в восемь вечера сложно будет добраться до твоего дома, так как не ходят автобусы. Думаю, мне нужно дальше пойти одной.

— Ты похожа сейчас на серый кусок нервов.

Яна помахала Руслану голубой варежкой и быстро потопала по льду прочь, надеясь, что Руслан не пойдёт следом.

Пока Янка огибала почти весь микрорайон по кругу, она задумалась о том, почему и правда так изменилась. Дело же совсем не в Диме и не в джазовом конкурсе. Просто ей хочется чего-то совсем нового и постоянного. Четырнадцать лет у неё было всё не как у людей. Она ходила в детский сад всего год, а потом все оставшиеся до первого класса годы с ней дома сидели бабушка и мама. С первого по четвёртый класс она меняла школы. Родителям не нравилась то сама школа, стоящая по соседству, то учителя. Янке удалось поучиться и в лицах, и в гимназиях, и в обычных бесплатных школах. А теперь несколько месяцев она учится в литературном классе Школы номер пять. И здесь ей нравится больше всего. Лишь здесь она почувствовала себя как дома. И не только потому, что ребята подобрались все общительные и интересные, и все они хотели чего-то добиться в жизни, никто не отсиживал уроки просто так. А потому, что Яна наконец начала понимать, что ей нравится больше всего. А нравилось ей писать.

С такими мыслями она дошла до косметического салона и поднялась по ступенькам наверх.

Дверь тяжело открылась, и Янка оказалась в тепле.

Девушка за столиком брезгливо оглядела её и вопросительно приподняла брови.

— Я... я бы хотела... — начала Яна и сделала несколько шагов к комнате, в которой было очень светло.

Что бы такое сказать, чтобы было правдоподобно?

— Мне мамини подружки посоветовали в ваш салон сходить... у меня вот... — Янка взглянула на себя в зеркало в поисках прыщей. — Они прошли, но мама говорит, что лицо у меня жирное, и с ногтями нужно что-то делать...

Яна вытянула вперёд руки, потом неловко улыбнулась, стянула с них варежки.

— И мне посоветовали обратиться к вашей сотруднице... Её зовут... Ой, то ли Аня, то ли Катя. У меня на имена память плохая, даже подружки говорят. Но у неё длинные тёмные волосы, и она... в общем... ходит в тёмно-красной шубе.

Девушка за столиком откинулась назад на стул и по-прежнему молча смотрела на Яну.

— Я могу зайти и показать, я её узнаю, — Яна быстро подошла к двери и заглянула вовнутрь.

Она ещё никогда не была в косметических салонах. Да и вышеупомянутых проблем с кожей и руками пока тоже не было.

Но Яна сразу поняла, что той девушки здесь нет. Она разочарованно оглянулась назад.

— Она сегодня не работает?

— Она черна уволиться, — девушка откинула назад свои крашенные-перекрашенные кудри, которые выглядели очень безжизненно, и поднялась со стула.

— А... А как её можно найти? — Яна почувствовала разочарование. — Дело в том, что мама попросила меня кое-что ей вернуть.

— Я не знаю! — резко произнесла девушка и сложила на груди руки. У неё были отвратительно длинные ногти с ядовито-красным лаком. — Она где-то учится и у нас только подрабатывала по вечерам. А живёт она в каком-то старом доме на горе, у них ещё в подвале вчера канализационную трубу прорвало. Вот отстой.

— Спасибо, — пробормотала Яна и выскочила обратно на мороз.

— Эй, ты! — услышала она сзади за собой крик. — Вчера за ней брат заходил! Может, твоя мама его знает?

— Брат... — как во сне прошептала Янка.

Значит, всё не так уж плохо складывается в этом мире. У Димы есть сестра и несколько друзей. И пока ни одной девушки рядом. Кроме Иры, разумеется.

Довольная, Яна соскочила с крыльца прямо в сугроб и в полёте увидела перед собой Руслана.

От неожиданности она не удержалась на ногах и упала в снег.

— Ты чего? Следишь за мной? — вдруг закричала она, а хорошее настроение испарилось.

— У тебя из сумки кое-что выпало, — сердито произнёс Руслан, отдал Яне её любимый блокнот с записями и пошёл обратно к Школе.

Яне стало стыдно. Она засунула блокнот поглубже в сумку и подбежала к человеку, который ещё несколько дней назад был её другом.

— Прости меня, у меня просто дни какие-то дурные идут. Вопросы, вопросы, вопросы. Понимаешь, тёмная полоса в жизни... — быстро заговорила она, пытаясь заглянуть Руслану в глаза. — Разве у тебя такого не бывает?

Руслан шёл так быстро, что Яна удивлённо подумала о том, что он никогда так быстро ещё с ней рядом не ходил.

— Я завалила конкурс, мне дали кучу заданий в Школе. Надежда Васильевна не говорила тебе о телевизионном проекте?

Она попала в точку. Руслан обратил на неё внимание.

— Мы вместе будем писать сценарии для молодёжной передачи. Давай не будем друг на друга обижаться по пустякам!

Руслан хмыкнул и поправил за плечами рюкзак с книжками.

— Так ты сейчас в редакцию?

— Нет, — опустила голову Яна. — Мне заниматься надо. Я в музыкальную школу поеду.

— Я тебя провожу?

Руслан спросил таким тоном, что Яна поняла, что не сможет отказаться.

Глава 5

Янка сидела за фортепиано и смотрела в ноты, расплзающиеся по высокой тетради. Это был её приговор на ближайший месяц, до академического экзамена в декабре. Она слишком поздно приступила к обязательной программе, и у неё практически не оставалось времени для того, чтобы отлично её выучить. Сонет, ноктюрн и этюд. И всё из-за этого джазового конкурса. Если бы она только победила в нём... Тогда академический экзамен ей бы перезачли за то, что она принесла в их музыкальную школу награды. Но все учителя и замдиректора смотрели на неё с осуждением. Как будто она халтурила и поэтому не выиграла. Будто от тренировок зависит всё в жизни. Если бы всё в жизни зависело только старательности...

Но Янка сегодня вечером плохо соображала. И играла ещё хуже.

— А теперь мы послушаем тишину... — сказала её учительница, Нина Николаевна.

Нина Николаевна была очень доброй женщиной, но она знала, как будет Яне сложно за несколько недель выучить новую программу. — И—ра-а-аз!!! И—дв-ва-а-а! — взревело за стеной полурычание с шумными вздохами.

Яне сразу представились закатившиеся глаза Любови Дмитриевны, её открытый мощный рот, подбородок, нависший над бледным ребёнком, над его дрожащими пальцами, вылупленным в ноты личиком.

Янка вздрогнула, перестала играть. Мягко положила тонкие руки на колени в пятнистых колготках и испуганно посмотрела на Нину Николаевну. — Я не могу так...

Ну что она ещё могла сказать?

Казалось, что даже фортепиано фирмы «Прелюдия» вжималось от крика в стенку. Нина Николаевна ласково закрыла ноты.

Неловко как-то стало. За таких учителей, как Любовь Дмитриевна в соседнем классе? Нина Николаевна её не нанимала, и вообще, от них с Яной здесь ничего не зависело, даже класс директора хотел отдать ей. Конечно, у неё муж — замдиректора какой-то фирмы и дарит дорогие подарки для их школы.

— Можно я пойду?

Яна уже топталась у ободранной двери кабинета и скидывала в пакет ноты. Домой идти не хотелось. А хотелось под уважительным предлогом прогуляться с Ниной Николаевной по замёрзшим улицам и неспешно смотреть, как люди спешат после работы по домам.

— Выучи этюд, хорошо? А то академ через...

— Можно я с вами до дома пойду? — Янка открыла дверь и резко её отпустила.

Дверь с нудным визгом закрылась.

— И—ра-а-аз!!! Болван! У меня уже рука устала ритм на плече отбивать!

Даже Яна почувствовала, как ей на плечо падает огромная рука с золотым кольцом. Всё падает и падает. И она, как в детстве, боится споткнуться, промахнуться клавишей и дать себя смять... За стенкой грохнуло — Эл-Дэ свалилась на стул.

— Я устала! Болван...

Противно было слушать дальше. Нина Николаевна тоже начала собираться домой. За тёмным окном под фонарями отсветами падал снег. — Можно, я у вас дома порепетирую? У меня родители придут поздно, а ключи я забыла...

Нина Николаевна, подумав, кивнула и села на стул, чтобы переобуться.

Как часто бывает в Сибири, погода мгновенно сменилась. И если весь день было очень холодно, то к вечеру потеплело и повалил снег.

Яна и Нина Николаевна шли по улице, обходя новые сугробы. Яна любила снег. Он обычно снимал с неё озлобленность на мир и укутывал каким-то пустым безразличием к окружающему пространству. В такие мгновения она переставала волноваться о том, что ничего не успевает.

Ничего не ждёшь, ничего не понимаешь, ничего не слышишь. Идёшь до дому пять километров мимо проезжающих автобусов и улыбаешься контролёрам, презрительно и удивлённо поглядывающим на тебя из-за грязных стёкол.

Поднялись по крутым и заплёванным ступенькам на шестой этаж кирпичной девятиэтажки. Янка была здесь впервые. Нина Николаевна долго открывала дверь, будто решая в последний момент, пускать ученицу к себе в дом или нет.

Дениска радостно бросился Нине Николаевне на шею, потом без спроса чмокнул в мокрую щёку Яну. Грустно и очень щекотно стало от его юных усиков. Посмотрел в пустые глаза Нины Николаевны и сказал:

— Мамочка, давай послушаем сегодня тишину.

— Давай.

Нина Николаевна стягивала мокрые от снега демисезонные сапоги. Яна давно заметила, что у её преподавательницы нет тёплых сапог.

— Что ты здесь делаешь так рано?

— Тётя Аля меня привела домой.

Янка огляделась. Затопталась в смущении в узкой прихожей. Она представляла Дениску совсем маленьким. А перед ней стоял парень на голову выше её, с мокрой вытанутой нижней губой.

Нина Николаевна смотрела на себя в зеркало. Дениска уже сел вырезать картинки из журналов «Вокруг света», которые вчера отдала преподавательнице Янка. Там очень красочные картинки, поэтому Дениска не выдержал, Яна знала, что он их очень любит. Он вообще любил всё цветное. Нина Николаевна хотела извиниться перед Яной,

но, взглянув на неё, увидела, что слов не нужно и та всё понимает.

Они сели за большой чёрный рояль около окна. Нина Николаевна смотрела на снег. В комнате было мало света, только настольная лампа со старинным абажуром освещала ноты.

Яна второй, третий раз старательно играла пассаж. Этюд был очень надрывным, совсем не похожим на обычный технический этюд. Слишком много эмоций. Это именно то, чего так Янке не доставало. Через пальцы задавать клавишам свои вопросы. И через звук получать на них ответы. Ей казалось, что всё её тело дрожит и горит, излучая странную электрическую энергию, заряжая ею рояль.

На кульминации Нина Николаевна клала свою мягкую руку Яне на спину и слегка придавливала её к роялю.

— Ты хорошо играешь... — наконец вздохнула она и облокотилась о край рояля. — Но ты боишься выпустить эмоции. Ты боишься показать их публике и людям, ты слишком скрытная. Ты общаешься со звуком и самим инструментом. Но дальше твоя энергия не уходит. И жюри на конкурсе тоже это почувствовало.

— Что вы... — улынулась Яна.

— Нет, не спорь со мной, — Нина Николаевна поджала губы и задумалась. — Тебе сложно выражаться, сложно признаваться, хотя ты по натуре — очень общительный человек. Так?

— Так... — опустила голову Яна.

— Тогда покажи мне это! Покажи! — Нина Николаевна снова перевернула ноты на первую страницу. — Твоя музыка должна рыдать вместе с тобой!

Яна кивнула, выждала несколько секунд и подняла руки.

— Mam, там опять от мужчины письмо пришло, — раздался голос Дениски.

Яна поняла, что больше занятия не будет. Нина Николаевна мягко взяла на рояле аккорд в верхней октаве.

— Он забыл, — пояснила она. И Яна поняла, что её впервые вводят в страшную семейную драму. — Он снова забыл о том, что это его отец! Ладно, мужчина — более понятно.

Дениска подошёл к роялю и протянул письма матери. Внимательно посмотрел на Янку, отчего ей стало жутко. Нина Николаевна взяла конверт и вложила его в книгу о Шостаковиче.

— Я всегда так делаю. Есть у меня одно болезненное желание: лет через двадцать открыть все эти конверты и прочитать — и посмеяться над своей глупостью и безумием. А потом поехать к Дениске в приют, а он тогда будет жить в приюте, и сказать: «Видишь, какая у тебя мать? Из-за своей дурацкой гордости она погубила тебя!»

Нина Николаевна засмеялась вновь и ласково нажала несколько клавиш.

— Но он и тогда ничего не поймёт. Он только улыбнётся.

Яна села на скрипучий диван и оглянулась по сторонам. Эта однокомнатная квартира для Денискиного шестнадцатилетнего возраста и его матери была слишком маленькой. Родительский шкаф с книгами, поломанный телевизор, фортепиано и белые ноты. Они лежали везде. Звали к своим звукам, чтобы поговорить — дать возможность выговориться, крикнуть... Только сейчас Янка поняла, что музыка — это тоже жизнь, как и литература. Не только академические экзамены, сольфеджио и муштра для районных и городских конкурсов. Иногда музыка спасает жизни.

Нина Николаевна села за фортепиано и заиграла Глиэра — так, как Янка никогда не сыграла бы. Надрывно. Так, как она хотела, чтобы играла Яна. Дениска, вернувшийся к своему занятию, оторвался от картинок, заплакал вдруг по чему-то неизведанному в его жизни. Соседи, не любящие крики и фортепиано по вечерам, начали стучать по батареям.

И это было красиво. Как целый оркестр, и Нина Николаевна — во главе.

Она остановилась на пониженной терции...

Дениска слушал тишину. Приоткрыв рот и тяжело вдыхая песню снега за окном. Так он отдыхал, потому что спать ему больно. Он не закрывал глаза из-за страха не выползти из темноты.

Яна смотрела на него и видела, как в чёрно-белом кинематографе, что ночью он пытается Нину Николаевну разговорить. Он ничего не понимает, когда она уходит от него на работу и возвращается мокрая от дождя и снега вечером. На столе лежала вырезанная из сотенной купюры картинка с лощадкой. Наверное, это были деньги, оставшиеся им на ужин. На столе валялись новенькие и ещё не распечатанные ноты Шопена.

И, наверное, скоро Нина Николаевна отвезёт Дениску в приют, сядет за фортепиано и сломаёт эту тишину, которую возненавидела за последние годы...

— Давайте я чай поставлю, — предложила Яна.

Глава 6

Морозы победили. Занятия хотели отменить на целую неделю. На улице стояли сорокоградусные морозы. Но, как всегда, не отменили. В Школу всё равно никто не ходил. Многие решили не мёрзнуть в старых «Икарусах».

Дома приходилось надевать две пары шерстяных носков и старый папин свитер. Янка плохо засыпала под пятью шерстяными одеялами, в которые укутывалась, как в кокон. Панельный дом не справлялся с морозами. На улице прорвало канализацию, отключили горячую воду. А потом и на целый день отопление. Яна слышала, как надрывается один на всю квартиру обогреватель,

как кашляет отец. Она чувствовала, как холод постепенно забирается к ней под кожу. Она тёрла ноги друг о друга, но ничего не помогало. Если бы только была горячая вода, она бы полежала в горячей ванне с час, а затем запрыгнула в свой кокон, и тепла бы хватило на несколько часов.

Янка отодвинулась от ледяной стены, отгородилась от неё игрушками и погрузилась в мучительный полусон. Для того чтобы заснуть, она представила себя маленькой нищенкой из французской деревни. Средние века, у неё никого нет, как в книжке «Без семьи». Она ходит с бродячими актёрами и музыкантами по сёлам и засыпает у костра, на снегу, на шкуре, завёрнутая лишь в одну тряпку. Янка поёжилась, превратилась в клубок, накрылась с головой одеялом и заснула.

В среду Янка приехала в Школу. Больше для того, чтобы погреться. Зашла в кабинет и поняла, что там никого нет. Она поставила чайник и вытащила из сумки печенье.

Не слышно было шагов на втором этаже Школы. В соседнем крыле, где обычно по утрам тренировалась баскетбольная команда, отчего в их классе тряслись стёкла, тоже стояла тишина.

Стёкла были замороженными и сияли на солнце ледяными цветами.

Яна любила такое одиночество в классе. Директор куда-то вышла. Преподаватели опаздывали из-за пробок на дорогах.

Яна постучала пальцами по столу, будто сыграла гамму соль-минор. Потом открыла ноутбук, создала новый файл и задумалась. Ей нужно было нести сегодня первую главу романа для газеты и показывать, что она умеет писать. Умеет ли? Сможет ли осилить по главе в неделю?

Рядом закрипел стул, и подсел Дима.

Янка покраснела и уткнулась в монитор.

— Чай горячий? — спросил вдруг Дима своим низким ломающимся голосом и, не дожидаясь ответа, взял чайник, чтобы налить себе в кружку кипятка. — Занятий, я так понимаю, сегодня не будет?

Он пристально посмотрел на Янку. Она пожалала плечами.

— Ты можешь повторить своё «привет», — улыбнулся он.

Лучше бы он не улыбался такой невероятно обольстительной улыбкой. Яна закрыла свои пылающие щёки распущенными локонами и кружкой с чаем.

— По-моему, ты ещё не кинула в воду пакетик, — снова улыбнулся Дима и протянул ей коробочку.

Яна поперхнулась кипятком и взяла чайный пакетик у него из рук.

— Так ты здесь уже давно? — спросил снова он после минуты молчания.

— Да, — ответила Яна и, подумав, что это невежливо, добавила: — Мне очень нравится здесь. Правда,

задаю много. Плюс к обычной программе — ещё и погружение в литературу, несколько спецкурсов на выбор по журналистике и драматургии, по зарубежной литературе, по средневековой литературе... и по многим другим литературам. Я так объясняю... потому что ты... редко тут появляешься.

Дима кивнул, снял с шеи наушники, выключил маленький чёрный плеер и положил его в «шмотник» с изображением знакомого лица. Яна долго не могла понять, кого же ей напоминает эта фотография. Длинные светлые волосы, с прищуром глаза. Так ведь... самого Диму и напоминает!

Она с ужасом посмотрела на него.

— Это ты? — откашлявшись, осмелела и спросила она наконец.

— Где? — удивился Дима.

— На сумке твоей! — Яна приподняла брови и показала пальцем на фотографияю.

И тут Дима засмеялся. Он посмотрел на Яну, затем на «шмотник» и, всё ещё смеясь, ушёл в туалет. Он включил воду и стал мыть и греть руки под горячей водой.

Когда он вышел, Яна снова смотрела в ноутбук и чуть не плакала.

— Ты не знаешь Курта? — Дима плюхнулся обратно на стул.

Яна покачала головой.

— А ты знаешь Глиэра? — спросила она злобно в ответ.

— Нет, — весело ответил он. — Но не знать Курта... Это...

Дима развёл руками.

— Все знают Курта!

Яне хотелось вскочить на ноги и крикнуть ему, что это не грех — не знать, кто такой Курт и почему он так похож на Диму. Что у людей бывают разные сферы общения и разные жизни. И что все люди непохожи, все думают по-разному, и если кто-то чего-то не знает или не понимает, не признаёт — это не ущербность, это просто...

В кабинет ввалился Руслан. Он бросил свою сумку около стола, поздоровался за руку с Димой, подошёл к Янке и потрепал её по плечу.

— Ты чего такая расстроенная сегодня? — усмехнулся он. — Жалеешь, что уроки отменили? А я рассказ новый написал. Тебе прочитать?

— Какие же вы дураки! — воскликнула Яна, схватила ноутбук и быстро пошла в другой класс.

Она слышала сади, как Дима спросил Руслана: — Ты-то хоть знаешь, что такое «Нирвана»?

— Старьё, но прикольное, — ответил Руслан. — У меня все их песни где-то залиты.

— О, чувак, хоть ты здесь адекватный!

— Да пошли вы оба, — повторила Яна и села в одиночестве за парту.

Она положила голову на руки и лежала так, закрывшись ото всего мира. Когда сердце перестало

так сильно биться, она поняла, что осталась совсем одна. Мальчишки, очевидно, ушли на улицу курить.

Тогда она вытащила ноты из бежевой сумки и подошла к фортепьяно, которое подарила их классу какая-то известная фирма. Может быть, фирма того же известного мужа Любви Дмитриевны из музыкальной школы.

Яна открыла крышку и провела рукой по клавишам.

Ещё вчера она хотела бросить музыкальную школу и заниматься только литературой. Но теперь она почувствовала тёплую руку Нины Николаевны на спине, наклонилась к клавишам и заиграла.

Она не понимала, отчего ей так больно. И казалось, что каждая клавиша, к которой она прикасается, чувствует эту боль и облегчает её. И ещё она поняла, насколько грустную и трагическую мелодию выбрала для неё Нина Николаевна. Она перелистнула страницу, не обрывая партии, и вдруг увидела в отражении на фортепиано фигуру в дверном проёме.

Яна резко оборвалась и посмотрела назад.

Там стояли Руслан и Дима. Они прислонились по разные стороны двери и оба смотрели на неё.

Руслан заговорил первым, пока Яна собирала ноты обратно в сумку:

— А ты не говорила, что так хорошо играешь.

— А ты думал, что я плохо играю?—получилось резковато, но Яна всё никак не могла справиться с бурлившими внутри неё эмоциями, хотя во время игры немного и успокоилась.

— Ты просто никогда не говоришь о своих уроках, вот я и подумал... Мы услышали с улицы, как ты играешь, и поспорили, что это играешь именно ты, а не магнитофон,—Руслан сел рядом с ней на парту и положил ноги на соседний стол.

— Здесь Ира сидит,—сказала Яна.

— Вот именно,—хихикнул Дима и подошёл к полкам с музыкальными дисками.—Вы только Мендельсона тут слушаете? Бах, Чайковский... Жуть.—Только вот их, в отличие от твоего Курта, все знают,—огрызнулась Яна.

Это были диски её мамы, которая подарила их классу ещё три месяца назад.

Руслан посмотрел на неё, потом на Диму.

— Ребят, вы чего? Давайте жить дружно! Давайте я вам свой рассказ всё-таки прочитаю? Вот начало: «Летят испуганные птицы по горящему небу, и опалённые перья их...»

Яна махнула рукой. Она хотела, чтобы её оставили в покое. Ей нужно было ещё напечатать три страницы хорошего текста. А вечером снова учить этюд и несколько стихотворений к экзамену. И опять она ляжет за полночь, и завтра точно на учёбу не проснётся. Придется звонить бабушке и просить её выписать ей справку на всю неделю. Зато за неделю она в тишине выучит все стихи к

Школе и всю музыкальную программу к академическому экзамену.

Дима в это время поставил в музыкальный центр один диск. И заиграла очень грустная мелодия. Янка помнила её ещё со странной детской сказки про Пико—Хрустальное горлышко. В конце, когда он говорил заповеди про скрижаль, играла эта мелодия.

— И кто это?—спросил Дима, не поворачиваясь к Янке, но она знала, что этот вопрос адресован именно ей.

— Бах, ария из сюиты номер три.

— Ок...—пробормотал Дима и переключил на следующий трек.—А это?

Послушав несколько секунд, Яна улыбнулась и ответила:

— А это Моцарт, пьеса для фортепиано.

— Ага...—Дима снова переключил композицию.

Руслан удивлённо смотрел на Яну.

— Шуман, из «Детских сцен». Дебюсси, «Танец снежинок». Равель, «Болеро».

Дима глубоко вздохнул и развёл руками:

— Ну что ж, мои соболезнования.

— По поводу чего это?—почти шёпотом произнесла Яна.

— По поводу того, что ты не умеешь общаться с людьми, зато знаешь всю классику.

Янка вздёрнула подбородок, снова схватила сумку и вылетела из класса. Она накинула на себя шубу, переобулась, кинула босоножки куда-то под вешалку и выскочила на холод.

Какой же он дурак! Идиот!

Янка всхлипнула и чуть не поскользнулась.

И зачем он вообще пришёл в их класс? Ей так было хорошо там без него. Она даже подружилась с ребятами. Впервые в жизни у неё появились настоящие друзья, а не только соперники по литературным конкурсам или джазовым фестивалям!

Яна заскочила в автобус и поехала на улицу Копылова. Народу на улицах было мало. В автобусе—очень холодно, и из-за окон с толстым слоем грязного льда ничего не было видно.

Она чуть не проехала нужную остановку и подбежала к большому серому офисному зданию. На проходной показала паспорт, который получила год назад, и поднялась на десятый этаж. Яна долго шла вдоль длинного узкого коридора со стенами цвета спелых персиков и с табличками почти всех газет и журналов, которые продавались у них в газетных киосках.

Мимо неё пробежали женщины с толстыми пачками бумаг, какие-то мужчины ходили с важным видом из кабинета в кабинет, аккуратно неся перед собой горячие чашки с кофе.

Наконец Яна нашла нужную ей дверь в конце коридора. Она несколько раз вздохнула, настраиваясь на серьёзный разговор. Но боялась постучаться. Чтобы не казаться глупой, Янка

медленно прошла из одного конца коридора в другой. Наконец поправила волосы, как перед концертом, и постучалась.

Глава 7

— Яночка, назначаю тебя старостой нашего класса, — сказала Надежда Васильевна и приобняла её за плечи. — Лучше поздно, чем никогда. Надеюсь, что ты не подведёшь нас и будешь старательно выполнять все поручения.

Яна кивнула. Она сидела на первой парте и спиной чувствовала Димин взгляд, который дырявил её. Она пошевелила лопатками и выпрямилась. Она никогда ещё не выполняла общественных поручений, кроме этой новогодней газеты, которую они так и не дорисовали с Русланом.

Яна оглянулась и поняла, что Руслана нет на занятиях.

Она подняла руку и, когда директриса вновь обратила на неё внимание, спросила:

— А вы не знаете, где Похильченко? Он второй день не приходит.

Надежда Васильевна развела руками:

— Зайди ко мне, я дам тебе его домашний номер и адрес. Ты теперь староста, тебе и выяснить, куда он запропал.

Она почувствовала, что Димин взгляд стал ещё более колючим. Поэтому она повернулась к Стасу и наклонилась к нему поближе.

Стас от этого даже как-то растерялся. Яна никогда не обращала на него внимания, хотя они и сидели за соседними партами.

— Ты не помнишь, что нам задали по репортажам? — Нет, — сказал Стас, а Яна поморщилась: он блеял, как баран.

Она снова подняла руку и отпросилась с урока якобы в туалет.

Выйдя, вздохнула спокойно и постучалась в кабинет к директору.

Надежда Васильевна разговаривала с кем-то по телефону. Она знаком попросила Яну сесть и подождать.

— Да, да, — говорила она в трубку и довольно поглаживала себя по руке. — Мы уже обо всём договорились с ним. Через несколько дней мы ждём ваших людей, чтобы они обучили наших мальчиков съёмке на профессиональной аппаратуре. Да, у нас есть ведущие, Яна и Руслан, они прекрасно смотрятся вместе и являются нашими лучшими учениками, — Надежда Васильевна подмигнула Янке. — У нас необычное учебное заведение. Во-первых, к его рождению прямо причастен литературный журнал. Смысл обучения — воспитание читателей, а главный метод — открытие и понимание авторства, чужого и собственного. Что? Да? Ха-ха-ха, отлично сказано...

Янка взяла со стола книгу и сделала вид, что рассматривает её.

— Необычные? Может быть. Нам, честно говоря, порой кажется, что наши ученики необыкновенно, потрясающе талантливы! Но существует мнение, знаете ли, что дети, все дети вообще — особый народ, «младое незнакомое» племя гениев... просто мы, взрослые, далеко не всегда с этой гениальностью умеем сосуществовать, и она увядает и гибнет, встречая к себе равнодушное, если не враждебное, отношение. Поэтому можно считать, что наши ребята — обычные школьники. Да? Ну ждём вас!

— Итак? — спросила Надежда Васильевна, когда наконец положила трубку.

— В общем... Я была в газете.

— Прекрасно! — воскликнула директриса. Иногда Яна удивлялась, откуда у неё столько оптимизма и активности. — Давай, давай, рассказывай!

— Денег платить будут мало, они поэтому и обратились к нам, чтобы сэкономить бюджет. Но Игорь... как его... забыла! Вот голова... Он сказал, что для меня это неплохой шанс научиться работать в строгие сроки. Он подготовил договор, я попросила его себе, чтобы показать вам перед тем, как...

— Умница! — Надежда Васильевна развернула к себе бумаги, которые Яна неуклюже достала из сумки, полной записей и книг. — Ага, ага... понятно...

Прочитав, она подняла на Яну голову.

— Честно говоря, я ожидала немного другого. Я надеялась, что платить тебе будут больше. И что это будет отдельная рубрика литературная, а не обратная сторона телепрограммы...

Яна скривилась.

— Телепрограмму как раз все и читают... Я не думаю, что эти публикации сделают мне какое-то имя в литературе или журналистике. С другой стороны... надо начинать что-то делать, и я вам благодарна за предоставленную возможность, — Яна с трудом выдавила заранее заготовленную речь.

— Хорошо, подписывай, это типичный договор, я не вижу в нём никаких сложностей, кроме того, что тебе придётся писать три страницы текста к каждому понедельнику в течение года и держать весь текст на высоком уровне. И я рада, что после окончания публикаций все права на роман перейдут к тебе. Думаю, мы сможем опубликовать твою работу отдельной книгой. Главное... пиши!

Яна кивнула.

— Можно я позвоню Руслану от вас?

— Конечно, не стесняйся.

Надежда Васильевна взяла чайник и пошла в туалетную комнату.

У Руслана никто не поднял трубку. Яна ещё посидела несколько минут для приличия и до звонка с урока в кабинете директора, а потом поехала к Руслану.

Лифт не работал — пришлось подниматься до восьмого этажа по ободранной лестнице пешком, обходя курящих парней.

Яна позвонила в дверь. И долго ждала ответа.

Мама Руслана спросила, не открывая:

— Кто там?

— Яна.

— Руслан, это к тебе!

Но дверь так и не открыла. Через некоторое время вышел сам Руслан. Яна впервые увидела его в «неофициальном» виде. На нём были лишь джинсы и облегающая майка. А в Школу он всегда ходил в свитерах. Майка облегла его тренированный и накачанный торс. И почему Яна никогда этого не замечала?

Руслан был хмурым и злой. Жестом приказал не заходить в квартиру. Яна удивлённо прислонилась к грязной стене подъезда. Но ей удалось заметить в щёлку, когда Руслан прикрывал дверь, что в комнате на полу лежат осколки, вместо стекла в шкафу—тёмная пустота. Она чувствовала себя очень неудобно. Каждый раз, встречаясь с Русланом, она понимала, в какой благополучной семье живёт она сама.

— Привет. Как ты? Почему вчера пропал?

— Не важно.

— Важно, Руслан!—Яна снова посмотрела на его грудь.

— Нет, не настаивай, я потом объясню...

Он замолчал. Даже странно, обычно он так много говорил. Яна не знала, с чего начать. Его так постоянно расхваливает Надежда Васильевна. И Яна тоже знает, что Руслан очень умный. И говорит всегда странно, по-взрослому.

— Ты знаешь, я вчера ходила в газету.

— Ты пришла о газете поговорить?

Оказывается, Руслан тоже бывает злым.

— Я пришла, потому что беспокоилась о тебе! Меня сделали старостой и попросили заниматься общественной деятельностью,—Яна посмотрела себе под ноги.—Кажется, это так называется. Я убедилась, что здоров и в порядке, и сейчас уйду, не волнуйся.

— Постой!...—Руслан нервничал. Он схватил Яну за руку, когда она развернулась к лестнице.—Прости...

— Ты знаешь, я так и думала, что это плохая идея была—прийти к тебе.

— Да нет, что ты. Просто у нас дома тарарам сплошной, не хочу, чтобы ты это видела.

Он всё ещё держал её руку в своей. Яна покраснела. Руки у Руслана были очень горячими. А ещё почему-то в одном месте рука была туго перевязана бинтом.

— Я хотела тебе ещё работу предложить,—сказала Яна в конце концов.—В газете редактор предложил найти художника из моих знакомых, чтобы за небольшую денежку делать иллюстрации к моему... роману, так сказать. Я, конечно, не уверена, что роман получится...

— Я согласен,—сказал Руслан.

— Ох, а я так боялась, что ты откажешься, боялась тебя об этом просить...—Янка сняла шапку и почувствовала облегчение.

— Да уж... От скромности лечиться надо...

— Знаешь, что мне однажды одна девочка когда-то сказала? Что я умру старой девой, так как я забитая... А я подумала: ну и ладно, ничего страшного...

— Идиотки с тобой учились...—буркнул Руслан, потом прислушался к чему-то в комнате.—Слушай, давай я тебе кое-какие рисунки дам, ты разберись сама, что тебе нужно, а что нет. Я в Школу ещё не сколько дней не приду, скажи, что заболел, ладно?

Не дожидаясь ответа, он побегал за рисунками. Яна увидела его маму с веником в руках и его сестру Лену, тупо дёргающую одну струну на гитаре... — В общем, держи,—сказал он, когда вернулся и плотно закрыл за собой дверь.

— Что у тебя происходит?—Яне стало его очень жаль.

— Знаешь, когда уроды пожирают наших любимых, когда уроды превращают нашу жизнь в помойную яму, почему-то мы не мстим, не превращаем их в кровавое месиво из костей и кишок. Наверное, потому, что мы хорошие?

Яна промолчала. Она не знала, что ответить.

Глава 8

Яна вернулась домой пешком и сильно замёрзла.

Мама смотрела телевизор, сидя на диване. Мама работала тренером по аэробике и ела только свежие фрукты и овощи. Она называла это сыроедением, а папа—безумием. Из-за этого они иногда ссорились. Но никогда после этого мама не ходила по комнате с веником, чтобы подмести выбитые зеркала, как у Руслана.

— Привет, мама!—крикнула Янка и пошла к себе в комнату.

Она долго пересматривала рисунки Руслана, пытаясь выбрать хоть что-то оптимистичное. Хотя требования редактора тоже были странными. Он считал, что современного романа без убийства не бывает. Яна не любила смотреть ужасы или криминал, она вообще не любила смотреть телевизор. Тем более страшилки.

Но раз редактору нужна чернуха—будет ему чернуха. И иллюстрации Руслана прекрасно к этому подойдут.

Янка подняла голову и посмотрела на компьютер. Залезла в Интернет и набрала в поисковике: «Курт».

Да, Курт Кобейн был очень похож на Диму. Или Дима похож на Курта? Курт—это Дима в будущем. В любом случае Диминой фотографии у неё нет. Поэтому Янка скачала фотографию Курта и поставила себе на рабочий стол.

На следующий день Руслан всё-таки пришёл в Школу. Он рассказал Янке в стороне ото всех, что

вчера отец пришёл пьяный домой, начал орать, что дети у него подонки, жена и того хуже. Разбил зачем-то все стёкла и зеркала в квартире. А денег на новое стекло в балконную дверь пока нет, дома холодно. Залепили скотчем и пакетами.

На перемене Яне не хотелось встречаться с Димой, она боялась его колкостей и взгляда. По широким ступеням она поднялась на третий этаж Школы. Там в самом закутке была старая дверь с плохим замком. Намучавшись, Яна вскрыла её и попала в старый спортзал. В темноте, среди стен без известки, на грязном полу—забытый стол для тенниса.

— Тише! Ты чего топаешь, как китайский мандарин?—раздался сзади голос Руслана.

— А ты зачем за мной ходишь?—на мгновение рассердилась Янка.— Может быть, я хотела здесь одна побыть?

Она села на теннисный стол и стала смотреть в большие окна на падающий снег.

— Давай завтра пойдём в кино?—спросил вдруг Руслан, который обнаружил в зале турник и теперь подтягивался на нём.— Пятнадцать, двадцать...

— Давай... Я как раз деньги получила авансом за первый выпуск в газете.

— Ты что, я заплачу, не думай об этом,—Руслан спрыгнул на пол.— А ты знаешь, у тебя зимой почему-то волосы становятся рыжими.

— А осенью они какого цвета были?

— Каштановые! А теперь с каким-то рыжим отливом. Ты похожа на хомячка.

— Чего?—завопила Янка и даже подскочила на столе.— Ты сам-то понял, что мне сейчас сказал?

— Это был комплимент,—засмеялся Руслан.— Покрасься хной—и станешь рыжим хомячком.

Янка откинулась назад и легла на стол.

— Меня так шум постоянный достал. На улице, в Школе, в музыкалке. Иногда даже непонятно, кто играет,—ты фальшивишь или в соседнем кабинете. Я очень ото всего к середине года устала. Очень хочу Новый год и немного волшебства. Мне не хватает волшебства в жизни. Думаю, и тебе тоже.

Руслан присел на стол рядом. И Яна слегка отодвинулась от него, чтобы не прикасаться.

— Волшебство уходит?

— Я понимаю, что мы растём и уходим из детства. Казалось, мы... ну, мы должны были из него ещё лет в двенадцать выйти, когда перестали верить в Деда Мороза. А на самом деле—только сейчас.

— Я вообще в Деда Мороза не верил. Ты просто сильно устаёшь,—произнёс странным голосом Руслан и тоже отодвинулся подальше.

— А мне кажется, я в Деда Мороза и сейчас верю,—настойчиво повторила Янка.— Мне иногда кажется, что я всё делаю в своей жизни неправильно. Например, что я должна быть в какой-то момент совсем не там, где я нахожусь, и я сделала неправильный выбор. Это же так сложно—сделать

правильный выбор. Как в каком-то дурацком Катькином фильме.

— А мне кажется, что ты не знаешь себе цену,—сказал Руслан.

От него сильно пахло мужским телом и мускатом, от которого у Яны кружилась голова.

— Недостаточно знать себе цену, надо ещё пользоваться спросом, Руслан,—сказала Яна и тут же пожалела об этом.

Вдруг он воспримет это на свой счёт? Янка соскочила со стола и пошла к двери.

— Вот я вроде такая начитанная. Я в восемь лет перечитала все книжки по психологии, которые лежали у мамы. В девять я интересовалась тем, какие у подростков бывают проблемы и как с этим бороться. А теперь у меня в голове столько разных умных мыслей. Но к моей жизни применить я никак их не могу. Я даже ответить на вопрос о том, что мне нравится, не могу. Жёлтая кофта или зелёная? И я стою в ступоре.

— Так что это за газета и что за роман?—перебил её Руслан.

Янка посмотрела на него с благодарностью.

— Газетка! Маленькая и с крохотным тиражом. Только не смейся, редактор хочет, чтобы я написала роман про девушек. Они закончили школу, вступают во взрослую жизнь. Не знаю, хорошо ли получится, придётся писать быстро, к каждому номеру. Я ещё не придумала героинь. Только одну. Она будет слишком религиозна и этим испортит себе и своему близкому жизнь... Ты веришь в Бога, Руслан?

— Нет. Но мне интересно Библию читать. И научные работы о религии. А ещё я вчера Борхеса купил. А в планах—Маркес, Джойс, о психологии самоубийств.

— Тогда понятно, почему Надежда Васильевна считает тебя самым умным в классе,—Яна острожно посмотрела на реакцию Руслана на явную лесть.— Только сильно это всё не воспринимай на свой счёт, так и с ума сойти можно.

Она замолчала. Но заметила, как Руслан гордо выпрямился. Значит, мальчики любят, чтобы их хвалили. Он даже повеселел, сидел на столе и болтал ногами.

— А мне всегда кажется, что мне уже около тридцати лет, а не шестнадцать.

Руслан молчал и что-то обдумывал.

Яна решила уйти.

— Жаль, что сквозь эти стёкла снег плохо виден. Мне пора. Спасибо, что составил компанию.

Руслан вскочил вдруг на стол, взмахнул рукой, как Маяковский, и громко произнёс:

— Ты шла рядом и глядела в одну со мной точку за полыхающим от стыда горизонтом. В глухой пучине неба тонуло изумлённое солнце. А мы шли, ослеплённые светом его. Шли к нему и простирали руки в благодарности.

В кабинете около самого чайного стола, у которого все снова сидели и ели печенье, Янка оглянулась назад. Иногда Руслан пугал её своими выходками. — Яна, иди к нам, — Катя радостно подвинула к себе ещё один стул. — Ты куда пропала?

Яна поспешно села к стене. Аня что-то говорила о Новом годе. Они с Катькой предлагали всем сделать открытый творческий вечер для родителей. — Давайте напишем сценку какую-нибудь смешную! И Яна нам что-нибудь сыграет на фортепиано, — возбуждённо говорила Ира. — Она же вроде умеет что-то играть на фортепиано! Да, Яна?

Яна вяло улыбнулась. Она опять вспомнила о новогодней настенной газете и Руслане. — Нет, вы меня послушайте! — громко проговорила Катя прямо Янке в ухо. — У меня есть сценарий, давайте я вам раздам роли. Вот, например, нам нужен главный герой всего этого безумия, давайте им будет... им будет...

В эту секунду в комнату вошёл хмурый Руслан. — Руслан будет главным героем! — Катя подлетела к нему и пожала руку. — Всё, выбран единогласно!

Янка взглянула на Диму. Он сидел в стороне ото всех и слушал что-то в наушниках. На вопли Кати он даже поднял взгляд от своих ботинок и тоже посмотрел на Янку. Хмыкнул.

Яна тоже сделала вид, что ей очень интересно обсуждать праздник со Стасом, который разомлел от такого количества внимания с её стороны.

Весь вечер они наряжали кабинеты праздничной мишурой, Яна с Катькой крутились вокруг ёлки и развешивали игрушки. Надежда Васильевна разговаривала с преподавателем по истории журналистики и иногда протирала с полок пыль.

— ...от Державина и Пушкина до поэзии Серебряного века, а также и «свинцового века»!

— Да, как же в Сибири не вспомнить о блистательных, малоизвестных, растоптанных Красным колесом поэтах? — поддакивала преподавательница. — Мы вслушиваемся в музыку стиха, — продолжала вдохновенно вещать Надежда Васильевна, — разбираем композиционный строй прозы и драмы, пишем хитроумные диалоги, посвящённые современной школьной жизни, сочиняем — для веселья — всем классом буриме и акrostихи... Разве это не прекрасно?

Стас, Дима и Руслан ушли в дальний класс и ставили поочерёдно там какую-то тяжёлую музыку.

Янка поглядывала в их сторону, но подойти не решалась. Катя аккуратно накидывала дождик на ёлку.

— Смотри, как красиво... — прошептала она. — Мне кажется, что в этом году произойдёт что-то особенное.

— Да, нам всем исполнится шестнадцать, — Янка обняла подругу и положила ей голову на плечо. — Хочу волшебства...

— Тогда наколдуй его себе, — сказала весело Катя и крикнула: — Эй, все, идите к ёлке! Нужен общественный совет по поводу праздника, пока вы не разошлись по домам!

Одноклассники стали лениво подходить к ёлке. Дима тоже вышел наружу, а из того класса, который они наряжали, слышались слова: «Мою песню услышат тысячи глаз, моё фото раскупят сотни рук... А не спеть ли мне песню о любви».

Яна медленно подошла к Диме сзади. Он был так близко, что можно было коснуться его рубашки в клеточку. Светлые локоны сбились на голове. Она закрыла глаза, прикусила слегка язык и зашептала слова, которым когда-то её научила бабушка:

— Сама себя кусая, раба Диму к себе приделаю. Чтоб Дима скучал, от тоски отдыха не знал ни днём светлым, ни ночью тёмной. Всё чтоб обо мне мыслил. Я стою перед Тобой. Создал Ты солнце, звёзды, человека, дал ему тень на каждый день. Создал Ты море, землю, дом и дал мне сень, фигуру, тень. Прошу её, приказ даю: исполни просьбу ты мою!

Потом подумала и добавила:

— Аминь.

В ту же секунду Дима обернулся, и она натолкнулась на его грудь.

— Прости... — прошептала Яна и отбежала в сторону.

Янка не хотела участвовать в постановке. Она прочитала Катин сценарий и фыркнула. Слишком много пафоса и красивых цитат, которые будут непонятны всем, кроме самого автора, то есть Кати.

Катя любила всё многозначное. А Яне хотелось простоты. Поэтому она взяла всего одну фразу в конце спектакля.

Она сидела в своей немного потеплевшей квартире, а на столе валялись листики с различными записями, размножавшиеся на глазах. Яна всё никак не могла начать писать первую главу. Всего-то на страничку. Зачин. Что-то такое, отчего люди захотят читать этот текст дальше. Будут читать именно роман, а не программу.

Янка тоскливо водила ручкой по листику. Она даже начала делать зарисовки со своих подруг. Пересматривала детские фотографии. В конце концов легла на стол и застонала.

Мама зашла в комнату и спросила:

— Ты чего воешь?

Яна простонала ещё раз.

— Тебя обнять или молча выйти?

Яна застонала сильнее, призывая маму к вниманию. Мама намёк поняла, подошла и поцеловала дочку в затылок.

Янка нащупала на столе один из листков и так же без слов, подвывая, не глядя, подняла его маме, чуть не ткнув им в нос.

Мама бумажку взяла и вслух прочитала:

— «Три девочки лет шести сидели за столиком на балконе и вежливо ждали, пока тётя Лена, мама одной из них, накроет на стол и уйдёт. Мама уже начинала чувствовать себя лишней и наконец потрепала дочку по щеке и вышла. „У меня мама — прелесть“, — сказала одна из девочек». И что я должна тебе сказать?

— Это можно вообще читать? Можно *так* начинать роман? Мама, это *роман!* Я должна его писать весь год.

— Но ты же справишься?

— А ты сомневаешься?

— Но ты же сама попросила отдать тебя в литературный класс.

Янка промычала что-то и подняла голову со стола. В щёлочку между геранью и занавеской она видела очень замёрзшую улицу и соседа, пытающегося попасть в подъезд под жуткими порывами грязно-снежного ветра.

Яна забрала у матери один листик, потрогала остальные записки на столе и протянула обратно вырванный из тетради лист. Мама покорно прочитала и это.

— «На веранде пахло чем-то сладковатым, полетнему душен был сиреневый закат, отражающийся на всём. Деревья обступали небольшую дачу, где занимались своими делами несколько молодых, не потерявших свою гордую уверенность и красоту женщин. Одна, в красном халате с тёмными цветами, морщилась перед маленьким зеркальцем, производя ежедневное священнодействие — выщипывание бровей. „Девчонки, вы не представляете, как мне не хочется мыть эту дурацкую посуду. Когда дети справляют — нас не существует. Зато после... Родительский комитет! Звучит-то как. Не улавливаете связи в созвучии со словом «кандидат»? Нет? Очень зря. Он стремится к миллионам, а мы — к безвестной смерти. Или это у меня до сих пор шок после выборов? Лен, ты скоро с пирогом закончишь, а то мы проголодались?»» Это продолжение?

— Я не знаю, — хныкнула Янка.

Она прижалась к маминому тёплому плечу и замерла. Лежать бы так всегда и ни о чём не думать. Только чувствовать, как мамины длинные волосы щекочут щёку, а рука гладит спину. Мама начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, обнимая дочку, как в детстве. Потом тихо запела любимую Янкину колыбельную.

Праздник поставили за несколько дней до её академического концерта, и Яна нервничала. Девочки нарядились как могли. Катя была в простом и сером облегающем платьице, Аня — в длинной чёрной юбке и кофточке с вырезом. Яна долго стояла у своего шкафа и перебирала вещи. Наконец пришла мама, отобрала у неё джинсы и дала короткое и очень простое чёрное платье. Она

же подобрала ей почти невидимые бусы и даже разрешила нарисовать глаза темнее, чем обычно.

Дима с Русланом, как всегда, пришли в джинсах и обычных рубашках. Они стояли отдельно и усмехались, разглядывая девчонок из их класса. И когда Руслан превратился в такого сноба?

Надежда Васильевна долго говорила что-то со сцены. Но Яна ничего не слышала и не понимала. Она теребила край своего платья и поглядывала в сторону Димы. А тот сидел, откинувшись на своём любимом кресле, и смотрел в потолок.

— А откроет наш сегодняшний вечер наша Яна Ларионова с джазовой композицией «Звёзды на небе». Музыка Бориса Борисова. Слова Елизаветы Дитерихс.

Как во сне Яна услышала аплодисменты и поняла, что идёт к фортепиано, которое специально вытащили из маленького класса в зал. Она закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. Не помогло. Она видела, что её руки дрожат от волнения, а ноги стали ватными.

«Да что же это такое? — в ужасе думала она и пыталась сосредоточиться на клавишах. — Это даже не международный конкурс, это обычный концерт для „своих“. Успокойся... Тихо... Ты справишься, ты справишься, ты — лучшая в музыкальной школе...»

В зале кто-то покашлял, Яна посмотрела в ужасе на толпу и встретила с Диминым взглядом. Он смотрел на неё без обычного ехидства, а скорее с какой-то надеждой. И от его взгляда все волнения и тревоги тут же ушли. Яна благодарно улыбнулась ему и склонилась над фортепиано.

Старалась отключить мозг, не думать о нотах и бегающих пальцах. Главное — не заикнуться на том, что она может сбиться или забыть, куда ставить палец в следующую секунду. Просто отключить мозг и смотреть на себя будто со стороны.

Вдруг чья-то мама начала подпевать красивым тихим голосом:

Тени ночные плывут на просторе,
Счастье и радость разлиты кругом.
Звёзды на небе, звёзды на море,
Звёзды и в сердце моём.

Даже Яна не знала этих слов.

Аплодисменты.

Яна встала, слегка поклонилась гостям и вернулась на свой стул у стены. Катя ободряюще толкнула её плечом. У неё было очень хорошее настроение. А Яна чувствовала, как краска спадает с её лица и способность соображать возвращается к ней.

Она снова посмотрела на Диму. Он тоже задумчиво бросал на неё взгляды и прикусывал губу.

Объявили спектакль, весь класс дружно поднялся. Кто-то один выходил в середину и что-то декламировал, но Яна облокотилась о подоконник и увидела, что Дима стоит рядом.

— Привет, — сказал он, и Яна почувствовала, что ей тяжело дышать. — Хорошо сыграла. Мне понравилось.

— Спасибо, — сказала она хриплым голосом и откашлялась.

Оглянулась вокруг, надеясь, что никто не заметил её смущения. А у Димы на его красивом лице не было ничего написано. Он стоял как каменный, со строгим выражением лица.

— Я тут... — Дима замешкался и вытащил из-за спины свёрток. — Я решил на Новый год подарить тебе это.

— Это? — улыбнулась Янка и протянула руку за подарком.

Робко коснулась кончиками пальцев его руки. Дима вздрогнул. Янка отдернула руку и посмотрела на свёрток.

— По форме напоминает толстый диск.

— Да, это подарочный комплект альбомов «Нирваны». Думаю, что ты так и не послушаешь их, но всё-таки это ценный подарок для многих коллекционеров, я в Америке купил, когда мы туда ездили с сестрой. Не понравится — продашь в Интернете и купишь себе что-нибудь из Шостаковича.

— С ума сошёл, — Яна низко опустила голову, чтобы Дима не увидел её реакции. — Прости, у меня как-то... ничего для тебя нет...

— Так и Новый год ещё не наступил, — таинственным голосом сказал Дима.

Яна посмотрела в зал и поняла, что никто не замечает их разговора у подоконника. Вот так всегда: это самый лучший момент в её жизни — и никто этого не видит. Потому и останутся Димин запах одеколona, снег за окном и аккуратно запечатанный свёрток в её руках только между ними. Между ними...

— Янка, эй, тс, иди сюда!

Это была неутомная Катя. Она махала рукой, призывая выйти Яну к остальным участникам короткого спектакля. Яна вышла на середину, вцепившись обеими руками в подарок. Странно, но Дима шёл за нею.

Оказалось, что её слова были сразу после его слов. И тут она поняла, что происходит и кому она будет говорить этот странный текст, который автоматически заучила накануне.

— Ты — моя муза, мой танец, любовь... — произнесла она дрожащим голосом последние строки своего стихотворения, обращаясь к Диме.

Он улыбался ей одними только кончиками губ. А потом они отступили назад, в толпу, и хором сказали три раза:

— Открылась бездна, звезд полна. Звездам числа нет, бездне — дна.

Яна почувствовала, как от всех этих голосов у неё побежали мурашки по коже.

Дима стоял так близко, что они касались плечами друг друга. Яна опустила вниз руки, которые

до этого держала на уровне груди подарок, и Дима пальцами тронул её раскрытую ладонь. От этого прикосновения Яна чуть не упала в обморок. Она и не думала, что бывает так приятно.

Дима нежно трогал её пальцы, один за другим, а Янка сжимала всё сильнее и сильнее подарок. Она уже обожала Курта Кобейна и его дурацкую группу, которая совсем не умела играть. И тут Дима взял её за руку, и Яна поняла, что счастье наполняет её всю. До самой макушки. Она хотела бы, чтобы этот момент продолжался вечно.

Но гости захлопали, Янке пришлось поклониться вместе со всеми. Рядом улыбалась Катя, Аня делала странные реверансы, а Дима отпустил её руку и тоже снисходительно похлопал за компанию.

После этого к Яне подошёл её редактор из газеты и стал расспрашивать о сроках сдачи следующей главы. Потом протянул ей несколько экземпляров газеты с её первой публикацией в настоящей периодике. Он что-то говорил об откликах читателей, об иллюстрациях, а Яна оглядывалась по сторонам. Дима испарился.

Глава 9

Им объявили о начале экзаменов в четверг. Должна была прийти какая-то комиссия, чтобы проверить знания учеников экспериментального класса. А у Яны из головы не уходили Новый год и Дима. Она сидела дома за столом и смотрела, как возвышаются в её комнате груды книг. Они уже загородили половину монитора. Русская классика собирала пыль на полочке для косметики, учебники Белошапковой, Панова и Горшкова с укором выглядели из-под подушки. Янка уже третий день спала на них. Так, на всякий случай. Катька говорила, что иногда это помогает.

Наступил очередной вечер после репетиции в музыкальной школе и общения в редакции по поводу каких-то неподходящих для газеты сюжетных линий в романе.

Янка села за стол, отодвинув грязную посуду на подоконник. Принюхалась. Из маленькой белой кастрюли чем-то кисло пахло. Яна распахнула форточку и выставила кастрюлю на улицу. Туда, где весной в кормушке обитали воробьи. Мама третий день была на стажировке в другом городе. Там проходил международный слёт по аэробике. А папе было некогда заниматься Янкиной комнатой. По утрам он варил суп из макарон и молока. Получалось очень вкусно.

Папа слипшимися глазами смотрел на кружку с кофе и уходил на работу.

Морфология... Их активно готовили к поступлению в вузы, хотя до этого момента было ещё очень далеко.

Современный русский язык и морфология. От этих двух слов среди прочих вопросов тоже несло чем-то кислым, как и от кастрюли из-под

макарон и молако. Яна вдохнула этот запах поглубже и откинулась на стуле. Что же она помнила из курса морфологии?... Яна взяла сотовый телефон и набрала сообщение Диме. Включила и выключила настольную лампу. Подошла к компьютеру и проверила почту во «вконтакте». Никто, кроме Руслана и Кати, ей не писал. Смахнула пыль с книг. И снова откинулась на стуле.

Да... Это было почти месяц назад. Сразу после праздника и Диминого подарка. К ним привели на замену заболевшей Лидии Павловны странного преподавателя по фамилии Ким. Янка провела почти три вечера в краевой библиотеке, конспектируя очередную монографию по истории зарубежной литературы. За полчаса до закрытия библиотеки она и другие «ботаники» их класса собирались в подземном кафе библиотеки и молча пили дешёвое кофе, от которого потом весь вечер болел живот.

Так что же тогда произошло?... Ах да...

За несколько дней до Нового года преподаватели иностранных языков решили устроить очередной новогодний праздник для школьников. Пан Томаш разучивал польские сказки с параллельным, нормальным, классом, Хосе записался с девятью «А» по вечерам в кабинете и пел испанские песни. Стас должен был изображать новогоднюю ёлочку и искал по знакомым зелёные штаны. Янкина же группа английского языка, чувствуя свою ущербность, согласилась на разучивание стихотворения «Дом, который построил Джек». Они встретились на третьем этаже Школы для того, чтобы отпраздновать зачем-то католическое Рождество.

Ким, их преподаватель морфологии, тоже был там. Он с немецкой группой отплясывал какой-то баварский танец с бокалом пива.

К вечеру Янке стало хуже. Мама с папой ушли спать, а Янка в каком-то бреду залезла в ванну и пролежала в ней около двух часов... Мама проснулась от её крика и своими глазами убедилась, что на её дочери растут настоящие волдыри. Так, в пятнадцать лет, прямо под Новый год, Янка заболела ветрянкой. И на следующий день, когда она так хотела увидеть Диму, она не пошла в Школу. От неё заразились двоюродная сестра, Катька, ещё две подруги со старой школы и друзья их друзей.

Яну срочно перевезли к бабушке на другой конец города и закрыли в комнате. Бабушка долго кричала, что все хотят её смерти, что она не помнит, болела ли ветрянкой в детстве, а в шестьдесят лет эта гадость прилипает лучше, чем в пятнадцать. Но бабушку никто не слушал.

Но и там по пути на второй этаж Яна успела заразить соседскую девочку, которая когда-то каталась на лыжах с президентом и до сих пор гордилась этим.

Новогодние каникулы Яна провела одна. Ну, почти одна... Приехал Дима, и пока она стояла

перед зеркалом, он раскрашивал её зелёнкой. Руки и лицо. Макал в зелёнку ушные палочки и затем аккуратно водил по Янкиной коже, отчего она дрожала. Они почти не говорили. Янка очень стеснялась своего зелёного вида и волдырей, говорила, что она уродина. А Дима молча улыбался и рисовал на её руках ёлочные игрушки.

Яна подарила ему на Новый год большую игрушку серой мыши с сердечком. Перед этим она полила её духами и одеколоном, надеясь, что это поможет Диме или его сестре не заразиться ветрянкой.

Все каникулы Янка провалялась в кровати. Два раза звонил Руслан и хотел приехать. По его тону Яна поняла, что Дима ему ничего не рассказал. Наверное, это хорошо, потому что она боялась, что Руслан психанёт и перестанет рисовать для романа картинки. И придётся искать другого художника. Да и не хотела она с ним ссориться. Из-за чего ссориться-то? Они просто хорошие друзья.

Всё тело болело и ныло. Вода в ванне сделала своё злое дело и разнесла инфекцию даже в самые труднодоступные места. Яна не спала, потому что волдыри подсыхали и чесались на спине. Яна не учила морфологию и классику девятнадцатого века, потому что из-за волдырей с трудом могла открыть глаза. Единственной её радостью было то, что снова и снова приходил Дима и рисовал на ней ёлочные ветви. А потом по вечерам бабушка подрисовывала ёлочные игрушки. Яна стояла и сдерживалась, чтобы не застонать от наслаждения. Всё тело чесалось. А чесаться было нельзя.

Почему-то в Школе, особенно на общеобразовательных предметах, уже в январе, никто не поверил тому, что Янка так сильно болела ветрянкой. Преподаватели, которые всегда относились к ней дружелюбно и даже с какой-то нежностью, теперь отсылали её на пересдачу. И Яна сдала. Восемь контрольных работ и три экзамена за четыре дня, нахватав первые в своей жизни тройки. Морфологию Яна сдавала в последний день. Почему-то директор Школы наговорил грубостей Надежде Васильевне и заявил, что если Янка не сдаст всё вовремя, её отчислят из литературного класса и ей придётся ходить в нормальную школу. Яна ничего не понимала. Почему люди в один момент стали так агрессивно к ней относиться?

Она сидела за столом, перелистывала конспекты и с тоской думала о том, что же она помнит из морфологии.

Целый месяц Ким читал им лекции по морфологии. Невысокого роста, скромный, кореец, выходя к доске, становился поэтом и ораторствующим философом. Он рисовал какие-то странные схемы, соединяя морфологию со строением Вселенной, он видел в морфологии то, что им, обычным школьникам, не проучившимся по этой особой программе и половины года, было невозможно

понять. Ким преподавал в университете, а в Школу его пригласили только для того, чтобы придать высокой статус их обучению.

Яна слушала его с открытым ртом, ничего не понимая, а ряды за нею стремительно редели. Даже Дима прогулял несколько занятий. К злосчастному декабрю со злосчастливым иностранным праздником, где Янка подхватила ветрянку, их в аудитории осталось человек шесть. Шесть влюблённых в Кима девочек. Особенно его любила Катька. Наверное, за то, что Ким был похож на героев из её артхауса. Она тоже ничего не понимала, но сама причастность к Киму поднимала её в собственных глазах. Руслан и Дима под разными предлогами убежали на улицу, Стас постоянно в этот день отпрашивался к зубному врачу. Одна Катя решила издать лекции Кима, как когда-то студенты какого-то языковеда Фердинанда де Соссюра издали его лекции. А иначе от него ничего бы и не осталось в науке.

Соссюр... Смешная фамилия!

Тринадцатого января Яна подошла к Киму и робко спросила, можно ли ей завтра сдать экзамен по морфологии. Он, очевидно, не узнал свою ученицу с первой парты сквозь остатки зелёнки на лице, выдал список из пятидесяти вопросов и добавил:

— Вам ещё нужно было к экзамену сдать семь работ с морфологическими разборами. Надеюсь, они у вас есть.

Семь работ по морфологии никак не вязались с тем романтическим «предзелёночным» образом Кима, который грел Янке душу. Она села напротив учительского кабинета на пол и поняла, что ляжет ночевать прямо здесь.

К ней подошёл Дима. Он присел рядом, откинув назад чёлку, и посмотрел Янке в лицо.

— Дима, это ужасно, — прошептала Яна. — Разве так можно поступать с людьми? Я училась больше всех — и вот. Из-за ветрянки и только из-за того, что я не смогла сдать вовремя и вместе со всеми эти несчастные экзамены, которые по большому счёту нужны только для отчётности, я превратилась в тупого изгоя.

Яна хныкнула. Дима положил руку ей на плечи и приобнял.

— Не убирай руки... — тихо произнесла Яна и замерла. Дима легко погладил её шею тонкими пальцами. — Почему твоей страницы нет во «вконтакте»?

Дима пожал плечами и усмехнулся:

— Не люблю социальные сети. Без Интернета появляется так много свободного времени!

Дима прижал её к себе сильнее, и Яна переложила голову ему на плечо.

— А на что тебе свободное время? — пробормотала Яна и вдохнула поглубже его запах.

Дима пах совершенно по-особенному. Смесь лаванды, мужского одеколона и сигарет. Яна не

любила запах табака и всегда от него чихала. Но даже этот запах, исходя от Диминой рубашки, был ей приятен.

— Чем ты занимаешься в свободное от учёбы время?

— Играю в группе.

Яна уже поняла, что Дима не любит говорить о себе.

— В какой группе? Ты не думай, что я отстану, — усмехнулась она. — Я должна узнать про тебя побольше.

— Побольше? — удивился Дима. — Зачем? Во мне нет ничего необычного.

«В тебе всё необычно», — подумала Яна, но ничего вслух не произнесла.

— А время мне нужно хотя бы для того, чтобы помочь тебе не вылететь отсюда.

Яна приподняла подбородок и посмотрела на него. Прямо перед глазами свисали его волосы, прикрывающие ухо. Самое красивое ухо на свете. С маленькой серёжкой. Яна слегка поддула туда, и Дима фыркнул.

— Не знаю, согласишься ли ты на моё предложение, но мы можем поехать ко мне, ты выплывешь, а я постараюсь сделать тебе эти контрольные работы, о которых Ким так громко кричал из-за двери.

Яна покачала головой, хотя очень хотела посмотреть, где он живёт:

— Меня мама непустит.

Дима удивлённо посмотрел на неё:

— Ты же говорила, что она уехала в другой город.

— Точно... — Яна улыбнулась. — Хорошо, скажу папе, что пойду к Кате...

— Он не позвонит? — спросил Дима.

— Не позвонит, он слишком уставший после работы. А я после восьми зачётов и трёх экзаменов, сданных за три дня, не способна думать и разговаривать.

Дима взял её лицо за подбородок и поцеловал в нос.

Почему-то они поехали не к нему домой, а к его бабушке. Её дом находился на краю города между двумя пустырями и около леса. Зимняя пурга билась в одинокий дом, мечтая снести его и виться по полям в одиночестве.

В бабушкиной квартире у Димы была собственная комната. Яна задумчиво ходила вдоль книжных полок, на которых стояли новые Димины приобретения — полные собрания сочинений зарубежных классиков двадцатого века, Ницше, Гессе, Кропоткин, Декарт, Лао Цзы, Чаньшев, Сенека и Фромм.

«Кто такой Фромм?» — подумала Яна, хотя о существовании других имён она тоже слышала немного.

Дима крикнул с кухни:

— Ты какой чай любишь?

— Только не смейся! Зелёный с молоком.

В дверном проёме показалось удивлённое Димино лицо. Яна чувствовала себя совершенно опустошённой. У неё не было даже сил, чтобы порадоваться тому, что она увидела одну часть жизни Димки. Она присела на диван и в следующий момент уже спала. Около трёх ночи Дима её разбудил, дал какую-то пижаму, на что Яна пробормотала что-то нечленораздельное. Она машинально сходила с пижамой в туалет, переделась и вернулась обратно. Димка укутал её одеялом, а сам снова сел за компьютер. Янка только успела подумать о том, что в этой квартире намного теплее, чем у неё.

Проснулась Яна от сильного толчка. Кто-то над её головой громко произнёс:

— Шлюха!

Яна открыла глаза. Димка спал рядом, одетый. Его голова лежала у Янки на груди, а руки он сложил, как ангелочек, под щёку.

Перед кроватью стояла какая-то пожилая женщина с трясущейся нижней губой.

— Здравствуйте,— сказала Яна.

Наверное, это и была Димкина бабушка, которая должна была ночевать у своей второй дочери.

— Встать,— прошипела женщина.

Яна нехотя вылезла из-под одеяла.

— Шлюха в моей пижаме!— вдруг вскрикнула женщина, потом зачем-то подняла с пола какие-то вещи Димы и швырнула их в Яну.— Убирайся!

Димка тоже проснулся. Бабушка быстро вышла из комнаты, окинув внука презрительным взглядом. Яна стояла посреди комнаты в пижаме с розовыми рюшечками.

— Какая ты прикольная в бабушкиной пижаме,— сказал Дима и улыбнулся.— Твои работы на столе. Ты опоздаешь. Тебя проводить?

Яна посмотрела на его сонное лицо, по которому было видно, что спать он лёг только под утро, и помотала головой.

— На бабушку не обращай внимания. В целом она хорошая.

Яна кивнула, посмотрела на часы и поняла, что на обиды просто нет времени. Через несколько минут она уже бежала по морозной улице к остановке. В двенадцать дня все пересдачи в Школе заканчивались, и она могла просто не успеть увидеть Кима, который поедет на занятия к себе в университет.

В холодном автобусе она развернула пакет Димы и увидела там семь идеально выполненных работ по морфологическому разбору каких-то слов. Сразу вспомнила Димкину утреннюю улыбку и тоже улыбнулась пробивающемуся сквозь толстую наледь окна солнцу.

Пробка начиналась от микрорайона Северный и тянулась до самого центра. Казалось, стоит весь город. Люди начали возмущаться, кто-то выходил

и шёл пешком. Яна спросила кондуктора, почему они стоят уже полчаса. Та проворчала:

— Кто-то из Москвы припёрся... Ещё часа два стоять будем, пока он не проедет из аэропорта.

Янка выскочила из автобуса и побежала.

Наверное, не важно, как быстро она бежала через весь центр города к Школе и к родной пристройке на первом этаже, которую студенты называли «аппендиксом». Янка впервые заметила, что их Школа длинная, серая и похожа на кишку. Вдоль забора к дырке напротив входа в их класс, последние метры, бежать было тяжелее всего.

Янка ввалилась в учительскую к Киму, когда тот уже наделав шапку. Ким холодно смотрел на неё сквозь узкие щёлки своих глаз, потом сел за стол и протянул руку. Яна не поняла.

— Работы. Дайте ваши работы.

— Конечно, конечно,— забормотала она.

И вдруг поняла, нет, даже не так, морозом, поднимающимся от низа живота, почувствовала, что у неё с собой пакета с работами нет.

— Конечно, конечно,— снова сказала Янка.

И отупела. В какой-то темноте перед нею прыгал Ким с немцами и баварским пивом, крутилась новогодняя мишура, улыбался Дима, и что-то злобно шипела кондукторша. Автобус с работами остался на другом конце города.

Из расступившейся темноты клочками проступало лицо Кима. То глаз, то впалые щёки, то подбородок.

— Может быть, я становлюсь старым и романтическим...— сказал Ким, рисуя что-то в своём журнале.— Встретимся в новом учебном году. Вы хорошо изобразили безрогую корову на празднике. Очень драматично.

И снова надел шапку.

А это корова безрогая,
Лягнувшая старого пса без хвоста.
Который за шиворот треплет кота.
Который пугает и ловит синицу,
Которая ловко ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Яна открыла кисло пахнувший учебник по современному русскому языку, полистала оглавление и вспомнила Димино бабушку, с которой ей предстояло познакомиться ещё раз на дне рождения Диминой сестры. И прочитала от Димы сообщение: «На что сдала морфологию?» И смайлик.

Глава 10

Катка радостно прыгала рядом и показывала Янке диски с новыми фильмами, который Руслан помог скачать ей с торрента. Катя не разбиралась в компьютерах. Яна слушала подругу и рисовала что-то в тетрадке. Получались только огромные

глаза, свисающая с них чёлка и строгие правильные брови. Руслан хмуρο поглядывал на неё со своей парты.

Всё опять пошло своим чередом. Дни тянулись бесконечно, наполненные огромным количеством работы. Начались занятия, Яне дали новую программу в музыкальной школе. В газете уже вышли четыре главы романа. Надежда Васильевна гордо выкладывала на сайте Школы отсканированные страницы газеты. Яна с ужасом ждала разгромной критики, но её не последовало. Янка так и не поняла, хорошо она пишет или ей всё прощается из-за её возраста.

В любом случае приближался страшный день первого выпуска телевизионного шоу для подростков. Казалось, Руслану всё даётся очень легко. Он выдавал идеи так, будто они просто высыпались из его головы.

На музыку совсем не оставалось времени. По вечерам, когда приходил отец, Янка совсем не хотела расстраивать его ещё и своей плохой игрой. Её музыкальный талант, о котором все так много и часто говорили в музыкальной школе, стал испаряться. Нужно было усердно работать. Усерднее, чем обычно. Но не могла же Яна бросить музыку? Не могла. Семь лет учёбы собаке под хвост.

После уроков ей нужно было бежать домой, чтобы успеть хоть что-то.

Но они с Димой брели до автобусной остановки, и Яна чувствовала, что он держит её за руку, и улыбалась, спрятавшись в большой вязаный шарф.

Иногда с ними увязывался обиженный Руслан. За Русланом всегда следовала как тень ещё более обиженная Катька. И тогда они разбивались по парам. Впереди шли мальчики, а сзади Катя с Янкой.

Однажды Катя не выдержала и спросила: — Тебе нравится Руслан?

— Нет! — мгновенно откликнулась Яна. — Ну... то есть он мой лучший друг. Как и ты. Но... Он тяжёлый такой, с ним весело, но очень сложно...

— Да? Мне так не кажется, — грустно ответила подруга. — Я вчера попросила его принести мне книгу почитать. Он принёс Пастернака. А я Пастернака наизусть знаю, но я всё равно была рада. Он меня совсем не замечает.

— Неправда... — ответила Яна, чтобы успокоить Катьку, но она знала, что Катя говорила всё верно.

— Поначалу мне казалось, что здесь всё будет по-другому, знаешь... — Катя вздохнула и посмотрела на спины их спутников. — Я так завидую тебе, как ты радуешься нашему классу и всему, что здесь происходит. Ты такая оптимистичная. Не замечаешь ничего вокруг. А я не умею так искренне веселиться. Я во всём вижу дно... Однажды учительница в моей прошлой школе задала тему для сочинения. Я написала. А учительница мне потом говорит: «Что-то мудрёно... не надо выкаблучиваться... Пиши как надо». И я написала «как

надо» и получила пятёрку. Но мне стало скучно в школе. И мне казалось, что у нас в классе такое просто невозможно. Мы можем говорить о чём угодно, читать любые книги и рассуждать о них. Казалось, что мы как мафия. Или как заговорщики. Правда?

— А разве это не так? — спросила Янка.

Она понимала, почему у Руслана и Кати никогда ничего не получится. Они оба — пессимисты. И видят только грязное дно. А Янка пытается увидеть на дне сияющие монетки.

— Как вчера Руслан сказал о наших бывших школах? Наше прокисшее прошлое?

— Помнишь, как из рук твоих горячих томик Пастернака я брала?..

Янка покосилась на подругу:

— Ты начала стихи писать?

Катя молча покачала головой.

— Смотри, какие снежинки становятся толстые, — рассмеялась Янка. — В декабре они такие тонкие-тонкие. А к весне становятся всё пухлее. Правда?

На замёрзшей остановке около Школы они стояли дольше обычного. Наконец девчонки разъехались по домам. Катя залезла в автобус с Русланом. На улице было очень темно, и Янка любовалась новогодними украшениями в окнах домов. В их городе не принято было снимать их до середины февраля. Зима всегда стояла длинная и холодная.

Димка дул на красные Янкины ладошки, и на них оставался его запах. Этот запах казался Янке волшебным.

— Я хочу послушать, как ты поёшь, — прошептала Яна, и Дима обнял её крепче.

— Ещё услышишь, — сказал он, потом ловко столкнулся с ней носами, потёрся щекотно о её ухо только появившимися усами и поцеловал в губы.

Яна замерла. Она долго думала, что ей нужно будет делать, когда она впервые в жизни поцелуется. Но Дима осторожно касался её губ, и Яна почувствовала, что всё будет в порядке. Она закинула ему руки на шею и провела пальцами по замёрзшей щеке.

Казалось, они стояли так, прижавшись друг к другу, целую вечность.

— Тебе точно нужно домой? — спросил её шёпотом Дима.

— Ещё много времени... — ответила Яна и коснулась губами его волос, выбившихся из-под шапки.

Надо было ехать домой и делать уроки. Надо было писать новую главу в газету. Садиться за фортепиано.

Подожёл автобус, Дима оглянулся и потянул Яну к толпе жаждущих уехать по домам. И Янка покорно пошла за ним.

Дима жил на высоком холме в частном доме. К его дому вела длинная дорога вверх. Сначала они шли, прикрываясь от ветра, которого здесь,

на холме, было больше, чем на остановке, вдоль длинного серого забора. Здесь строился новый многоэтажный дом. Затем дорога вела мимо частных домов и коттеджей. Яна держалась за Диминову руку и почему-то очень боялась её отпустить. Казалось, что это волшебство может растаять, а Дима — испариться в морозном воздухе.

Дом стоял посреди участка, окружённый невысоким забором. Это был большой деревянный дом, который когда-то поделили между тремя семьями. Дима постучался, а потом толкнул дверь вовнутрь.

— У тебя кто сейчас дома? — осторожно спросила Яна.

— Сестра с мамой, наверное.

Дима казался совершенно спокойным. Он посадил Яну на табурет в тесном коридоре, присел рядом и начал помогать снимать ей зимние сапоги. Потом провёл её за руку в свою комнату.

— Дима, это ты? — послышался женский голос из соседней комнаты.

Там что-то громко говорил диктор новостей. Янка с ужасом узнала бабушкин голос и поспешила пробежать в Диминову комнату побыстрее.

— Да, баб! Мы с Яной посидим у меня, а потом я её провожу до остановки!

Через секунду в комнате появилась чья-то голова с длинными волосами, уже знакомыми Янке. — Привет, я Маша, сестра! — девушка помахала Янке рукой и, хитро улыбнувшись, закрыла дверь.

Дима прошёл к письменному столу и сел на него. Яна присела на диван.

— Вот здесь я и живу.

Яна оглянулась и поджала под себя ноги. Все стены были завешаны плакатами. На левой стене Яна узнала Мэрилина Мэнсона, которого в Школе, наверное, уже никто не слушал. На правой — русские панк- и рок-звёзды, их Яна тоже не сильно различала друг от друга. Одинаково глупые лица.

На полке около кровати стоял музыкальный центр и валялось очень много дисков. Почти все — с чёрными обложками.

— Ты тоже почти всегда в чёрном ходишь, — улынулась Яна и посмотрела на Диму.

Почему-то у неё дрожал голос. Она снова уткнулась в диски. Прочитала названия: «Гражданская оборона», «Чёрный Лукич», «Дорз», «Элизиум».

Дима пожал плечами и взял гитару.

— Слушай, я тебе написал песню. Ты будешь слушать? — он внимательно посмотрел на неё. — Только я стесняюсь...

— Давай!

Яна заметила единственный женский плакат, висящий над зеркалом.

— Дима, — перебила она его, — можно вопрос? А это кто?

— Мадонна. Ты и её не знаешь?

Яна нахмурилась.

— Ты часто будешь этот вопрос задавать? Мадонну любят панки?

— Да не...

— Да, представляю, ты встаёшь каждое утро, подходишь к зеркалу: ах, какой я красивый, ах, какой замечательный. И любимое лицо видишь над собой!

— Ты это к чему сказала? — Дима хмыкнул и провёл пальцами по струнам. По звучанию это был ля-минор. — Ты же не знаешь, кто такая Мадонна.

— У тебя гитара расстроенная, — не выдержала Яна.

Дима приподнял брови и протянул ей гитару: — На, настрой. У меня слух плохой.

— А я настраивать гитары не умею. Я вообще никогда их в руках не держала.

— Это легко.

Дима подошёл к ней и сел рядом. Положил ей на колени гитару и поднял руки на струны. Он прижал её пальцы к каким-то двум струнам и поцеловал в шею.

— Вот здесь должна быть октава...

Янка закрыла глаза, дёрнула две струны и в ужасе открыла глаза. От фальши у неё совсем пропало романтическое настроение.

— Нет, давай настроим нормально, это убийственно для моего слуха.

Она быстро подкрутила колки и удовлетворённо провела рукой по струнам. Дима же откинулся на стену и гладил ей спину. Яна снова расслабилась, но тут раздался звонок телефона.

Дима подскочил, вытащил сотовый из кармана джинсов и ответил.

— Да? — спросил он в трубку.

И Янка отчётливо услышала девичий голос. Дима посмотрел на Яну и отошёл с трубкой к окну.

— Прости! — сказал он Яне.

А Яна тяжело вздохнула и снова взглянула на Мадонну, а потом на Диму.

— Нет, я сегодня не смогу прийти... Ну что ж теперь. Давай завтра?

Яна взяла в руки сумку и почувствовала странную злость. Почему-то Яну начали раздражать девушки, звонящие Диме. Да и вообще все девушки.

Независимо от того, были ли они знакомы с Димой или нет. Из его прошлой школы. Даже из их нынешней параллели, с которыми Дима курил на улице. Все они, толстые, худые, с кривыми зубами, — все они, казалось ей, смотрели на него и хотели с ним встречаться. Даже Мадонна. Яна совсем не похожа на Мадонну. И значит, у Димы другие идеалы красоты. Бабушка говорит, что есть два признака того, что девочка влюбилась по уши и с первого взгляда: трястись при каждой встрече с ним и ненавидеть всех своих подруг. Всех, кроме Катьки. Потому что ей нравится Руслан.

Дима перестал говорить и обернулся к Янке.

Он хотел снова сесть рядом, но Яна протянула ему гитару и отошла в сторону к компьютерному столу.

— Что с тобой? — спросил Дима.

— Ты обещал мне сыграть новую песню, — с трудом произнесла Яна. Она не понимала, почему ей хочется заплакать. — Давай, Чёрный Музыкант, не стесняйся.

Я сочинил тебе уже столько песен...

Я хотел тебя удивить...

И не важно, когда мы будем вместе...

Дима пел хриплым низким голосом, а Янка любовалась его губами и думала, что она превращается в жалкое существо. Она узнала этот голос. Это была Ира. Разве Дима продолжает общаться с ней? Яна знала, что девушки любят превращаться в жертву. Бабушка говорит, что именно женщины начинают истерить по пустякам. Так было почти во всех семьях, которых она знала. Стоит только найти повод. Только в Янкиной семье все были настолько уставшими по вечерам, что договорились срываться вне дома, а не внутри.

Яна слушала Димин голос. Он закрыл глаза и пел очень нежно. А Яна оглядывалась вокруг. В доме было очень тепло. Намного теплее, чем в их квартире в панельном доме. Она с некоторых пор сравнивала все дома по тому, где было теплее зимой. Ещё ей нравилось, что Димина мама и сестра сидят в соседней комнате и не заходят каждую минуту, чтобы проверить, чем дети занимаются. А его бабушке, скорее всего, объяснили, что она не просто кто-то там. И совсем не то ужасное слово.

Яна поняла, что ей всё больше и больше нравится этот старый дом, который когда-то строили не то пленные японцы, не то поляки.

Она закрыла глаза и села на стол.

Дима закончил петь.

— Ну как тебе? — спросил он.

Яна смотрела на него, а из головы никак не выходила Ирка.

— Ты очень хорошо поёшь, только фальшивишь иногда, — засмеялась она, а Дима подлетел к ней, прижался к её телу, обнял за талию и начал целовать шею.

Яна зарылась руками в его волосы и поцеловала в висок.

— Ты сводишь меня с ума, — пробормотал Дима и посмотрел на неё какими-то безумными глазами. — И сводишь меня с ума с первого дня, как я тебя увидел.

Яна провела рукой по его рубашке, по груди, а потом по животу. Она посмотрела на часы.

— Чёрт! — воскликнула Яна. — Я домой опаздываю!

Она вырвалась из Диминых рук и быстро побежала к выходу. На кухне столкнулась с Машей, которая распахнула глаза так, будто в чём-то её заподозрила. Маша с вопросительной улыбкой посмотрела на брата, который выскочил следом.

Дима помог надеть Янке дублёнку.

— До завтра? — спросил он и поцеловал её.

— Да, до завтра... Не провожай меня, я сама добегу до остановки. В следующий раз... — пробормотала Яна и выскочила на улицу, где, наглотавшись холодного воздуха, закашлялась.

Она долго шла одиноко по дорожке и пинала снег.

Яна ехала в автобусе и накидывала какие-то строки в блокноте. Мысли путались. Она могла думать только о Димкиных глазах и о его губах, блуждающих по её шее. А рука писала:

«Дом умел разговаривать. Он скрипел дверьми, жаловался в непогоду на боль в костях. Трубы почти все сгнили. Деревянные стены были съедены насекомыми.

Дом всегда знал, что произойдёт этим вечером, и иногда забывал о прошедших днях. Люди ему об этом напоминали. Они возвращались в заброшенные квартиры своих дедов, брали вещи и выбрасывали их. Хлопали со всей силы дверьми, ковыряли замки.

Люди умирали в этом доме, забытые всеми. И дом долго ещё хранил их запах.

Он стоял на холме и смотрел с испугом вокруг, когда просыпался. Леса застраивались дачами. Остальные дома медленно сносились, и вместо них уже возвышался торговый центр. Дом дрожал на ветру и поглядывал на город через потемневшие окна».

Глава 11

— Чем занята? — Димин голос в трубке звучал очень странно.

Яна утащила длинный шнур провода к себе в комнату. Мама многозначно посмотрела на неё, показала на фортепиано и ушла на кухню.

— Сижу, ковыряю ногу... Там опухоль какая-то. Что делать?

Янке было очень весело говорить с Димкой по телефону. И это было легче, чем при личных встречах, когда какая-то магия его взгляда и голоса просто гипнотизировала её.

— У нас же в городе хороших врачей нет, ты же так говоришь?

— Это моя мама так говорит.

— Вот сиди и ковырай дальше.

— А я чем занята?!

Дима глухо засмеялся на другом конце провода. — ... Что ещё хорошего скажешь?

— Завтра мы в кино идём — это хорошо.

— Да, это хорошо... У тебя голос испуганный. Рассказывай.

— Сегодня утром случилось что-то страшное, Дим... Я шла на остановку, чтобы поехать в Школу. Ты же знаешь, там дорожка огибает угол серого и огромного дома...

— Нет, Ян, не знаю, я у тебя ещё никогда в гостях не был.

— Да? Ну ладно...

Яна укуталась в одеяло и включила на ноутбуке устало музыку.

— Что там у тебя играет?

— Чайковский... — Янка смутилась. — Ты не перебивай, в общем... Я никогда не обращала внимания на этот дом и тем более на окна первого этажа. А тут почему-то обратила. Потому что издали увидела куклу.

— Куклу? — Дима чем-то щёлкнул у себя в комнате.

— Что это было?

— Это я свой «ноиз», как ты говоришь, выключил.

Мне приятно сидеть и представлять тебя с книжкой, рядом свечи стоят, и ты слушаешь Чайковского... Извини, опять перебил. Так что кукла?

— Кукла — как большая вязаная матрёшка. Стояла, прислонившись к стеклу. Даже с платочком на голове. Метров за десять мне стало понятно: это не кукла. Это старушка с закрытыми глазами, приоткрытым ртом, с жёлтым цветом лица. Видимо, она сидела перед окошком, смотрела на проходящих мимо людей и упала на стекло.

— Ты переучилась? — Дима явно веселился там, у себя дома.

А Яне было очень плохо. Целый день после этого случая её морозило. И теперь снова стало мутно и тошнотворно. Она всё никак не могла собраться с мыслями и приступить к домашним заданиям. Мама просила помыть пол в квартире, да где там... — Дима... Фигура в окне была неживая. Бабушка умерла, может быть, звала кого-то... А люди шли мимо, никто не поднимал глаза на окна. Только я остановилась, оглянулась, у меня совсем весь воздух пропал. Подбежала к мужчине, идущему впереди, и...

— И?..

— И спросила, видит ли он её.

— Кого?

— Старушку в окне! Кого же ещё?

— И что он ответил?

— «Девушка, отвалите от меня!»

— Что, прям так и ответил? Вот урод! Давай я к тебе приеду!

— Подожди, это не всё... Я встала на остановке.

Пойти обратно и проверить ещё раз, подойти поближе? НЕТ! Меня бы стошнило там же, — Яна замолчала, вспоминая дневные переживания. — Я села в автобус. Позвонила Кате.

— Ну, не думаю, что Катя помчалась тебя спасать.

— Нет.

— А почему ты не позвонила мне?

— Я хотела тебе в Школе всё рассказать, а ты не пришёл.

— Да я с температурой лежу — вчера на репетиции орал много. Так что, это же, я подозреваю, не конец истории?

— Нет... — Янка включила погромче музыку и легла на подушку. — Я окольными путями дошла до своего дома. Километра за два обошла серый дом на

остановке. Весь вечер я лежала. У меня глаза очень устало — сегодня Данте наконец осилила, но передо мной стояла эта мёртвая старушка, прислонившаяся к окну. Жёлтая, начинающая разлагаться... — Я выезжаю...

— Подожди, Дим... И тут я подумала, как в кошмаре: а что, если сегодня опять пойти и проверить? А если не будет её в окне? Она могла упасть и лежать там, под батареей.

— Яна... — обеспокоенный Димин голос раздался в трубке.

— Я даже в милицию позвонила, но мне посоветовали поменьше курить и по всякой ерунде не звонить.

— Поэтому ты мне звонишь?

— Дима! Я пошла туда снова! Ты не представляешь, как я боялась! Ноги не слушались. А старушка стояла там же. Ещё более жёлтая. Я очень боюсь мёртвых. И я подошла поближе к окну. Думала, может, позвонить с соседями в дверь? Нельзя же человека оставлять вот так! Вот у Диккенса был такой случай в... Помнишь «Посмертные записки Пиквикского клуба»? Нет? Ну ладно. И тут, представляешь, старушка моргнула. Открыла глаза, вылупилась на меня под окнами. Знаешь, как я быстро бежала домой?

— Так... — произнёс Дима. Его голос не предвещал ничего хорошего. — Наверное, я всё же приеду. — Тебя мама не пустит, на ночь-то глядя, — Яне очень хотелось, чтобы он приехал. Но сказала она это очень робко. — Подожди, я у своих кое-что спрошу.

Янка поднялась с кровати и пошла в другую комнату. Мама с папой сидели за круглым деревянным столом, пили чай и о чём-то спорили. — Мам, — произнесла Яна, замотавшись ещё сильнее в одеяло. — Можно мне к Кате поехать в гости? А завтра мы с ней вместе в Школу пойдём.

Мама с папой одновременно подняли головы и переглянулись. Они несколько секунд так изучали друг друга, будто мысленно общались.

— Ты на часы смотрела? — сказал наконец отец. — Она близко живёт, а до остановки уж я сама доберусь, а там её отец меня встретит. В общем, как всегда.

Янка постаралась сделать лицо попроще.

— Лучше пусть она к нам приезжает, — вдруг сказала мама и встала из-за стола. Она всегда очень элегантно двигалась и была похожа на большую гибкую кошку. — Нам нужно к бабушке уехать на ночь, и мы как раз говорили о том, что делать с тобой. От бабушки слишком далеко ехать в Школу.

Яна быстро закивала головой и побежала в комнату обратно.

— Дим, приезжай через два часа, — прошептала она в трубку. — Я тебе в окне просигналю, что мама с папой ушли.

— Скоро буду.

Всю ночь Янке снились кошмары и сны с таким бешеным ритмом, что она не успела за ночь отдохнуть, а утром нужно было вставать. Накануне Янка сходила с классом на фестиваль «Алексей Баталов и русская литературная классика» — на фильм «Три толстяка». Вечером перед сном Димка включил телевизор и зачем-то смотрел новости. Мелочи жизни. Да ещё и эта история с мёртвой старушкой в окне.

Янке приснилось, что ей уже семнадцать лет, она почему-то высокая стройная брюнетка с короткой стрижкой, учится в университете Иллинойса. И прямо напротив её университетского общежития стоит Белый дом президента США. И говорят им, студентам филологического факультета, что президент объявил конкурс: кто найдёт в других языках самое длинное по написанию слово «солнце», тому дадут приз — одну тысячу долларов. Яна во сне подумала: явно какая-то ерунда. И не стала участвовать. А потом смотрит, бегут девчонки американские с бумажками в кассу и деньги получают. И ей стало так обидно! Написала Яна «солнце» по-алтайски (так ей во сне показалось), подумала — всё равно никто не поймёт и проверить не будет, и написала ещё несколько слогов. И отдала в кассу. А ей кассирша говорит: денег дать не могу, так как президент должен лично на вашей бумажке со словом свою печать поставить. И Янка побежала в Белый дом. Нырнув в толпу журналистов, увидела президента и протянула ему бумажку. Он так мило на неё посмотрел и говорит: что-то вы, девушка, припозднились, я уже печать свою в кабинете оставил и очень спешу. Но раз вы такая красивая, я попрошу моего сына вынести вам её. И выходит его сын. И сразу прям Яна в него влюбилась, а он в неё (во сне это сразу было понятно!), и они вместе пошли с ним к кассе, а потом куда-то гулять. Сына звали то ли Боб, то ли Мэйсон.

Вечером приходят к нему домой (пока отца нет), только хотели поговорить наедине — и тут заходит девушка. То ли кузина, то ли сводная сестра этого парня. Начинает его к Янке ревновать. Они с ней ссорятся и уезжают подальше, в самый высокий в Америке небоскрёб, где сидят секретные люди с документами. По лестнице они ушли на самый верх, а сын президента Янке рассказал о том, что сестра его Дженни (кузина сводная) питает к нему отнюдь не сестринские чувства.

Они проходят по тайному лазу на чердак, только-только собираются поцеловаться... и снова заходит Дженни. А сын президента куда-то вышел по президентским делам. И пока Яна с кузиной друг на друга кричали, Дженни села на подоконник и отвернулась к стонущим в пробках машинам, где-то там, далеко внизу. В платьице светлом, с кудряшками... И тут Яна сделала то, что в фильме военные делают с куклой наследника толстяков.

И выкинул её вниз. Яна тоже подошла к Дженни — и выкинула за ноги за окно!

Входит сын президента. Спрашивает, что за шум, а Янка начинает на него кричать, что, мол, куда это он пропал. А он ей: ты, наверное, приезжая?! А она ему: я не приезжая, а самая настоящая иллинойская девушка. Во сне Яна так расстроилась, что спустилась пешком с небоскрёба на улицу и побежала к своей машине. Во сне это оказался узик «Simbir». Приблизилась к машине, а сын президента Боб-Мэйсон мчится за ней, что-то говорит в оправдание, а глаза злые-злые, какие иногда бывают у Димы. И тут Яна увидела на лобовом стекле машины записку. Мол, я не умерла, буду мстить страшно и долго, и всё равно сын президента будет моим...

Тут Яна проснулась.

Димка тряс её за плечо. Янка смотрела на него так, будто вместо Димы рядом сидел Орландо Блум в образе Леголаса, сына Трандуила. И он спросил: — Вовремя я тебя из Матрицы вытащил? — Уф... — выдохнула Яна и легла на спину. Пора было просыпаться. — У меня мозг даже во сне работает.

Димка лежал на диване, едва прикрытый тёплым одеялом. Лучи солнца из единственного в комнате окна причудливо падали сквозь рисунки изморози на окне и ложились ему на живот. Узкая грудь поднималась и опускалась. А родинка на плече по форме напоминала крохотный листок дерева.

А Яна лежала рядом, боясь прикоснуться к нему. — Давай не пойдём в Школу... — Дима лениво потянулся.

Янка проследила за его взглядом, но так и не поняла, на какую именно фотографию на стене он смотрит.

Она не понимала своих чувств. Пока она лежала здесь, не в силах оторваться взглядом от любимого человека, ей хотелось убежать в Школу и с чувством наслаждения понять, что мозги ещё в состоянии что-нибудь соображать. Но над книгами в школьной библиотеке она только и думала, что об этой родинке на плече, и, закрывая глаза, хотела залезть под одеяло с головой и положить голову Диме на плечо.

— Это первая наша ночь вместе, — прошептала Яна, а Дима фыркнул.

— Это не считается, ничего же не было. Я не хотел тебя заражать этой гадостью. Чувствуешь, как у меня горло горит? Болеть гриппом отвратительно. — Как я могу чувствовать, что у тебя что-то болит? — Я просто стараюсь на тебя не дышать.

Яна потеревила пряди его волос. Димка взглянул на неё слипшимися глазами, и Янка подумала, что это самые чудесные слипшиеся глаза в мире. — Не бойся, я не заболею, я на удивление здоровая. А это что у тебя?

Димка повернулся, и Яна случайно увидела на его теле синяк. Дима дёрнулся и отвернулся к стене.

Янка присела, укуталась в одеяло, так как дома утром было прохладно.

— Не хочешь рассказывать?

— Не хочу.

Яна почувствовала, как между ними встаёт та же самая стена, какая была в первый день знакомства. Молчание длилось несколько минут. Дима неровно дышал и смотрел в стену, а Янка— в замёрзшее окно и иногда моргала. Она поняла, что плачет, только когда ледяные цветы на стёклах запрыгали, как лягушки.

— Ну... я шёл мимо старой школы... опаздывал к нам, и мне было наплевать, выгонят меня с урока или нет. Мне даже было наплевать, какую оценку я получу на творчестве, я писать не умею, не то что ты... И... один чувак попросил у меня сигарету. Я сказал, что у меня только одна. И тогда Макс, ну, так зовут того чувака, сказал, что найдёт меня, выследит мою мать, что я ему теперь денег должен. Я сказал, что я ему ничего не должен, что он ничего не сделает, а он требовал сигарету, я снова сказал, что у меня одна...

Яна даже забыла, что только что плакала.

— Ты это хотела услышать?

— Я... я...

— Ну, он меня вчера вечером на остановке встретил. Я-то один, а их трое. Я сбежал в конце концов. И к тебе приехал. У нас райончик тот ещё.

Прозвонил будильник.

— Может, не пойдём никуда? Фильмы посмотрим, кофе попьём... — Димка боялся смотреть Янке в глаза.

— Нам всё равно нужно уходить. Вдруг родители вернуться до работы? Им-то не объяснишь ничего. Ты выспался?

— Абсолютно. Тебе кто-то звонит. Ответь!

Яна подняла из-под кровати сотовый.

— Да, Катя? — Яна встала голыми ногами на ледяной пол, поёжилась и пошла с телефоном в ванную комнату, чтобы почистить зубы. — Чего хотела?

— Ты где? Почему у тебя «Алиса» играет?

— Я не знаю, что это у меня играет. Но я дома, — многозначно произнесла Яна.

— Значит... Ты с ума сошла? — Яна почувствовала в Катином голосе панику. — Вы там оба с ума сошли? Тебе сколько лет вообще?

— Скоро будет шестнадцать, между прочим! И ничего не было.

— Вот именно! Когда исполнится, тогда и поговорим, а до этого времени даже не смей!

— Катя, ты чего кидаешься с утра пораньше? — Яна взглянула на себя в зеркало и впервые понравилась себе. Стройная фигурка, и даже лицо было красивым. Не зря она занималась художественной гимнастикой почти восемь лет. И как здорово, что

ей разрешили бросить танцы ради литературного класса. — Давай в Школе поговорим?

— Ладно, не о том я, я вообще насчёт твоего дня рождения тебе звоню. Потом поговорим, ты права...

Глава 12

— С днем рождения, солнышко!

Мама и папа стояли у Янкиной кровати, а на стуле лежало несколько цветных коробок с подарками.

— К тебе сегодня придут друзья? — спросила мама и автоматически начала прибираться у Яны на столе — там валялось несколько учебников вперемежку с нотами.

— Мам, не надо, я проснусь и сама всё сделаю. Да, мы хотим днём собраться, до того как приедут родственники. Посидим немного, хочу с девочками встретиться из музыкалки и с прошлого класса. Мне даже интересно, кто меня ещё не забыл.

— Тебя невозможно забыть, солнышко, — уверенно сказал папа.

Яна повернулась к нему:

— Вопрос на засыпку: сколько мне сейчас лет?

Это был традиционный праздничный юмор в их семье. Однажды в детстве папа забыл, сколько исполнилось лет его дочке, и теперь Яна постоянно его об этом спрашивала.

Отец развёл руками и с сыгранным ужасом посмотрел на маму:

— Шестнадцать? Двадцать?

Яна кинула в папу подушкой, а он поймал её, быстро подлетел к Яне и слегка придавил подушкой ей лицо. Янка завизжала как резаная и со смехом выползла из кровати.

— Ты даже не подумала, чем будешь кормить гостей.

— Точно, — Янка потащила за собой в ванную одеяло. — Как-то руки не дошли.

— И голова тоже? — отец потряс один из подарков. — Что тут? — спросил он, обращаясь к маме.

Та со смехом пошла на кухню.

— Яночка, торт и несколько салатов в холодильнике. Надеюсь, ты не собираешься приводить весь свой класс, а для десяти человек еды и питья вполне должно хватить. Ты уверена, что не хочешь с друзьями в кафе сходить?

— Нет! — Яна сделала таинственный вид и заперлась в ванне.

— А Руслан придёт? — крикнула мама за дверью. — Об этом спрашивала Катина мама почему-то. Говорила, что ты с ним сурово как-то обходишься. Ты же помнишь главное правило?

Яна выплюнула зубную пасту.

— Да! Я помню! Вежливость!

— Умница моя! Не надо обижать понапрасну людей, которые к тебе хорошо относятся. Их мало на свете.

— Я помню! Можете идти! — Яна помахала из-за двери рукой.

Отец приобнял маму за плечи, и они засобирались в гости к своим собственным друзьям.

А Янка радостно порхала по комнатам, расставила на столе приборы для еды, включила радио и с предвкушением посмотрела на улицу.

Первой, как всегда, пришла Катя. Она протянула большой свёрток в серебряной обёртке.

— Диски? — спросила Яна, прекрасно зная ответ. — Ты должна посмотреть этот фильм! Это «Фонтан»!

— В смысле — очень клёвый?

— В смысле... — Катя так посмотрела на Яну, будто та была подопытным тараканом в лаборатории. — Ты понимаешь, это как клубок с цветными нитками, которые запутались между собой и образовали новый клубок с оттенками красного и золотого цвета. Золотой — жизнь, «внеземная» любовь, а красный — кровь, смерть, нечто плотское. И...

Но тут в дверь снова позвонили. И Яна, чмокнув Катю в щёку, поскакала открывать.

— Его нужно пересмотреть раза три, чтобы понять! — крикнула Катя вдогонку.

Пришла Надя, девочка, которая очень хорошо играла на скрипке, и их однажды заставили играть дуэтом на каком-то конкурсе. Надя была очень высокой для своего возраста и очень красивой. Она подарила ноты с романтическими пьесами для фортепиано.

Как Янка и думала, пришло восемь человек. Девчонки не знали друг друга, и Яне пришлось всех знакомить и даже играть за столом в игру, название которой она постоянно забывала. Каждый по очереди говорил своё имя, место, где они с Яной познакомились, и одну вещь, которую любят больше всего.

Это было очень весело.

Ленка из бывшей школы включила детские песенки, а Муся вытащила из большого рюкзака кучу тряпок и бросила их на стул.

— Это мама вчера из театра принесла, ей нужно их перешить. Это — костюмы!

— Ура! — завопила Надя и тут же влезла в красивое средневековое платье. — Сейчас крашусь!

— Какая ты молодец, Мусенька! — Янка выбрала себе зелёное одеяние. — Это чьё? Робин Гуда?

— Я не знаю.

— Круто, — и Яна тоже побежала переодеваться.

Когда она вышла из комнаты, девчонки уже были в различных платьях и костюмах. Катя достала фотоаппарат и начала всех фотографировать.

Кто-то позвонил в дверь, Катя пошла открывать, а Яна с Надей раскладывали карты, чтобы поиграть в мафию.

— Хей! — в дверном проёме появился Дима.

Весь облачённый в чёрное, он стоял с огромным букетом из красных роз. Он оглядел гостей, и на

лице у него появилось выражение типа «что за дурдом». Яна выглянула из-за стола и помахала рукой.

— Э... — только и произнёс Дима. — Выйдем на кухню?

Девчонки захихикали, а Яна, смутившись, вышла из комнаты. Дима взял её за руку и поцеловал в губы.

— Я первый раз целуюсь с Робин Гудом, — честно признался он и протянул букет. — Розы!

Янка обняла Димку за шею и пошла ставить цветы в вазу. Это были первые в её жизни розы. Первый букет, подаренный мальчиком.

— Я надеюсь, меня не будут наряжать? — шёпотом спросил Димка и подтолкнул Яну вперёд.

— Познакомьтесь, это Дима. Мой... друг. А это — ты уже знаешь, Катя и Аня. И Надя, Оля, Света, Муся, Нина и Юля. В общем, разберётесь.

— Точно, разберусь!

Дима сел за стол, и в комнате возникла пауза. Катя с Янкой переглянулись.

— Дима, а ты сегодня в образе кого? — спросила громко Катя и налила Диме в кружку сока. — Прости, твоего любимого пива нет.

Яна знала, что Катя его недолюбливает, но надеялась, что подруга сумеет сдержаться и не наговорит грубостей.

— Рано ещё для пива, — ответил Дима и наложил в тарелку салата с картошкой. — Ты всю ночь готовила? — спросила он Яну.

— Ой, ты что! — Янка замахала руками. — Если бы я это приготовила, то вы бы и кусочка не съели.

— Ты же у нас всё умеешь делать, — усмехнулся Дима и пододвинул к себе тарелку.

Яна дружелюбно посмотрела на него.

— Я поняла! — воскликнула Катя. — Ты сегодня в образе вампира! Не хватает только серого цвета лица.

— Нет, он — Чёрный Музыкант... — тихо проговорила Яна.

— Вы все с ума сошли по этим вампирам? — удивился Дима и выпил сока.

— Наверное, — Катя кокетливо ушла на кухню за печеньем.

— Хотя я понимаю, почему девочкам это всё так нравится.

— И почему? — Янка подошла к нему и положила руки на плечи.

— Шас покажу.

Дима вытер салфеткой рот, встал, подошёл к Яне, резко наклонил её вниз и впился губами в её шею.

Янка вырвалась и со смехом упорхнула к другому концу стола.

— Засос ничем не отличается от вампирского поцелуя по сути. Поэтому вам и кажется, что это эротично, — Дима деловито сел на своё место и набил рот салатом.

Яна никогда не видела его таким весёлым. Что-бы Дима общался с людьми?

— Эротично, — хихикнула Света.

Дима хмыкнул и продолжил жевать салат.

— Так... — Катя вернулась с большим подносом печенья. — А перед тем как всем, кроме одного опоздавшего, можно перейти к чаю... — Яна с Димой, переглянувшись, улыбнулись. — Прошу выйти всех из-за стола — хватит жрать, не для этого сюда приехали.

Дима поднял палец вверх и покачал им.

— Хорошо, даже те, кто приехал сюда пожрать, встаёт к центру и фотографируемся. Робин Гуд встаёт в центре, Белоснежка слева, мне оставьте место посередине. Вампир найдёт себе место сам. Итак...

Дима медленно подошёл к Янке, но Нина, усевшаяся на крышку рояля, впихнула между ними свои ноги, и Дима встал рядом так, что Яна даже не смогла бы обнять его. Все улыбнулись, и фотоаппарат сделал кадр.

— А теперь, — не унималась Катя, — повторите мне тот самый поцелуй, который Дима назвал эротичным. А потом пощёлкаемся в разных тематических сценках. Ну же, вперёд!

Через два часа позвонила мама и предупредила, что они уже едут с бабушкой и дедушкой домой с кучей еды. Тётя и двоюродный брат тоже были на подходе.

Янка, уставшая и довольная, провожала девчонок и ждала, когда уйдёт Катя. Но та была на кухне и прибирала посуду на место к приходу родителей. Дима подошёл последним. Провёл пальцами по Янкиным губам. Потом поцеловал в висок и открыл входную дверь, чтобы выйти. Там стоял Руслан.

Яна сложила губы трубочкой и поняла, что забыла пригласить его на день рождения.

Руслан поздоровался с Димой за руку и проводил его взглядом до поворота к лифту.

— Привет. Что у вас тут происходит? Прикольно выглядишь.

— Спасибо. А ты чего пришёл? — Яна чувствовала пристальный взгляд Кати из кухни.

— Ну... типа, просто в гости зашёл. Нельзя?

— Прямо сейчас — нет. Сейчас родители придут, много родственников, у нас тут вроде как праздник. Так что... до завтра, ладно? Прости.

И Яна, не дожидаясь его ответа, закрыла дверь. Выдохнула и прошла на кухню.

Села напротив подруги и грустно вздохнула.

— Спасибо тебе огромное за помощь. И вообще... за всё.

— Что это было? — сухо спросила Катя.

— Ты про Руслана? Не знаю, я его не приглашала.

— Мне всё это не нравится... — Катя покачала головой. — Плохо, что Дима его видел. Плохо, что

ты Руслану не сказала о дне рождения. Вообще всё плохо.

— Только что было всё хорошо, — Яна поправила своё нарядное платье и облокотилась о подоконник. — Жаль, что костюм Робин Гуда уже едет обратно домой.

— Послушай... — Катя села рядом и взяла Яну за руку. — Я тебе подарила ещё второй диск. С фильмом, который тебе нужно осилить и понять. Посмотри его. Пожалуйста. Это «Мистер Никто». Это не фильм — это рассказ о судьбе, об эффекте бабочки, о выборе, который мы делаем каждый день. О том, что же такое судьба. О выборе, который мы делаем. Я хочу, чтобы ты не наделала глупостей.

— Ты говоришь как моя бабушка.

— Не ты же одна у нас умная, — сказала Катя и протянула Янке мокрые тарелки и полотенце.

Глава 13

Улица была серой, как стена, протянувшаяся на километр вверх по холму. Вечер тоже был серый, без заката, с обвисшими тучами и каким-то гнусным цветом уставшего лица. Дима опять шёл молча — он вообще в последнее время не любил говорить. Хотя Янка, наверное, это тоже придумала, накрутила. И молчала. Он взял её за руку, отобрал тяжёлый пакет. Далеко за мрачной стеной виднелись частные дома, и только за ними — Димин домик.

Яна начинала бояться его, когда он часами молчал. На следующий день после дня рождения он снова не пришёл в Школу. И ничего не рассказывал.

Звонок. Спасительный стон в этом безразличии. Янка недавно поменяла звонок от Руслана и теперь не узнавала его. Посмотрела на Диму. Дима — на неё. Звонок казался глупым и слишком громким. — Ответь! — Дима приготовился слушать.

Яна ткнула на зелёную кнопку и с вызовом посмотрела Диме в глаза.

— Привет, — выдохнула она в трубку.

— Привет, — с надеждой в голосе произнёс Руслан. — Как ты?

— Ничего, — сказала Яна и покосилась на Диму.

Всё это казалось странным.

— Я хотел бы с тобой поболтать где-нибудь в центре, побродить по улицам.

— Холодно сейчас по улицам бродить, — Яна откашлялась.

Дима явно прислушивался к тому, что говорил Руслан.

— А ты... Я не совсем понял, что это такое было с твоим днём рождения. Но хотел тебя поздравить сейчас. Ты где? — неловко спросил Руслан и замолчал. — Я как раз насчёт всего этого... насчёт Димы и хотел поговорить. Не хочу, чтобы ты разочаровывалась потом и тебе было больно.

— Да? — с натяжным безразличием спросила Яна.

О чём может с ней говорить Руслан? Да ещё и о Диме? Зачем он вообще вмешивается? С другой стороны, мама просила её быть с ним вежливой. — Ну, хорошо. Завтра в Школе поговорим. — Давай сегодня... Вечером, часов в семь, встречаемся у памятника Горькому.

И Руслан отключился. Яна хмуро посмотрела на телефон.

— И чего ему нужно было? — сухо спросил Дима. — Не знаю... — призналась Яна. — О чём-то поговорить хочет.

— Не встречайся с ним, — вдруг тихо и с вызовом произнёс Дима. — Я не хочу тебе запрещать общаться с другими людьми. Но сейчас прошу об этом. Зачем он пришёл к тебе тогда в гости?

— Как пришёл, так и ушёл. Он вообще-то мой лучший друг, — Яна неожиданно для себя поняла, что сейчас заплачет. — Он, по крайней мере, со мной общается! А почему ты со мной не разговариваешь? С самого дня рождения, всю неделю молчишь! Я что-то сделала не так?

— Всё в порядке, — Дима смотрел в другую сторону. — Нет, не в порядке! — воскликнула Янка. — У тебя что-то происходит в жизни, а я ничего не знаю! Почему ты мне не доверяешь? Для того чтобы было всё хорошо, нужно общаться! Го-во-рить! Я не умею читать мысли!

— А стихи умеешь на ходу сочинять? — вдруг улыбнулся Дима и на секунду стал таким же, как и раньше.

— Да уж, про твою ревность можно стихи складывать на ходу!

— Ну и? — «Глазами тебя поедают все девушки жадно. Неверный, отвергну тебя беспощадно!»

— «„Люблю больше всех!“ — однажды воскликнул... Мрачно».

— Кого это — всех? — спросила Яна.

— «Пытался утешить тебя — только повод для ссоры. „Ты всех утешаешь, — Яна твердит, — без разбора“. Взглянул на тебя — вновь обида и слезы рекой: „Меня ты сравнил, наверное, с другой“».

Янка улыбнулась и с ходу вспомнила чьи-то стихи:

— «Любовь лишь повинна, что сердцу желанней всего та женщина, что его истомила...» Помнишь, мы писали сегодня глупое упражнение на риторические вопросы? Когда ты куда-то вышел, а Людмила Аркадьевна зачем-то пошла за тобой?.. — Им не нравится, что я курю...

— Да? Ну ладно. Вот Стас и спрашивает всех: что такое «дьявольская усмешка»? Это у него такая фраза в тексте попалась. Мы отвечаем: метафора. Он: а разве дьявол не может смеяться? Мы: а ты видел дьявола? А тут кто-то с задней парты подсказывает: тасманский дьявол может смеяться! И кто-то ещё: заткнитесь! Наступает тишина, и тут Олег по телефону так громко говорит, продолжая

и не замечая тишины: «Да, сижу на уроке, где препода даёт задание и сваливает».

Яна замолчала.

— Ты скажи, где смеяться нужно было, — проговорил Дима.

Яна закусил губу.

— Я просто хотела что-нибудь рассказать, а в голову ничего не приходит. Это лучше, чем идти и постоянно молчать.

— А-а... — протянул Дима и отвернулся.

Несколько дней подряд шёл снег, и дорога была очень скользкая. Вслед уползающей туче, похожей на те, что несут в себе американские смерчи, подул холодный и сильный ветер. Зашумели и задёргались неровно голые тополя за серой стеной. Мимо пролетела по колдобинам машина и, рухнув в яму, которую не было видно из-за снега, обдала стену мелким и грязным снегом. Яна еле успела отпрыгнуть. Дима больше не улыбался, закурил на ходу и два раза выпустил в холодный воздух дым.

Яна не долго сидела у Димы. Его мама вернулась с работы уставшая и расстроенная. Видимо, настроение в их семье передавалось по воздуху. Или что-то случилось такое, во что Яну решили не посвящать. В каждой семье есть свои тайны. И Яна впервые почувствовала себя чужой в этом доме.

Она молча попила чай. Дима сидел на кухне на подоконнике, прижав к груди колено.

Тихо урчал холодильник, где-то на улице выясняли отношения собаки. Дома у Димы было, как всегда, тепло и уютно.

Но в этот раз что-то разваливалось. Когда Дима с мамой вышли поговорить в гостиную, Яна прошла в комнату и села на стол. А вдруг они с Димой сейчас поссорятся?

Бабушка всегда говорила что-то про тех, кто бранится и тут же мирится. А если помириться не удастся? Дима вообще с трудом говорит о своих чувствах и мыслях. Яна же будет ждать что-то от него. Или...

Янка помотала головой и вдруг заплакала. Ей не хотелось уходить сегодня от Димы и встречаться где-то на морозной улице с Русланом. Она вообще никогда не хотела уходить или уезжать от Димы. Его нужно было держать за руку и не отпускать, чтобы не потерять. А потерять его казалось так легко. Он появился в её жизни так неожиданно и внёс столько прекрасных минут, много снега, холодных поцелуев на улице и своего тёплого дыхания. Нужно держать его за руку до того момента, как он оттаёт и расскажет, что случилось у него в семье.

Дима вошёл хмурый и сел на диван. Вытащил из-под дивана бутылку с пивом и покрутил в руках. — Мне лучше уйти? — спросила Яна, а её голос задрожал.

— Прости, да, — Дима сидел, понурился головой и обняв гитару одной рукой, а пиво другой.

— Хорошо.

Яна взяла сумку и пошла к двери. Не выдержала и обернулась:

— Не знала, что ты пьёшь пиво.

— Тебя это напрягает?

Яна никогда не думала, что у него бывают такие жестокие глаза.

— Да. У нас в семье не пьют. Я не понимаю, зачем люди курят. И зачем пьют.

— Поэтому ты лучше всех знаешь, как людям стоит правильно жить?

Яна вышла из комнаты.

Руслан радостно распахнул руки, но Яна увернулась от объятий. Тогда он потрепал её по шапке и знаком предложил взяться за его руку. Яна сомкнутыми губами улыбнулась впервые за день. Она ухватила за его локоть и поёжилась.

— Какая холодная и длинная зима. Так ты о чём хотел поговорить?

— Да там... Не, обычная зима. Ещё только конец февраля. Кстати, с днём рождения.

Яна покачала головой:

— Шестнадцать лет—это разве хорошо? Что-то средне-промежуточное.

— Ну да...

— А у тебя когда день рождения?

— Летом.

— Так ты меня младше?—Яна почему-то расстроилась.

— Нет, старше. Я поздно в школу пошёл. А потом попал в больницу и пропустил ещё полгода. Мне летом семнадцать исполнится.

— Ого,—уважительно сказала Яна и засмеялась.— А почему я об этом никогда не слышала?

— Ну да!—Руслан довольно засмеялся.—Я старше, и поэтому я лучше тебя знаю, что происходит в этом мире.

— Так мы куда-то идём?

Яне нравилось, что она не думает о каждом слове и о его последствиях. Ей и правда хотелось погулять по центру города.

— Да нет...—Руслан смутился.—Думал пройтись. Не устала ещё учиться после каникул и экзаменов?

Слышал, они тебя чуть не запероли.

— Ужас какой-то был, правда,—Яна начала говорить всё быстрее и быстрее.

Они шли по центральной улице города, было очень шумно. Машины стояли в пробке на светофоре, молодёжь вывалила на улицу погулять под снегом. Всё светилось и сияло, как в новогоднюю ночь.

— Любят у нас праздники!

Руслан оглянулся кругом.

— О да, теперь для двадцать третьего февраля всё украсят и оставят до восьмого марта.

— Пусть висит, красиво же. Так ты расскажи, что интересного случается в Школе за моей спиной?

А то в последнее время я ничего не вижу и не слышу.

Руслан покосился на неё.

— Ну что ж... Катя, как всегда, странно себя ведёт. Вчера вдруг позвонила, представляешь? Она редко звонит, больше письма пишет. Связь плохая была, её голос так хлюпал, что я ничегошеньки не понял. Потом связь стала ещё хуже, она заговорила буквенным кодом, морзянкой. Я ничего не понял.— И что сказала?

— Да ничего толком, про рисунки мои спрашивала и о передаче, которую мы с тобой вести будем,—Руслан толкнул Янку слегка локтем.— А я какой-то растарашенный был, отвечал невпопад, какую-то чушь нёс. По-моему, она подумала, что я обкуренный.— А ты бываешь обкуренным?—в шоке спросила Яна.

— Не придирайся к словам. Осторожно,—Руслан подхватил Янку под руку.—Здесь скользко, лёд похож на мраморную слизь в центре города. Стас, мне так кажется, влюбился в Катю. Олег от нас уходит.

— Ну и невелика потеря,—Яна посмотрела на большую украшенную ёлку, стоящую около администрации города. Если прищуриться, казалось, что у ёлки есть большой клоунский нос.— Ты чего такой довольный?

— А чего горевать? Жизнь-то, конечно, сложная штука, иногда хоть вены режь. Но с другой стороны—порезал, а очнулся живым, и вроде снова всё хорошо на время. Жизнь, она же по календарю скачет, страницы перелистывает... Столько всего удивительного происходит вокруг. Ирка, например, влюбилась в Диму, они вчера после «репы» куда-то ходили.

У Яны заболела голова. Затем сдавило желудок, и она почувствовала, как кровь отливает от щёк.

«Главное—никуда не упасть»,—подумала она и пошатнулась.

— Я же говорю—скользко, держись за меня крепче. Ты же знаешь, что я к Димычу на «репу» ходил? У них там клёво. От них ушёл басист, поэтому я предложил Димычу научиться играть на басу и войти к ним в группу. Они должны скоро выступить на панк-концерте в дк «Металлург», а тут такая лажа. В общем, остались у них Дима на соло и вокале, Мерк на барабанах и вот...

Яна смотрела, как перед ней расплываются лица прохожих, а фонари образуют одну длинную светящую полосу. Почему прежде ей не было так больно? Даже когда она упала с большой бетонной стройки и сломала ногу три года назад. Или когда проиграла джазовый конкурс. Никогда она не чувствовала, чтобы дома начинали надвигаться на неё и голоса людей просто исчезали из головы.— Димыч, конечно, туповат. Да, ему не хватает начитанности и своих выводов в голове. Он многие вещи делает, не продумав их до конца.

Янка смотрела себе под ноги, чтобы не упасть. Ей казалось, что в воздухе запахло нашатырём, как в кабинете у зубного врача, когда Янка рухнула в обморок после укола.

— А ещё Катя пригласила меня в театр завтра, вот думаю, идти или нет. А ты с нами?

— А? — Яна увидела, что они подошли к Пушкинскому театру. — Не, я не люблю театры. Что-то я замёрзла. Поехали домой?

Губы Руслана нервно сжались, но потом он посмотрел на Янкино лицо и кивнул довольно.

— Как хочешь. Может, посидим всё же в кафе, не зря же так далеко ехали в центр? Ещё поговорим?

— Хватит с меня разговоров, — прошептала Яна. — Уж лучше бы мы всегда молчали.

— Чего говоришь? Не слышу! — мимо проехала машина, и Руслан наклонился к Яне поближе.

— Ничего. Ты проводишь меня до дома?

Глава 14

Яна подошла к Диме. Она очень хотела поговорить с ним. Поговорить об Ире: вдруг Руслан всё выдумал? Ведь кто не знает Иры! Она просто общительная девочка.

Яна хотела поговорить о передаче и предложить Диме работать с ней вместе. Хотела поцеловать его... Дима подставил губы, погладил Яну по голове и ушёл курить. От него сильно пахло пивом.

На уроках Яна ничего не соображала. Она кусала губы, читала под столом «Джен Эйр», перелистывая по сто раз одну и ту же страницу. Надежда Васильевна говорила с ней о передаче, Руслан — о газете, Катя — о походе в театр с Русланом, даже Стас произнёс несколько глубокомысленных слов об операторской работе и о том, что Яне и Руслану будут выдавать специальную модную одежду для ведущих. Только Дима ничего не говорил. И когда Яна подходила к нему, он всегда находил поводы для того, чтобы испариться. Он держал руки в карманах джинсов и напряжённо слушал что-то в плеере.

В конце дня он привычно подождал Яну на улице, и они пошли к остановке. Руслан с Катей тащились позади, затем обогнали их, помахали руками и побежали в кино, чтобы не мёрзнуть на улице и убить время до вечернего представления в театре.

Дима подпрыгивал на снегу и старался не смотреть на Яну. Они молча прошли от Школы до остановки, он не помогал ей перебираться через сугробы. Он не отодвинул от неё ветки, когда пролазил в дырку в заборе Школы, чтобы сократить путь. И одна из веток сильно ударила Янку по лицу.

Яна шла и чувствовала, как слёзы текут по щекам. Она так хотела поговорить с Димой, но боялась того, что услышит. Боялась, что Руслан окажется прав.

— Дима, давай остановимся...

Дима посмотрел на неё. У него был очень холодный, чёрный взгляд. Чёрный от темноты, окутавшей их, и от гнева. Боль это или гнев? Яна не могла понять. В рюкзаке у неё лежал для него подарок. Просто так, без повода.

— О чём поговорить? — спросил Дима каким-то гортанным голосом и откашлялся.

Яне опять стало очень больно где-то глубоко внутри. Она посмотрела ему в глаза, но, наткнувшись на его холодный взгляд, способный заморозить на месте, как Снежная королева, всё поняла. Что она сделала? Почему она должна каждый день унижаться перед ним? Почему именно она? Она никогда его не обижала. Не хотела ничем обидеть.

— Ты хочешь быть со мной?

— А ты? — Дима снова закурил.

Яна никогда не думала, что он так много курит.

— Я не понимаю, что происходит.

— Так ты мне ответишь?

— А ты?

— Глупости какие-то.

— Почему мы даже поговорить с тобой нормально не можем? — вдруг закричала она и схватила Диму за руку.

— А может, не о чем говорить?

Дима сплунул в снег, посмотрел Янке в лицо и быстро пошёл к остановке. А Янка осталась одна.

Она оглянулась. Она стояла около школьной помойки с копошащимися в ней крысами и рядом с грязным бомжем, перегнувшимся наполовину в бак. Бомж подозрительно посмотрел сначала на Янку, потом на Димину спину и снова нагнулся.

Как во сне, она увидела удаляющуюся Димину фигуру, согнутую от ветра, заметавшего следы. Яна смотрела, пока Димка не исчез за соседним домом у остановки.

Тогда Яна побежала. Она бежала, запинаясь о сугробы, падая и вставая. Из сумки у неё вывалился сценарий первого выпуска передачи, который написал Руслан, но она даже не подняла его.

Она увидела только, как Дима запрыгнул в автобус и исчез за закрывшимися дверями. Она долго ждала той же маршрутки и залезла в тепло. Люди странно смотрели на её заплаканное лицо. Но ей было всё равно. Ещё пятнадцать минут в автобусе. И пятнадцать минут пешком до его дома на холме.

Дима открыл дверь и пропустил её вовнутрь.

— Ты не успеешь на последний автобус.

— Ну и пусть.

Дима пожал плечами и пошёл в комнату. Яна поняла, что Дима с каждой секундой всё меньше и меньше похож на принца, каким он ей казался вначале. Но он становится более человечным, сложным, непредсказуемым и... родным. Несмотря ни на что.

Как всегда, Дима не хотел говорить. Ни о чём не хотел говорить.

Полоска тонкого света от работающего магнитофона. Кассета кончилась и хлопнула в тишине. Во всём мире люди уже пользовались дисками, а Димка до сих пор иногда включал по вечерам кассеты с «Нирваной».

Янка сидела на кресле, подобрав ноги, и смотрела, как Дима разбирается в своих многочисленных дисках.

Янка вдруг поняла, что задремала, пока Дима выгуливал собаку. Темнота расступалась перед глазами, пока она тёрла их и откидывала волосы на спину. От приоткрытой форточки холод пробирался по шторам и ложился на плед, в который она укуталась. Янке хотелось провести по Димкиному лицу пальцем. Завитки волос, нос, щёки... Светлыми оттенками, как маска, лицо выделялось на тёмной стене.

— Дима... — вдруг поняла Яна. — Дима, милый, мне такие плохие сны снятся в последнее время... Будто ты меня бросаешь. Бросаешь меня непонятно почему. Мы с тобой так мало говорили это время. Дима. Я люблю тебя! Но мне кажется, что ты мне не веришь, ни одному моему слову не веришь.

Яна снова мысленно нежно провела по волосам пальцами. По лицу, шее. Дима не отвечал и по-прежнему сидел к ней спиной. Повернулся. И она увидела глаза — огромные, чёрные, полные презрения. Дима взял стопку дисков и аккуратно поставил их на место. По его худой спине было понятно, что диски свои он любит больше, чем её.

Янка, уже не сдерживаясь, не успевая стирать руками и пледом слёзы, заревела. — Ты раньше не могла это сделать?! Маму разбудишь... Она уже давно спит.

— Дима, Димочка, ты не представляешь, как я с ума схожу. Почему мы с тобой даже поговорить не можем? Спаси меня. Ты меня не любишь?

— Не любил бы — ты бы здесь не сидела!

Как пощёчина.

Янка слетела с кровати, запнулась о тапочки, которые она оставила около кресла. Голова разламывалась, разлеталась на куски, сердце бешено стучало и рвалось из груди. Бухало, как барабан на похоронах. В темноте еле нащупала собственную дублёнку и сумку. А глаза металась по стенам. Там в темноте висят шарики ещё с её дня рождения, так и не сдулись. Дима выпросил их на следующий день после праздника. На столе, как всегда, стоит мышка с сердечком, которую она купила на занятые у подруг деньги буквально месяц назад. Где-то в столе — её диски, её картинка, которую она ему нарисовала на уроке, её дневник, пачка фотографий. Так ради чего всё это было?

— Яна, ты с ума сошла! Сядь! На улице мороз под сорок, и поздно уже! Ты долго спала!

Но Яна уже застёгивала куртку в прихожей.

— Я устала. Я выдохлась. Разочарована, — повторила она фразу из любимого фильма. — Ты меня бросил вчера, не помнишь?

— Это ты меня бросила!!!

Яна не заметила этой фразы.

— А я притащилась! Надо исправлять свои ошибки! Извини за всё! За хорошее и плохое! За то, что не сумели!

Она вылетела в коридор, сбежала по ступенькам, не оглядываясь. Казалось, он сейчас побежит следом, в одних джинсах и тапочках. Будет просить вернуться. Но он не побежал. И даже когда она обернулась на его тёмные окна, там кто-то задёргивал шторы... Сугробы, пять часов сорок минут утра... Двадцать седьмое февраля. Куда? Зачем? Что это было?

Первая безумная любовь, которая не всем выпадает в жизни? Которую упустили?

Янка разгребла снег, скинула самый грязный верхний пласт. Зачерпнула острые ледяшки и обожгла ими лицо и глаза, красные от этой длинной ночи и слёз. Поёжилась и, уткнувшись в мокрый платок, пошла к остановке.

Кто-то однажды написал в длинной умной книжке, которую им задали законспектировать в Школе: «Есть люди, которые землю называют своею, а никогда не видали этой земли и никогда по ней не проходили. Есть люди, которые других людей называют своими, а никогда не видали этих людей; и всё отношение их к этим людям состоит в том, что они делают им зло... И люди стремятся в жизни не к тому, чтобы делать то, что они считают хорошим, а к тому, чтобы называть как можно больше вещей *своими*».

Яна долго думала над этой фразой, стоя у заплёванной и затоптанной скамейки, пока не подошёл автобус. Смотрела на противоположную сторону улицы, где на тёмном холме стоял дом и спал её музыкант. И дорога эта, как тёмная волшебная река, преграждала обратный путь. Слева она начинала освещаться неоновым светом восхода. Фонари гасли. Солнце куталось от мороза в пуховое одеяло облаков и нехотя просыпалось. Ледяная корка на дороге медленно покрывалась бликами, как крупной. Будто боги рассыпали своё золото, и оно покатило вниз по холму навстречу Янке.

Глава 15

Мама в синем халате стояла у плиты и устало мешала что-то в кастрюле. Её чёрные густые волосы были собраны в длинную косу. В квартире казалось очень тихо. И только ветер, взвизгивая, бился в стёкла. Мама взглянула на дочь. Медленно и тяжело.

— Мам, я вернулась. Извини, что так...

— Рано? — мама посмотрела на дочку и опустила поварёшку. — Ты же понимаешь, что одной твоей смс недостаточно? Ты пишешь сообщение, что

не будешь нечестать дома, а потом отключаешь телефон! А сейчас сколько времени? Семь утра? Ты где была?

— Мама, мне так плохо... — Яна, расстегнув дублёрку, села на пол в коридоре.

— Что случилось? Ты же умная девочка, мы с отцом тебе доверяем и всегда отпускаем туда, куда тебе нужно! Но ты... У тебя глаза опухшие. Плакала?

— Нет, только собираюсь...

И Яна пошла в ванную. Мама подошла к двери, хотела постучаться, но потом передумала и облокотилась о дверную ручку.

— Яна, что случилось?

— Не знаю.

— Ты на чём приехала?

— Я пешком шла... от Школы...

— С ума сошла?

Яна включила воду в раковине погромче, села на кучу нестиранного белья — и оперлась спиной о стенку ванны.

Она закрыла глаза.

Ей теперь казалось, что дни зимой всегда будут начинаться мутно-розовым, а кончаться чёрной мглой за замёрзшими окнами. И что Янка ещё много раз будет врать маме о том, где ночует и почему пропускает занятия в Школе.

— Мам... — позвала она.

— Что с тобой, доченька?

— Я хочу сегодня остаться дома и просто поспать.

— Хорошо.

Яна нашла в себе силы выйти из ванной, промелькнуть мимо кухни незамеченной и упасть под одеяло. Комната расплывалась от вытекающих из глаз слёз. Цветы на подоконнике, ноутбук на стуле, старая наклейка с Винни-Пухом на тумбочке. Под подушкой лежала Димины фотография. Яна, всхлипывая, кинула её под кровать. Потом соскочила, сорвала со стены плакат с Куртом Кобейном, смяла и тоже швырнула на пол.

Бросилась на подушку и зарыдала.

В этот день она в Школу не пошла.

Яна долго не могла проснуться. Ей снилось, что её целуют. Долго-долго длился этот поцелуй, Яна чувствовала, что обнимает кого-то, поднимает руку и проводит ею по волосам.

— Я люблю тебя, люблю, — прошептала Яна и проснулась.

— Родина, Мать и Отец вас зовут! Яна, подъём! Уже обед!

Это был отец. Он тоже не пошел сегодня на работу.

Сон сжался в комок, поднялся над Яниной головой и испарился под потолком. Яна открыла глаза и снова увидела этого глупого Винни-Пуха на тумбочке. Когда она была маленькая и лежала, как кокон, в пелёнках, она, наверное, тоже видела этого Винни-Пуха. Но только при пробуждении

ей не было так больно. И зачем Дима случился в её жизни? Без него было так легко и всё понятно. Она всегда знала, что хорошо, а что плохо. И она никогда не врала маме.

Но Яна была собой и получила только этот день, когда нужно заставить себя встать и умыться.

Отец уселся рядом и похлопал Яну по ноге. Морщинки у глаз не улыбались, как обычно, а были взволнованы. Ну вот. Всё-таки на работу он не поехал из-за неё.

— Папа, извини меня. Я больше так не буду.

— У тебя всё в порядке?

Отец знал, что не получит правдивый ответ. Яна поняла, что наступил тот момент, когда она не сможет ему рассказать ничего внятного.

— Будет... будет всё в порядке.

— Хорошо, — отец ещё раз неловко похлопал её по ноге и пошёл на кухню.

Яна посмотрела на потолок — там еле виднелись давно выцветшие звёзды: они с отцом несколько лет назад наклеили несколько созвездий. Сами составили их. Созвездия Близнецов, Весов, Северной Короны и Южного Креста.

А ещё Дима родился в один день с её папой. Осеню. Глупое совпадение.

Яна перевернулась на живот, поцеловала в голову Мишутку. Как глупо — страдать из-за Димы и по-прежнему спать с детскими игрушками. Вот что значит — шестнадцать лет. Глупое переходное состояние.

Но Димы теперь нет, поэтому и игрушки она не выбросит — они её защищали всю жизнь и сейчас останутся лучшими друзьями. Пусть они теперь и не разговаривают с ней, как прежде, и вообще стали довольно потрёпанными. Но разве это важно? В детстве Яна считала, что ночью они оберегают её, а днём отдыхают.

Яна разложила Мишутку, Умку и Бабу Ягу на кровати в привычном порядке и потянулась. Она впервые заметила, что у Мишутки нет носа, а место, где, ей казалось в детстве, был его рот, очень грязное. В детстве она его кормила кашей.

Затем провела Яна рукой по карте, которая висела рядом с кроватью. Её края теперь были прикрыты какими-то Димиными плакатами, которые она у него выпросила. Надо будет сегодня снять. Всё-таки «Гражданскую оборону» она слушала только у него.

Отец чертыхнулся на кухне. Видимо, обжёгся чаем. Или макаронами, сваренными в молоке.

Яна стянула со стула в углу — отец с мамой называют его помойкой — мятую футболку. «Буду ходить как бич», — решила Яна и злорадно усмехнулась.

Яна голыми ногами встала на пол и вздрогнула от холода. Посмотрела на себя в зеркало. Глаза опухшие, прямые волосы еле прикрывают плечи. Умная и красивая. Дима — дурак. Бабушка всегда

так говорит, когда ей плохо. Что мужчины дураки. Как жёе же у неё умяная бабушка!

Яна опять прокралась мимо кухни и закрылась в ванной комнате. Около пятнадцати минут она проторчала под горячей водой. В дверь постучался отец.

— Я ухожу, раз уж ты живая и можешь самостоятельно ходить! Обед на столе! С тебя—приготовленный ужин, раз уж ты себе выходные устроила. И не забудь, что завтра вы идёте с мамой в театр! — Хорошо!—крикнула ему Яна и легла в ванну.

Заткнула пяткой слив и смотрела, как ванна медленно наполняется водой.

Мечтать было не о чем. Пока не о чем.

Нельзя позволить себе мечтать.

Нельзя думать о Диме.

Надо выйти отсюда и окунуться в работу. Надо быстро дописать этот роман. И написать несколько сценариев для телепередачи, чтобы выбрать из них лучшие для съёмок. А то Руслан написал какую-то «чернушную муть», как выразилась Катя. А Яна эту «муть» даже не открывала. И вроде даже потеряла вчера где-то в снегу.

Да не сошёлся же свет клином на Диме! Есть другие Димы, в конце концов. Стасы, Олеги, Русланы, Саши, Паши разные... У них другие глаза и другая кожа. И пахнут они иначе.

Да, надо писать, садиться за фортепиано. Надо съездить к Кате в гости, попроситься к маме на аэробiku. Яна так давно не танцевала!

Яна облилась напоследок холодной водой, чтобы окончательно проснуться, выключила воду и вышла голая в комнату, обернувшись длинным полотенцем. Постояла посреди коридора и вошла в кухню. Всё на своих местах: разноцветные тумбочки для посуды, цветы на подоконнике и уже холодный суп на столе.

Яна развернулась и пошла к себе в комнату. Ей казалось, что она блуждает по странной квартирной траектории. По нарисованным линиям на полу. Как шахматная фигура из набоковской «Защиты Лужина».

Ткнула магнитофон, и там тут же заорал «Элизиум»: «Все острова давным-давно открыты». Яна нажала на паузу, поменяла диск и врубила «Раммштайн». Пусть долбит по голове, чтобы глупые мысли не лезли в голову. Яна сделала погромче, чтобы посуда на столе позвякивала, и снова пошла на кухню. Механически поела. Попила тёплого молока и легла в кровать.

И тут раздался звонок в дверь.

Яна вздрогнула, соскочила с кровати и поняла, что её трясёт. Соседи не любят «Раммштайн»?

А что, если? А что, если это Он?

Яна быстро заскочила в тапочки, накинула мамин халат и посмотрела в зеркало. От волнения она сначала ничего не поняла, а потом разочарование навалило, как огромное чёрное пятно на глаза.

Ничего не видя от горя, Яна открыла дверь. Там стоял Руслан.

Яна поняла, что у неё по щеке течёт слеза. Она растерянно взмахнула рукой и пошла обратно в комнату.

Сзади раздался голос:

— Так мне можно войти?

— Кто ж тебе запретит?—прошептала она и, укутавшись в одеяло, плюхнулась на кровать.

Только Руслана ей сейчас не хватает для полного счастья.

Руслан прошёл в комнату, сел на стул и неловко покачивался на нём.

— Ты в порядке?—спросил он.

А Яна глянула на своё отражение в зеркале. Разве, глядя на её лицо, можно задавать такие глупые вопросы?

— Зачем пришёл?—недружелюбно спросила она.

Руслан замешкался и покраснел.

— Ну... Ты же навещала меня, когда я исчез. Я тоже о тебе волнуешь.

Яна промычала в ответ что-то нечленораздельное и посмотрела в окно. Там опять шёл снег. Когда он, наконец, завалит всё вокруг и не нужно будет вообще никому выходить из дома?

Руслан вздохнул.

— Ты не пришла в Школу, Димыч тоже не пришёл, а ещё Катя и Ира. Я, как дурак, просидел несколько уроков и поехал к тебе. У вас эпидемия или...

Неужели он и правда ничего не понимает? Яна внимательно посмотрела на Руслана, и тот вновь покраснел. Потом порылся в сумке и достал пачку рисунков.

— Держи. На весь год вперед хватит.

— Спасибо.

Яне было неловко за свою грубость. Она для приличия перелистнула несколько страниц и ткнула пальцем в какой-то символ над головой главного героя:

— Вас ист дас?

Руслан встрепенулся, подсел к Яне на кровать, отчего она ещё сильнее укуталась в одеяло.

— Смотри, я здесь использовал несколько обозначений... Это известный тебе «пацифик», это «анархия», а это «анк», в египетской мифологии—ключ, символ вечной жизни...

Яна смотрела на шкаф, на Винни-Пуха и на всякий случай кивала. Ей не хотелось сейчас слушать про какие-то международные обозначения. Руслан хотел казаться умным. Да, она поняла. Он умный. — Ладно, ты устало выглядишь. Можно я завтра утром за тобой зайду, и мы вместе пойдём в Школу?

Яна по привычке кивнула головой и обняла под одеялом колени.

Глава 16

— Ты не куришь?—Яна пристально посмотрела на Руслана.

— Тебе же это не нравится.
Яна удивлённо покачала головой.
— Ну, молодец, что бросил. Может, цвет лица станет нормальным.
— А у меня ненормальный цвет лица?
— Он у тебя странный.

Они шли с остановки в Школу.
Яна любовалась светом зари, падающей сквозь дома на дорогу. Вдоль коричнево-серых линий гаражей и заиндевелых троллейбусов, застрявших от мороза ещё сутки назад посреди дороги.

— Ты знаешь,—говорила Янка Руслану, подтягивая на плече сумку,—в детстве я всегда знала, что солнце, даже если его не видно, когда-нибудь взойдёт из-за гор. У меня за окном было огромное поле одуванчиков, а дальше—горы. Большие, дикие и сказочные...

— Где ты нашла в нашем городе сказочные горы?
— Замолчи. Мама была всегда красивая, как Шахерезада...

— Она и сейчас красивая...
— Да... Она всегда была рядом. И мне казалось, что все идеальные мамы должны быть такие—с большими чёрными глазами, с длинными волосами. Солнце должно каждый день всходить утром из-за гор и светить в окно весь день.

Янка вздохнула. Она очень боялась идти сегодня в класс.

Перед дверьми Руслан спросил оживлённо:
— Ян, давай ты сегодня домой одна поедешь?
— Что случилось?

— Мы с Димычем решили поиграть у Масела.
Яна вздрогнула. Дима как ни в чём не бывало играет в группе с Русланом!
— Ты же ещё не умеешь играть на гитаре!

— Я учусь.
— А ты разве с Димычем нормально общаешься? Ты же говорил, что он болван.
— Ну и что, что болван? Зато у него есть группа. И я буду там петь.

— Ты уже хвастался... Так ты и петь не умеешь! Воешь только!
— Да что ты привязалась?—Руслан стал на ходу быстро закидывать в рюкзак тетрадки со стихами, которые до этого зачем-то нёс в руке.—Я буду им песни писать!

— М-м-м... ну ладно. И всё равно не понимаю: что ты с Димычем связался? То не нравится он тебе, то нравится...—Яна пожалала плечами и накинула Руслану свалившийся с его шеи бежевый шарф.

Руслан нервно повёл плечами.
Класс встретил сонных школьников плакатом «Осень—бьяка». Кто-то повесил его прямо над входом. Лиза смеялась и как-то демонстративно закатывала глаза. Аня опять рассказывала анекдоты. Кате сказали, что она похожа на Вирджинию Вульф, и она тёрла тени под глазами перед зеркалом, стоя к толпе спиной. Кто-то сквозь шум

громко декламировал строки Набокова: «Нас мало—юных, окрылённых, не задохнувшихся в пыли, ещё простых, ещё влюблённых в улыбку детскую земли». По стенам были развешаны новогодние рисунки Руслана с депрессивными драконами и готическими девочками. Когда его спросили, почему он всегда рисует такие страшные иллюстрации с высунутыми и скрученными языками или лужами крови, он ляпнул: «Я немного Достоевский». Кто-то старался включить старенький граммофон пультом от кондиционера.

Весь класс сегодня пораньше собрался в Красной аудитории, рассевшись на большом диване и на деревянных стульчиках около круглого стола. На чайный столик уже вываливались коробки с печеньем, и сильно пахло заваренным «Ройбушем». Около стен стояли стеллажи с книгами и толстыми фотоальбомами, которые быстро заполнялись творческими работами и фотографиями с мероприятий. Надежда Васильевна заказала стилизованные под старину длинные подсвечники. Теперь Янке эта комната напоминала литературную гостиную девятнадцатого века, в которых читали свои произведения Пушкин с друзьями-лицеистами.

Всё как всегда. Только Димы пока не было.
— Ребята,—не здороваясь, начала Надежда Васильевна, едва войдя в комнату. На этот раз у неё были красные длинные серьги.—У нас на носу день рождения Школы! Не могли бы вы дружной компанией написать и разыграть какую-нибудь сценку? Пусть там участвуют музы! Да, музы! Отличная идея,—Надежда Васильевна гордо приподняла подбородок.—Алёна, ты будешь музой любви. Хорошо, ребята? А Руслан—Аполлоном! Все согласны?

Яна критически осмотрела Руслана и подумала, что уж на кого-кого, а на бога он никак внешне не тянет. Маленькие глаза, прижатые к длинному носу с горбинкой. Низкий рост и кривые передние зубы. Да, сильные ноги, сильные и накачанные руки! Но ведь, кроме Яны, никто этого не видел. И то в тёмном коридоре его подъезда.

Надежда Васильевна вещала дальше:
— Я вам подсказывать больше не буду, думайте сами! Пусть этот вечер станет самым незабываемым вашим праздником! Янка, ты могла бы опять сыграть нам на фортепиано на вечере? Согласна?

Яна покорно кивнула и оглядела одноклассников, не обрадовавшихся на неё никакого внимания. Руслан раскладывал тетради на столе, Катя шептала что-то на ухо Аньке.

— Ребята, приготовьтесь к тому, что весна у нас будет очень напряжённой!—воскликнула Надежда Васильевна.—Нам грозит очередная аттестация. К нам регулярно будут приезжать телевизионщики. Фактически мы превратимся месяца на два в шоу. Вас совсем немного. У каждого возьмут интервью.

Каждый будет читать свои произведения на радио и на телевидении. Мы проведём два больших литературных конкурса, в которых вы, конечно, должны участвовать. Презентация литературного сборника. Подготовка к первой публикации в литературном журнале! Придётся поехать и читать свои тексты детям в другую школу. Скоро к нам приедет мэр города!

И вдруг в класс вбежал Дима, радостно всем улыбнулся и уселся на стул напротив Яны. А та забыла, как дышать, вцепилась пальцами в стул и опустила лицо. На её счастье, Катя обернулась и спросила про какую-то контрольную работу по русскому языку. Фонетические разборы.

Надежда Васильевна сердито посмотрела в их сторону и продолжила:
— Одним словом... Мы должны будем постараться, чтобы нас продолжили финансировать. Мы должны превратиться в одну большую, крепкую семью. В большой клубок. Мы...

Кто-то ткнул Янку в ногу. Это была большая нога в чёрной лаковой туфле. Яна посмотрела на Диму. Он сделал вид, что ничего не было.

«Вот как странно,— подумала она,— такая здоровая нога, и лицо такое... такое...» Яна прищурилась. Лицо ангела. Немного отросшие золотые волосы под «каре». Тонкое лицо. Именно тонкое и хрупкое, как цветок. Яна не выдержала, открыла блокнот и стала его зарисовывать. Она не хотела этого делать и обычно не рисовала никого с натуры. Тем более людей, которые её бросили. Янка обвила ногами стул, чтобы больше не прикасаться к Диме, и грустно вздохнула. После позавчерашней ночи Янка не хотела ничего слушать про крепкую семью и какие-то клубки. Она видела по скучающим лицам одноклассников, что вся ответственность опять упадёт на её плечи.

Надежда Васильевна тоже перевела дыхание.

Вошёл Ильдар Романович, их главный мастер по творчеству, и, поприветствовав лицеистов папкой каких-то бумаг, сел на своё почётное место. Янкина бабушка говорила постоянно, что Ильдар Романович—очень известный в городе человек. Одно время даже был помощником мэра, редактором толстого московского журнала. Ему до сих пор звонили директора золотопромышленных заводов, а губернатор области ездил к нему на дачу попариться в бане. Но для Янки он был просто Учителем. С раскосыми сибирскими глазами и чёрной шевелюрой. Он вывался помогать Яне с публикацией в газете.

— У меня для вас сюрприз! — ушедшая было Надежда Васильевна вернулась в класс и опять вышла к доске. — Извините, Ильдар Романович, я буквально на одно слово.

Мимолётно провела рукой по книгам на правом стеллаже. Янка подумала о том, что когда-нибудь на нём будут стоять и её книги.

— Ребята, у нас через месяц ещё и награждение лауреатов журнала «Парнас». Получат несколько человек из города, из наших ребят— Яна и Руслан. Надеюсь, специально приглашать никого не надо? — она улыбнулась.

— Не надо! — рявкнули все.

А Ирка с завистью глянула на Янку. Ирка была на голову ниже её. Очень симпатичная и миниатюрная девочка.

Руслан оторвался от своих стихов и посмотрел на Яну.

— Что рисуешь? — шёпотом спросил он и потянулся за её блокнотом.

Янка вдруг дёрнула блокнот на себя и покраснела:

— Не покажу. Чего ты лезешь?

Руслан не отпускал блокнот. Пальцы у него тоже были сильные. Не только ноги. Послышался противный хрип рвущейся бумаги.

— Хорошо, начнём... — Ильдар Романович потеребил очки, перелистывая тетради. — Руслан, Яна, прекращайте свою возню!

Руслан обиженно откинулся на стуле. Яна быстро засунула мятый блокнот в сумку.

— Яна, ты принесла тексты на обсуждение? Где они?

— Они — везде... Интернет — Всемирная паутина, — Яна, переведя дыхание, молча поблагодарила Ильдара Романовича за спасённый рисунок.

— Дошутишься ты у меня... Ты принесла распечатку?

— Принесла, — Яна пошарила рукой в своей сумке и достала толстую пачку бумаг.

Ильдар Романович хмыкнул и, просматривая текст, стал вытаскивать из Янкиной повести чистые, не пропечатанные листы.

— Яна, у тебя в тексте слишком много белых пятен.

Все засмеялись, а Яна набросила на краснеющие уши волосы.

— Ладно. Начну с задания. Напишите к следующей неделе (все взяли ручки и прислушались к нему)... пародию друг на друга. Должно быть интересно. Дима на Дашу, Яна на Руслана, Рита на Катю и так далее... Ян, почему у тебя такое лицо? Ты чего-то не понял? Смотрите все. Примитивно и на ходу — пародия на нашу Яну, на её попытки написать роман для газеты, чтобы был понятен принцип. Все читали её роман? Они шли и шли, шли вверх, потом вниз, потом снова вверх, потом снова вниз. Слева была гора. И справа была гора. Устали, поговорили, кого-то встретили и опять пошли... — Сказка про белого бычка, — лянул кто-то сзади.

Яна зло повернулась назад. Димка смотрел нагло ей в лицо и улыбался. Но весь оставшийся день они делали с Димой вид, что не замечают друг друга, и даже не разговаривали. Когда Яна столкнулась с ним в общем туалете, то Дима ловко увернулся и пошёл в класс.

Янка надевала старое чёрное пальто в небольшой прихожей Школы. Почему-то молча и в стороне от подруг. Вышла в одиночестве на улицу, наступила на тонкий лёд и провалилась в лужу. Подошёл Дима.

— Ты со своим «немного Достоевским» сейчас домой? Пешком?

— Нет, мы на концерт. А ты хотел с нами до дома?

— Да, подумывал... Ладно, тогда до завтра.

Дым от сигареты попытался окутать ему волосы, но порывом ветра его отнесло и запутало в голых ветках деревьев. Дима широко зашагал к арке, недовольно поправляя длинный воротник куртки. Яна хотела окликнуть его, поговорить о том, как им быть дальше. О таявшей земле и заходящем солнце. Но сзади хлопнула дверь, и Руслан примирительно обнял Янку за плечи.

На улице было по-прежнему очень холодно.

— Ты рукавицы дома забыла? — спросил Руслан и без предупреждения взял Яну за руку.

Он грел её пальцы, хотя его рука тоже была красной и замёрзшей. Блестящие шары отсвечивались в окнах на другой стороне улицы. Утомительные подмигивающие гирлянды в сияющих бутиках вдоль всего тротуара сливались в одну карусель. Прохожие шли медленно, улыбаясь друг другу и тем, кто шёл навстречу. Янка тоже улыбалась. Она выдернула наконец руки у Руслана, засунула их поглубже в пальто, запихнула нос в белый шарф и улыбалась сама себе, согреваясь дыханием. Мороз всё равно пробирался к лицу, строил ледяные стены на внутренней стороне шарфа. Ресницы слипались от инея. И от этого мир становился радужно-новогодним.

В колонках городского радио на всю улицу играло что-то праздничное и иностранное. Краевая библиотека возвышалась над светящимися надписями и уходила вершиной в темноту, будто напоминая о том, что учебный год, несмотря на мартовский холод, ещё продолжается. И нет ему конца.

Янка очень любила их маленький центр города. Исторические четырёхэтажные дома были раскрашены в разные цвета, балконы обрамлены лепниной восемнадцатого века. Надо было просто поднять голову и заметить их красоту. Самый красивый город на земле. Кто-то считал их городок маленьким. Кто-то говорил о том, что он разросся за последние пять лет и превратился в настоящую краевую столицу. Яна всегда чувствовала, что её родной город, за пределы которого она ещё никогда не выезжала, затерян среди бесконечных гор со снежными пиками. Его окружает тайга, вьющиеся среди гор реки. Будто и не было самолётов, поездов, соединяющих их город с остальным миром. Земля Санникова.

Занятые горожане, конечно, мало интересовались архитектурой своего города. Несколько

тысяч людей ежедневно пробежали по улицам мимо памятников двухсотлетней давности, проходили по своим делам, на работу, в офисы. Да и неловко было даже разглядывать эти фигурки ангелов, богатырей и витиеватые грозди винограда, когда все спешат по своим делам, сбивая с ног зазевавшегося пешехода. Если кто-то остановился и посмотрел вверх, значит, он — деревенщина из области или иностранец. Таких обычно гордо обходили и бежали дальше.

— Как холодно, Руслан... — пробормотала Янка.

Ей было грустно. Она заставляла себя улыбаться Руслану, но чувствовала себя не в своей тарелке. Как будто она шла по чужой дороге с чужим ей человеком. Если бы здесь был Дима...

— А до филармонии ещё час топать по центральному мосту и центру... Мне бы сейчас укутаться в одеяло, тёплое-тёплое...

— Да, в одеяло с крокодиловой кожей...

— На оленьем пуху...

— С оленьими рогами, пантами...

Янка глухо засмеялась и толкнула Руслана плечом. Снег валил хлопьями, город расцветал перед ночной жизнью. Янка вздрогнула от затянувшегося молчания и этого странного чужого ощущения.

— Что ты сейчас читаешь?

— Блока. ПСС.

— Чего?

И почему Руслан на элементарный вопрос не может по-человечески ответить?

— Полное собрание сочинений. Я не понимаю, как такой умный человек мог жениться на этой... Любви Дмитриевне Менделеевой.

— Обычно такие вопросы себе задают девочки! — Янка засмеялась. — Она так похожа на своего отца. Волосы тёмные, глаза... Кстати! — Янка даже подпрыгнула от неожиданной мысли. — Тебе не кажется, что она похожа на нашего Ильдара Романовича?

Руслан поморщился. Ему не нравилось, когда кто-то другой делал гениальные открытия вместо него. А Яна продолжала:

— Менделеев из Тобольска! Ильдар Романович тоже из Тобольска! А кто жил в Тобольске? Татары. Вот тебе и вывод, почему Любовь Дмитриевна Менделеева тоже похожа на Ильдара Романовича. Не удивлюсь, если они дальние родственники. А интересно было бы их родословные сравнить.

— Тебе своих занятий не хватает? — проворчал Руслан.

— Как круто! Мне хочется сделать что-нибудь глупое... Например, закричать. Можно?

— Давай, — Руслан засмеялся.

— Я всех люблю!!!

Люди обернулись, кто-то покрутил пальцем, одна женщина сказала грубо:

— Дура тупая.

— Ты чего кричишь, как лосиха во время весеннего гона? — Руслан всё ещё смеялся.

— Я не виновата, мне весело!
— А, ну да, конечно, весна ведь...
— Глупый! Ты знаешь, когда я дома нахожусь, то так себе нравлюсь! Так нравлюсь! Такая красивая! А как прихожу в Школу, взгляну в зеркало—так такая страшная, даже хочется спрятаться в капюшон и исчезнуть. И платье это глупое.
— Ян, так ты не ходи мимо зеркала!
— Да ты знаешь, не получается... там везде в Школе зеркала! Идешь по коридору, а там все стены в зеркалах! И в кабинетах! Перед каждой партией! И даже в туалете зеркала!

— Мне бы твои проблемы...
Яна поняла, что несёт чушь, и замолчала. Ей иногда казалось, что Руслан любит слушать только себя.

Они дошли до филармонии. Мама, замёрзшая, обняла Яну, дала по бесцветному билету, и они зашли в тепло. В антракт, схватив Янку за руку, Руслан потянул к какой-то двери, оставив маму одну. После третьего звонка Руслан сказал:

— Больше туда не пойдём.

— А мама?

Янке стало стыдно. Хотелось вернуться обратно и дослушать Моцарта до конца.

— Значит, пойдём попозже. Ты здесь все закоулки знаешь, веди! Сколько раз ты уже здесь выступала? Хочу за сцену и в подвал! И не ковыряй в носу—мозги поцарапаешь...

— Я не ковыряю! Это пыль...

Яна чихнула и потащилась за Русланом. Плотные старые занавесы, декорации от каких-то спектаклей, сломанный рояль. Всё это было волшебным и таинственным. В этом концертном зале она несколько раз выступала на джазовых музыкальных конкурсах. И много раз выигрывала. Поэтому чувствовала себя тут как дома. Она прыгнула на стол, заваленный костюмами.

— Вот тут я люблю бывать.

Руслан огляделся.

— А почему ты меня пригласила на концерт?

— Потому что папа пойти не смог, и пропал билет.

— А Дима?

Яна села на стол.

— А что Дима? У Димы, наверное, другие планы. Давай о чём-нибудь ещё поговорим?

— Давай.

Яна заметила, что Руслан очень доволен.

— Расскажи самое ужасное, что с тобой произошло в последнее время.

— Ну... — Руслан замешкался. — Мой отец нашёл котёнка. Он ждал маму из магазина, и котёнок заскочил к нему в машину. Отец не любит животных. Но тут он даже не раздавил его со злости, а взял домой.

— У тебя очень злой отец?

— Он... не знаю. В общем, у нас никогда не было животных в доме. И вдруг—котёнок. Мама с папой

отвели его в деревню—вроде как на свободу, на воле. Мы прозвали его Апельсином. Он ластился, прыгал по стенам, гордо приносил мышей. Я люблю нашу деревню. И могу много о ней рассказывать. Например, однажды в деревенском колодце утонул пьяница, а никто об этом не знал, все пили эту воду около года, пока тело, почти нетронутое в холоде, не достали оттуда.

— Ужас,— Яну передёрнуло.

— Так вот, о котёнке... Вчера отец сказал, что нашёл Апельсина мёртвым на крыльце. Оказалось, он бегал по огороду соседей, а они подманили его, задушили и перекинули через забор. Даже не оправдывались. «Не фиг вашему рыжему бегать по нашему участку!» Так сказали, и всё. Люди вообще добрые.

Глава 17

Так незаметно прошёл месяц и наступили последние дни марта, а с ним—и первые съёмки.

С Димой они не разговаривали. И с Катей тоже не разговаривали.

Катя однажды позвонила Янке домой в час ночи и стала кричать, что она её ненавидит. Что Яне не нравится Руслан, а Катя, наоборот, нравится, и что Яна—сволочь. И что Катя просила подумать её о выборе, а Яна плывёт по течению и вообще не способна мыслить. И положила трубку.

Зато у Яны без личной жизни появилось много времени на работу.

Яна за две недели написала тексты на восемь ближайших выпусков газеты и на полученные деньги купила маме с папой подарки. А себе—три новых коротких платья.

Яна решила не заваливать академический экзамен в музыкальной школе. Даже если она не связывает свою будущую жизнь с музыкой, это не значит, что она может подвести Нину Николаевну и забыть о собственном труде в течение последних шести лет. После Школы Яна два часа честно сидела за фортепиано и смотрела, как её руки автоматически заучивают пассажи. А сама в это время думала о том, как закрутить сюжет в романе.

Когда-то она думала, что её роман в малотиражной газете родного города сможет как-то повлиять на её жизнь. Что в мгновение ока Янка станет известной. Но... ничего подобного не произошло. Правда, за три месяца публикаций газета увеличила тираж. Но редактор никак не связывал это с Янкиной литературной деятельностью. В редакции стали приходить странные письма от женщин, которые рекомендовали автору, как лучше писать и как повернуть сюжетную линию трёх главных героинь. Редактор очень радовался подобным откликам и звонил в Школу, чтобы дать совет Янке. Иногда ей казалось, что он забывал о её возрасте и предлагал написать вещи, совсем уж недопустимые в шестнадцать лет.

Янке от этого становилось грустно. Иначе она представляла себе свой первый литературный труд. Поэтому и корпела над текстом несколько вечеров подряд. Чтобы отдать редактору готовое продолжение и поставить его перед фактом.

Затем редактор повёл себя совсем уж странно. Он решил уменьшить Янкин гонорар под предлогом, что откликов на её роман приходит слишком мало. Подумав немного, Яна усадила всю семью за письма. Она продиктовала маме, папе и бабушке всё самое лучшее, что она могла сказать о своём литературном детище. Дважды проверила их письма и заставила переписать то же самое, но с ошибками, которые могли бы сделать домохозяйки, читающие романы с продолжением на оборотах телепрограмм и искренне сочувствующие их героиням.

Затем Яна прошла с Русланом по соседним почтовым отделениям и купила три разных конверта.

На один она поставила стакан с кофе, на второй побрызгала отцовским одеколоном, а третий разрисовала сердечками. Отправлять их она тоже решила с разных концов города, чтобы штампы её не выдали.

Пока она таким образом пыталась хоть немного отойти от усталости, в Школе Ильдар Романович разнёс её короткий рассказ. Он возмущённо говорил, что халтура халтурой, но Яна должна в свои шестнадцать лет различать хорошую литературу и заработок. Он ругался с Надеждой Васильевной из-за того, что та отправила его лучшую ученицу писать глупый роман для дешёвой газеты, вместо того чтобы Яна тратила свободное время на чтение классики. А Яна хлопала глазами и не могла понять, чью же сторону она принимает.

Но рассказ пришлось переписать трижды, прежде чем Ильдар Романович молча принял его к печати. Он нещадно перечёркивал целые фразы, выделял отдельные слова, заставлял чистить текст, заново перестраивать композицию, вводить второй план.

Теперь Янке уже некогда было мыть за классом чашки. Этим занималась новенькая девочка, странное имя которой Яна постоянно забывала. На перемене Яну то вызывала Надежда Васильевна, то звонил назойливый редактор.

Однажды на творческом семинаре, сразу после того, как весь класс освободили от математики и Ильдар Романович решил провести два дополнительных занятия по драматургии, вошла Надежда Васильевна и грустно подошла к мастеру. Она положила ему стопку распечатанных текстов на стол. — Посмотрите: мне кажется, или он издевается? Как я могу это опубликовать в журнале?

Так как класс уже пребывал в катарсисе от трёхчасового творческого мозгового штурма, Ильдар Романович радушно отпустил всех погулять пять минут. В классе остались только преподаватели, Катька и Яна.

— Нам нужна эта публикация. Но разве это похоже на литературу?

Ильдар Романович покосился на Янку, которая сделала вид, что ничего не слышит и не видит, и забубнил:

— «Я не вижу его, я не вижу её, я никого не вижу. А всё потому, что здесь никого нет. Я здесь один. И нескоро сюда кто-нибудь придёт». Ну что ж...

— Вы дальше читайте! Там пять страниц *такого!*

— «Я не люблю его, я не люблю её, я никого не люблю. Хотя нет! Я обожаю одну красавицу. Она сидит прямо в углу. Она ослепила меня своим личиком, а глаза! В них видна жизнь, радость и мучения. Я сижу и просто восхищаюсь ею... жаль, что она меня не замечает. И я тоже не замечаю его, я не замечаю её, я не замечаю никого, сидя в своём кресле с гитарой». Ну что вы нервничаете, они же подростки! По-моему, неплохо.

— Ильдар Романович, вы, как всегда, прочитали самое лучшее. И вы слишком добры!

Яна сжала в руках ручку. Она нервно скручивала и закручивала обратно колпачок до тех пор, пока он не выпал из её рук и не покатился куда-то под парту.

— Пусть дети экспериментируют! Зато здесь нет ни одной грамматической ошибки!

Янка поняла, как она любит Ильдара Романовича. И то, как он щурится, и эти морщинки, и чувство юмора, которым он всегда успокаивал усталых преподавательниц их Школы.

Вдруг у Надежды Васильевны зазвонил телефон. Она нервно выхватила его из красной сумочки, и через секунду её глаза округлились:

— Какой кошмар... да... Да!.. А как же...

Когда она выключила телефон, то ещё несколько секунд смотрела в стену, а потом закричала:

— Яна! Руслан! Стас!

Ильдар Романович поморщился.

— Ну что же вы, сударыня? Яна прекрасно вас слышит!

Надежда Васильевна схватила Янку за руку и потащила вон из класса.

По дороге в студию, куда они летели в такси, Надежда Васильевна старалась всё объяснить. Оказывается, телеканал, на котором они так долго планировали снимать собственную подростковую передачу, сделанную самими же подростками, давал им студию и аппаратуру для съёмок пилотного выпуска только на два часа. И только через двадцать минут.

Яна сидела между Русланом и Стасом на заднем сиденье маленькой машины, и её колотило. Она начинала понимать, что роман романом, но телевидение — это нечто совсем другое и страшное. За газетой и телепрограммой можно спрятаться. Но здесь она будет стоять перед камерой. Не будет даже рояля, которым можно загордиться

от зрителей. Там будет только она, заикающийся Руслан и Стас за камерой. Зачем же она согласилась?

Яна в ужасе закрыла глаза и почувствовала, что её тошнит.

В студии все кричали и не могли разобраться, что же происходит. Надежда Васильевна, как курица-наседка, что-то бурно выясняла с продюсером телеканала. Двое мужчин быстро меняли декорации и вытаскивали на середину студии какие-то вещи, которые, очевидно, создавались по рисункам Руслана. И почему Яна это не контролировала?

На столике у камер, а в студии было очень много камер, свисающих с потолка, катающихся по полу, стояли две грязных чашки из-под кофе. Янке вдруг захотелось уйти с ними в туалет и помыть. Спрятаться, закрыться. Только чтобы не стоять перед камерой и несколькими тысячами людей. Она совершенно не помнила текста. Пальцы бегали по ноге и нервно вспоминали выученные для академического экзамена ноты. Какая-то девушка подошла к Янке, хмыкнула и бесцеремонно приподняла её волосы на затылок. Стилист? Парикмахер? Местная сумасшедшая?

Мимо прошла ведущая утренних новостей и, сонно попрохавшись, удалилась.

Кричала продюсер, указывая на ужасные декорации. Кричала Надежда Васильевна, тыкая в продюсера каким-то договором. Стас с дрожащими руками стоял рядом с местным оператором и кивал головой. Руслан куда-то исчез.

Как-то в этой суматохе Янка оказалась в новом платье, совершенно ослеплённая прожекторами, напротив тумбы. Шум вокруг постепенно стих. Надежда Васильевна ушла. Вместо неё посреди тёмной студии стояла невысокая блондинка в длинном голубом свитере и стучала указательным пальцем с длинным ногтем по щеке.

— Меня зовут Света. Теперь я ваш продюсер. Думаю, сегодня за два часа мы только научимся держаться перед камерой, не комкать слова, не торопиться и улыбаться. Главное—улыбаться. Улыбнись!

Яна вдруг поняла, что девушка обращается к ней. И улыбнулась.

— Так ты будешь улыбаться, когда твой друг вернётся из туалета. Самое ужасное, когда от паники люди бегают в туалет. Ещё раз улыбнись. Расслабь руки. Не держи их перед собой. Не тереби платье, оно дешёвое, но моё. Смотри на меня. Теперь смотри в камеру. В левую камеру. В правую камеру. Снова переводим взгляд на меня. Ты когда-нибудь выступала перед людьми?

Янка слотнула. Она ничего не видела перед собой.

— У тебя профессиональный уверенный вид. Главное—не упасть в обморок. Сейчас—записи передачи. Со временем, если твой друг вернётся из

туалета, мы выйдем в прямой эфир, так как аренда студии очень дорогая. А запись ещё дороже.

Когда людей много—выступать легче. Можно смотреть им в глаза, чувствовать настроение. Но когда перед тобой никого нет, но нужно улыбаться, говорить и вести самой с собой диалог, то это полное сумасшествие. Мама всегда запрещала Янке крутиться перед зеркалом и общаться самой с собой. Теперь бы этот навык очень пригодился.

В дверях, как человек в чёрном, появился Руслан. Янка никогда не видела его таким испуганным. По просьбе Светланы он улыбнулся ещё хуже, чем Яна.

Прошли первые три заранее записанных выпуска передачи по местному каналу. И Яну стали узнавать в Школе. Кто бы знал, сколько дублей пришлось им сделать, чтобы на экране это выглядело более-менее естественно. И сколько пота стекло с Яны под этими прожекторами в течение записи.

В суботний апрельский день Янка сидела перед студией, волновалась и поела сладкую булочку за десять рублей. Джинсы были запачканы тушью—пролила на занятиях по рисунку. Её волосы отросли ещё сильнее и, когда она наклонялась, чтобы дотянуться до лежащего рядом пакета, достали до колен.

Из офиса телеканала был виден правый берег города и горы, которые считались почему-то заповедником, хотя все школьники проводили там с учителями выходные и учились пить. После этого они демонстрировали друг другу чудеса скалолазания по самым лёгким горам и иногда насмерть падали вниз. Но, даже несмотря на это, горы были местом самого активного паломничества горожан.

Янка же там была всего раз. Однажды отец взял её с собой и оставил ненадолго в домике профессиональных скалолазов, пока сам с друзьями ушёл покорять очередную вершину. Янка знала, что надо молчать. И об этом походе, и о том, что отец оставил ребёнка одного в зимнем доме посреди леса. Маме не стоило об этом знать. За эти пять часов шестилетняя Янка изучила весь дом, выпалась, обожглась о горячую печку (на улице стоял январь с тридцатиградусными морозами) и нашла интересный журнал с непонятными картинками под подушкой у одного из хозяев. В нём рассказывалось о голой женщине, привязанной к кровати, которую спас такой же голый летающий мужчина.

Сейчас в заповеднике уже не то. Множество надписей «Лёха был тут» и бутылок под деревьями.

Подскочил Руслан и свалился на стул рядом. — Нет, слушай, я всё равно боюсь камеры! Я начинаю волноваться за несколько дней до записи! А сейчас у меня просто все струны выпали, и все дела! А ты как? Боевой Чижик, доложи обстановку!—Руслан откинулся назад и чуть не упал вместе со стулом.

От его коричневой куртки невкусно пахло нагретой солнцем искусственной кожей. Он отраживал волосы. Видимо, чтобы не отставать от Димкиного имиджа. Яне это очень не нравилось. Сначала гитара, потом внешность. Всё равно ему не удастся стать таким же красивым, как Дима. Он — умный. Дима — красивый. Это закон природы. — Знаешь, я вчера учила лекции к экзамену по зарубежной литературе. К концу дня начала лаять и биться головой об стенку.

— Чижик, это неэтично! — Руслан покачал головой и снял куртку. Подошёл к зеркалу и поправил волосы. — Когда нас в гримёрку пустят?

— Попросили минутку подождать... А ещё экзамен по поэзии двадцатого века. Это же с ума сойти можно! Но я не могу в таком объёме всё воспринимать! Я знаю наизусть восемь стихотворений Есенина, двенадцать Ахматовой, семь Маяковского...

— О, Маяковский!!! — Руслан понюхал огромные лилии в белой вазе на столе. Чихнул пылью. — Аллергены!

— И много других стихов знаю! Но мне это не поможет! Хочу прийти на экзамен и увидеть объявление: «Все билеты проданы. Экзамен отменяется». Сегодня буду грызть плитку.

— А Дима вчера новую девочку на «репу» приво-дил. Очень милая.

Янка замерла, задохнулась и запястьями с разноцветными фенечками незаметно протёрла глаза.

Хотелось со всей силы двинуть Руслану по лицу рукой и бежать, бежать прочь от видимой идиллии. Пролететь над этими горами за окном и остаться абсолютно одной. Вернуть свои пятнадцать лет, вернуться и отмотать назад, и никогда не слышать таких слов. И всё сделать по-другому. Поговорить с Димой. И не чувствовать два месяца этой пустоты и одиночества.

Тишина ужалила в уши.

Янка вытащила из вазы лилию и положила на грудь. Прислушалась к себе, и ей показалось, что сердце бьётся сосущими, как насос, толчками.

— Ладно, пошли, — выдохнула наконец Яна и направилась к гримёрке.

— Возьми вот диск, послушай! — Руслан протянул Яне какую-то коробочку.

Яна обречённо вздохнула.

К её несчастью, Руслан считал себя меломаном. Панком, рокером, джазменом, поэтом, философом он себя тоже считал. Но больше всего — меломаном.

В их городе быть рокером было круто. Все цепляли чёрные балахоны с центрального рынка, где они продавались только у одного бородатого мужика, закупавшего их в далёкой Москве. Меньялись напульсниками, не мыли неделями голову и дышали друг на друга нечищеными зубами. Ухаживать за собой считалось позорным. Руслан

с некоторыми пор расчёсывался только перед записями для передачи.

В «шмотниках» за спинами все носили по двадцать-тридцать кассет самого крутого «говнопанка» всех времён и народов. И делали вид, что понимают, о чём поют «Ramones». Учиться играть на музыкальных инструментах в музыкальной школе было равносильно учёбе в Оксфорде. Круто было не уметь играть вообще, но копить на самую дешёвую гитару, микрофон и записывать на кассетный магнитофон «лабуду», придуманную ночью под столом.

Утром доставались грязные скомоканные листочки с гениальными творениями из чужих джинсов и «пельси» с такими одухотворёнными лицами, которые наверняка бы отбили пару тысяч фанатов у «Скорпионс».

Они, друзья Руслана, думали, что панк — это субкультура.

А из панка и рока они находили самые депрессивные и плохо сыгранные группы. То есть легенд мировой рок-музыки слушать можно было, но говорить нужно было только о неизвестных группах.

Руслан каждый день брал у друзей по несколько новых дисков, скачивал гигабайты музыки на флешку и передавал их Янке. А на следующее утро спрашивал, что она обо всём этом думает. Янка ничего не думала. Она любила из всей этой коллекции только Александра Башлачёва и «Зоопарк».

Приходя в гости, Руслан ставил диск какого-нибудь индуса, решившего, что он — новый Шалапин. Иногда Руслан врубал на всю катушку звуки, напоминавшие хлопанье крышек от кастрюль. Где-то в середине «произведения», когда Янкины очумевшие родители забивались на кухню и захлопывали дверь, Руслан восторженно кричал: «А здесь, слушай, здесь он крышкой давит помидоры!»

Яна намекала ему, что есть на свете ещё и другая, более мелодичная музыка, но Руслан мотал головой и принимал такой обиженный вид, будто Яна была буржум, а он — рабочим с завода, которому за чем-то дарят клавишину. И на следующий день снова ставил «нойз», кислотный джаз, японский фольклор.

Однажды Яна слышала, как её отец говорил маме: «Он же псих!» А мама успокаивала его словами, что дети переберутся и, дай Бог, расстанутся. Или он Янку бросит, если уж их девочке в художественных, музыкальных, танцевальных и английских школах так и не привили вкус к качеству и культуре. А обучение в литературном специализированном классе не прибавило мозгов...

— Прости, не будет у меня времени слушать твою музыку, — ответила Яна. — У меня вот другие проблемы. Например, иногда мне кажется, что здесь меня всегда будут воспринимать как талантливую девочку-самородка, не замечая того, что эта

девочка уже скоро вырастет и будет готова работать, продолжать то дело, которому её учили. Но ведь никто не заметит и не пригласит! «Ах, как твои дела, Яночка? Ах, как же сложно стало учить детей! Ох, работать за такие гроши некому в нашей Школе! Что грустишь, Яночка, денег на жизнь не хватает? Так иди в газету какую-нибудь, напиши про гидроэлектростанцию. Или вторую часть женского романа». Тьфу, как же надоели эти псевдолитературные изыски, сил нет! Сюсюканья сплошные. Ах, ребятёнок написал новый стишок, давайте дадим ему премию мэра города! Ты помнишь, что было на прошлой неделе? У меня теперь есть фотографии с мэром! Но премию нам с тобой так и не дали. А дали денег девятилетней девочке. Значит, мы с тобой вроде как вышли из гениального детского возраста.

— Нам с тобой совсем недавно такую же премию давали.

— Да! Это была взрослая премия. И мы им казались гениальными детьми!

— Кстати, девочка очень хорошие стихи пишет. — У неё имя хорошее. Запоминающееся. Лучия. А стихи... Как же, как же там?... Помню только последние строки! «Про то, как — автобусы, холод и лёд, и каждое утро в школу девочка шла».

— А мне казалось — это очень хорошее стихотворение! Что ты опять завелась? — Руслан обиженно смотрел на неё со своего стула.

А Яну раздражали его взгляд и куртка, пахнувшая собаками.

— Может быть, и хорошо, раз я запомнила. Но грань между хорошим и плохим у меня давно уже размылась. Розовые очки, стихи на крышах. Премии за каждый недоработанный рассказ. А потом Ильдар Романович говорит: чисти текст, чисти! А зачем чистить, если *всему* нашему классу должны дать премии? В разных конкурсах. И все это давно поняли.

Яна, не оглядываясь, вошла в гримёрку. Через некоторое время Руслан вошёл следом.

— Вот скажи как скороговорку много раз фразу: «Тётя чуть чего — Тютчева читает». Вдруг полегчает? — Руслан скрылся за занавеской, чтобы переодеться.

В гримёрке было тесно. В одном углу стоял зачем-то железный тренажёр, сломанный и занимающий половину пространства. На нём обычно висели приготовленные вещи для ведущих утренних передач. Рядом на стене болтался одним краем портрет Велимира Хлебникова. На противоположной стене на него сердито смотрел Владимир Маяковский.

Дожидаюсь, когда Руслан переоденется, Янка вышла на балкон и стала рассматривать прохожих. Иногда они шли из гаражей в соседний район. Иногда на длинной деревянной лестнице, ведущей из района Черёмушки к офису телеканала,

собирались старшеники трёх соседних школ и выясняли отношения. Кастеты, дубинки всегда приносились с собой, но никогда ещё не применялись. Криков не было. Иногда сдавленные слова обрывками доносил ветер. Толпа, рассредоточившись по лестнице в триста ступенек, ходила ходуном. Мальчишки мяли друг друга руками, до ссадин и взбухших глаз, пока кто-то с соседнего этажа не кричал: «Шухер!» — и вся толпа в двести человек за несколько секунд умудрялась растаять и размазаться по грязным кустам, оврагам и гаражам, которых было несчётное количество. Гаражи — как символ дикого детства. Прыжки по их крышам, лабиринты грязных железных и бетонных коробок. И когда Янка последний раз просто так гуляла по городу?

Яна вошла обратно в гримёрку и вдруг упала на пол. Двенадцатиэтажный дом на холме будто лихорадило и выворачивало наизнанку, как после отравления. Качалась люстра. Скрипя, топтался у стенки большой шкаф с плёнками. А Руслан выпрыгнул на балкон и радостно заорал:

— Смотри! Тут люди выскакивают на улицу в ночнушках!

— Ты с ума сошёл! Это же землетрясение! — Яна выскочила тоже на балкон и схватила Руслана за его глупую старую куртку. — Пошли вовнутрь!

В гримёрке со стола упали бутылки с духами, и сильно запахло розой. И тогда Руслан подтянул Яну к себе и поцеловал.

Но из-за нового толчка он промахнулся, и его губы смазанно прошлись по её щеке. Яна выдержалась из его рук, и тут всё встало на свои места.

Яна перед зеркалом причесала волосы, попыталась их уложить в некое подобие причёски. Руслан тяжело дышал и стоял около дверного проёма на балкон. Яна как ни в чём не бывало махнула на себя в зеркале рукой:

— Как я выгляжу?

— Нормально.

— На себя посмотри!.. Хотя... Помнишь картины Пикассо? Так я ему, видимо, позировала...

— Знаешь, какая самая некрасивая часть тела у людей?

— Лицо?

— Голые ноги!

— У некоторых всё же лицо!

— А если ещё и босиком...

Они помолчали. Потом Яна сказала:

— Ни фиги себе... у нас бывают землетрясения! Никогда бы об этом не подумала...

Руслан грустно спросил:

— Когда мы, наконец, снова вместе погуляем? Я так соскучился по нашим прогулкам!

— Когда у нас записей на телевидении не будет.

Тогда Руслан снова подошёл к ней и поцеловал в губы. А Янка окунула руки в его кудрявые волосы, а потом, резко оторвавшись, вышла в коридор.

Яна бросила на пол, к креслам поближе, дедову шубу мехом вверх. Поставила рядом чайник и конфеты. Рядом села бабушка, взяла чашки, и они уселись на эту шубу, глядя попеременно то друг на друга, то на старый растрёпанный фотоальбом, который они медленно листали. Это была вторая годовщина дедушкиной смерти, и бабушка просила Янку переехать жить в опустевшую трёхкомнатную квартиру.

Они пили чай в полутьме—лишь дедушкин ночник освещал его картины, висящие на стене, и две фигуры, склонённые над фотографиями почти шестидесятилетней давности.

— Почему у вас нет фотографий, на которых вы целуетесь?—удивлённо спросила Янка.

Бабушка усмехнулась.

— Мы целовались... И фотографировались... Но однажды дед пришёл уставший с работы, зреловав меня к одному генералу, и порезал все наши общие фотографии. Обидно.

Яна подо двинулась к бабушке поближе, прижалась к тёплой и пухлой руке, положила голову ей на плечо. Все последние дни в душе жило чувство этой необъяснимой потери, а теперь тихое бормотание возвращало её к жизни.

— Бабуль, Руслан зовёт замуж, когда мне будет восемнадцать лет... Он такой глупый. Мы с ним толком и не встречались ещё, а он уже зовёт замуж... Ты бы это одобрила?

Бабушка улыбнулась. Она редко искренне улыбалась. Но Янке иногда казалось, что её она любит больше всех остальных людей на свете.

— Не мне тебе советовать, Яночка... Я в семнадцать лет первый раз поехала в гости на другой берег Катуня, в Ильинку. Родственникам некогда было со мной возиться вечерами, и они отправили меня на вечерку в клуб.

И бабушкин голос замурлыкал историю о том, что после чапшуре она увидела Янкиного будущего дедушку. Красивого. Высокого. Алтайское лицо, прикрытое чёрной копной волос, и расстёгнутая рубаха почти до пояса. О том, что все девчонки юлили перед ним, старались заигрывать, приглашали танцевать. А он, как бог, стоял выше всех остальных. И тут бабушку будто кольнуло что-то. Она запела громче всех. Пошла в пляс. И через полчаса он уже провожал её домой.

— И вы поцеловались?—зачем-то привязалась Янка к ней с этим вопросом.

— Да что ты!—бабушка поёрзала под Яниной лежащей головой.— Не те времена были! Но я чувствовала себя самой счастливой. Победительницей. Под взглядами завистниц.

А Яна посмотрела на часы. Дедушка любил всё яркое. Купил где-то огромные позолоченные часы на стену, которые ни к чему в комнате не подходили.

Казалось, кто-то прошёл мимо них в эту секунду. Из тёмной спальни в туалет. Там что-то грохнуло, и Яна с бабушкой одновременно подпрыгнули на шубе. Переглагоулись.

— Что это?

— Кошка... Муська...

И бабушка вдруг тихо заплакала. Положила левую руку на фотографию, на которой ещё молодой дедушка помогал забраться на дерево Янкиному тоненькому пятилетнему отцу, и осторожно гладила дедушкину фигуру, размазывая по ней слёзы.

Позолоченные часы, как метроном, раскладывали ритм на синкопы, ударами этими подчиняя себе бабушкины бесшумные всхлипы. Съедали секунды, потом минуты. А Яна смотрела на диван, на котором он умер. Рано-рано утром. Обвёл прощальным взглядом комнату, спящие у дивана фигуры жены и дочери, свои картины, вздохнул судорожно и умер. А Яна в этот день, после известия о его смерти, сдавала экзамены по зарубежной литературе. Пока он лежал здесь. На этом диване. С откинутыми с лица седыми густыми волосами, которыми гордился даже во время болезни. Тётя Маша весь день простояла у дивана на коленях, уткнувшись лбом ему в руки. А бабушка? Что делала в тот день бабушка? Яна не знала. Яна сдавала экзамены...

— А дальше... Дальше всё было очень быстро. Я была старшей дочерью в нашей знаменитой родове с левой стороны Катуня. Он—в своей... Как сейчас помню. Речка тогда наша глубока была, не то что сейчас, насосами всё выкачали. Вышла я из клуба, времени часов двенадцать доходило. Иду к дому тётки через лес, иду—не боюсь. А чего бояться-то? Весело мне! А там как раз эта речка протекает, и нужно по мосту проходить. Иду я, и вот как с мостика-то этого сходить, смотрю—сидит она, спиной сидит.

— Кто она?

— Ты слушай, не перебивай. Меня как в сердце стукнуло: русалка! В такое-то время, да в полнолуние, они как раз и показываются. Волосы у неё как у лошади—чёрные, густые. По плечам спущены в две стороны. Она сидит, а волосы на берегу лежат. Я так и подумала: то ли баба, то ли лошадь! Но хвоста-то нет, и ноги как у человека. Только уж больно здорова. Вот бывают такие бабы здоро-о-овые! Тут она как вскочила, увидела меня, ноги вверх, а головой-то туда, вниз, и поплыла. А я как заору: «А-а!» И побежала. Бегу и ору. Прибежала к тёткиному дому, дверь дёргаю. Девчонки, что там были, услышали, что я кричу, подумали, что за мной парни из соседней деревни гонятся, и заперлись, гадины такие. А я стучусь, стучусь. Пока тётка не проснулась и не открыла мне дверь. А потом все не верили мне. Даже смеялись. И в деревне все не верили, но потом её ещё несколько раз видели...

— Да ладно, бабушка! Откуда же в алтайской деревне русалки?

— Как откуда?.. Они же везде живут! В жизни таких глупых вопросов не слышала!

— Ты о вас с дедушкой рассказывала!

— Да... Нас решили поженить. А мы, конечно, были не против, хотя знали друг друга всего час. Через два дня нам сделали настоящую русскую свадьбу с уводом, песнями, выкупом и тройкой лошадей... — вспоминая свадьбу, бабушка опять улыбнулась. — И там только, на свадьбе, под пьяные крики «Горько!» мы впервые поцеловались...

Она поднялась на минуту, зачем-то погладила дедушкину картину с алтайскими горами, выглянула в окно и сипло сказала:

— Деревья под окнами быстро выросли. А тебе уже шестнадцать.

Яна тоже привстала и посмотрела в темноту за окном.

Комната погрузилась в тишину, и, чтобы разбить её, Янка спросила:

— А ты когда-нибудь гадала на деда? Он у тебя выходил или кто-то другой?

Бабушка очнулась от своих мыслей.

— Да, гадала. Тогда все гадали. В двенадцать часов открыла я в подполье западню, села к столу, говорю: «Суженый-ряженый, выйди ко мне». Смотрю в зеркало — вышел парень с тёмными волосами, в полушубке. Я когда его в клубе увидела — дед в таком же полушубке был. А у одной нашей девчонки другая история была. У неё жених в армии был. На святки гадала в бане. А у нас почему-то считалось плохой приметой гадать в бане. В двенадцать часов, как положено, увидела в зеркале его в военной форме. Испугалась. Убежала. А потом нашла в бане ружьё, фуражку. И спрятала зачем-то их. Когда пришёл с армии жених — свадьбу сыграли. И уже лет через пять показывает она ему ружьё его и фуражку. «Где взяла?» Она ему и рассказала про гадание. А он её из этого ружья и застрелил. Потому что в армии за них под трибунал попал, что ли... Вот так-то гадать.

— Ужас какой-то, — Янка содрогнулась и отошла к окнам.

Она вспомнила, как стояла у Димы за спиной и шептала глупые заговоры. Не работает это. Не в современном мире.

Когда бабушка и дед только приехали сюда и после нескольких лет работы им наконец-то выдали эту квартиру, за окнами, говорят, ходили коровы. Около горы протекала небольшая речушка, в которой купалась вся местная ребятня. А бабушка, которой тогда было всего тридцать лет, посмотрела в это окно и сказала мужу: «Вот и чего мы из деревни сюда ехали? Что там коровы, что здесь коровы». Дедушка говорил, что коровы тогда обиженно посмотрели в их сторону и принялись жевать траву дальше. На горе стояло

несколько деревенских домиков, а длинные деревянные лестницы спускались оттуда к самой воде. А теперь за тёмными окнами серели бесконечные девятиэтажки, линии электропередач и местная АТС. Ни речки, ни коров. Крестьянские домики превратились в заброшенные дачи. На деревенском кладбище построили гаражи.

Но Янке хотелось сейчас видеть только то, что видел её дед, когда только приехал в город. Ей вдруг стало очень уютно. Показалось, что бабушка поднялся с дивана, стоит сзади и тоже смотрит в это окно на деревья и далёкие горы, на которые они так часто ходили втроём. Бабушка, дедушка и Янка.

Глава 19

— Ну как же ты не понимаешь, что я тебя не люблю?!

— Тише, тише...

Яна стояла у двери квартиры Руслана и плакала. Не разуваясь, не раздеваясь. Села на стульчик у входа и плакала от бессилия, после целого дня учёбы и вечерней домашней и не домашней работы. Опять пришлось сидеть в ночном дворе и ждать, пока его отец уедет на вечернюю смену, чтобы повидаться с Русланом. Он позвонил ей и попросил приехать.

Яна очень устала. Вот уже и середина апреля. И ничего хорошего в её жизни не происходит. Она бы отдала газету, и премии, и телевидение только за один нежный взгляд того, кто на неё никогда не смотрит. Ей постоянно казалось, что Руслан ей врёт. Он был таким милым. Он читал ей стихи по телефону и постоянно был рядом. Да, её раздражало, что он всегда был рядом. Везде. И она зависела от его настроения, от рисунков, от его ужасной музыки.

А ещё она не понимала, зачем он тогда ей сказал про Иру. За все два с половиной месяца Дима ни разу не подошёл к Ире. А сегодня Ира заявила всем, что хочет уйти из литературного класса в театральный. В соседний лицей. Так для чего тогда Дима ушёл с ней? Уходил ли?

Почему Яна всё это время чувствует только боль? Её всё раздражает, она забросила музыку и чувствует себя самой страшной на свете. Почему? — Почему я должна ждать, когда твой отец уйдёт? На улице поздний вечер, мне надо домой! Я летела сюда по твоему зову для того, чтобы ждать, когда уйдёт твой отец? Почему?

Яна сжала руку в кулак, подняла взгляд на Руслана. У того от злости пошли странные морщинки по лбу, и он стал похож на старика. Янка помолчала и прошла в коридор. В комнате Руслана светилась настольная лампа. А на столе лежала очередная умная книга. Черепашка плавала в аквариуме. Недавно к ней запустили несколько рыбок и улиток, очищающих огромные пространства

«черепашкиного» домика. Яна заметила, что одной красивой рыбы уже нет. Видимо, черепашка её уже съела, проохотившись целый день. Яна примирительно, но с дрожью в голосе произнесла: — Руслан, она же ночью будет их кушать! А они будут кричать, умолять о помощи, эти ультразвуки помешают сну. Ужас... Ночью произойдёт убийство. У тебя такая чавкающая черепашка...

— Ты перетрудилась.

Янка взяла учебник по старославянскому языку со стола и открыла на середине. Почему она никогда не чувствовала себя здесь как дома? Она всегда была чужой у Руслана. У Димы было тепло даже в декабре, и сестра Маша иногда заглядывала и улыбалась из-за двери. А у Руслана холодно даже в апреле.

Руслан протянул руки к гитаре. Он всегда её брал, когда у него было плохое настроение и он не хотел разговаривать. А в последнее время это случалось всё чаще и чаще. Почти каждый раз, когда они виделись.

— Я тебе спою несколько новых песенок...

— Покойся с миром, мой дорогой сигматический старославянский аорист. Не выучу я тебя... Может, завтра споешь? Я устала... Если нет ничего серьёзного, я лучше поеду домой.

— Неужели ты за шесть часов не выплывешь?

— Кто рано встаёт, тот весь день ходит не выспавшийся... это закон. А мне ещё на фортепиано завтра после Школы, опять допоздна.

— Уже от своей учёбы пухнешь... Ты так говоришь с укором об усталости, будто я не работаю!

— Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем. Смотри, какая замечательная весна на улице. Деревья расцветают. Ночной ветер шелестит. А ты в депрессии постоянно. Каждый день в депрессии! Ты радоваться жизни умеешь?

Яна присела на край стола. Всё было каким-то неудобным. Она повернулась к Руслану и задала самый любимый женский вопрос:

— О чём ты думаешь?

— Могла бы придумать что-нибудь пооригинальнее. У меня болит голова. У меня всегда весной болит голова.

Яна хмыкнула и надела шапку.

— Поздравляю тебя с прошедшим вчерашним праздником!

— Каким? — огрызнулся Руслан, почёсывая ногу.

— Веры, Надежды, Любви и матери их Софы!

— Подумай хорошенько над этими своими словами... — Руслан выговаривал каждое слово. — А знаешь, что самое ужасное? Что в конце концов мы запомним из наших отношений только хорошие моменты!

— И не надейся!

Янка схватила сумку и хотела хлопнуть дверью, но Руслан сорвался с места и перегородил ей дорогу. Он обнял её и прошептал:

— Не уходи, прошу тебя.

Яна помогала головой.

— Ты будешь отмечать свой день рождения, Руслан? Всё-таки семнадцатилетие.

— Буду. С тобой посидим где-нибудь. А потом с друзьями.

— А я в их числе буду?

— Зачем? Там одни парни, пить будут, как без этого... Ты ведь постоянно говоришь, что все мои друзья пьют дни напролёт, что они тупые и не могут нормально развлекаться, пока трезвые. Ты мне потом все мозги промоешь.

Яна осторожно спросила:

— Дима будет?

— Димыч с Ваней гитары принесут. Как же без гитар?

Янка судорожно вздохнула и снова села на край стола. Руслан предложил выпить чая. Он зажёл по всей комнате индийские благовония, и их дым стелился по комнате. Форточки были закрыты, спасая от ночных выхлопов ближайшего завода. Руслан что-то говорил про Кафку, а Янка смотрела на его горбинку носа, на кудри, на черепашку в аквариуме и не могла поверить, что хочет больше этого не видеть. Она сидела в углу комнаты на столе, поджав ноги. И так же, как у Димы дома, она чувствовала, что это «перемирие» случилось в последний раз. И не знала, радоваться ей или горевать по этому поводу. Дрожь облегчения пробежала по ней от ног до плеч. Так бывает, когда после долгого напряжения понимаешь, что всё позади, и откидываешься назад в умиротворении. Хотелось почему-то выйти отсюда в ночь, зайти в ближайшую больницу и попросить перелить ей всю кровь. Поменять со старой на новую, испорченную, свежую. Способную дать новые силы и веру в себя.

И в то же время она боялась потерять его. Руслан был её лучшим другом. Даже если он думал иначе.

Яна вспомнила, как он ей запретил покупать платье с декольте. Оно ей безумно нравилось, а знакомая продавщица даже сказала, что так, наверное, выглядела Мэрилин Монро в свои шестнадцать лет. А Руслан был против. Сказал, что не подобает девушке ходить как проститутке. Что, может, ей как монашке ходить? И они опять поссорились... Чёрт с ним, с платьем этим.

— Останься у меня... — попросил вдруг Руслан.

Яна покачала головой.

— Останься... — повторил он шёпотом, подошёл к Яне, встал на колени и положил голову ей на руки.

Яна вздохнула. Она очень боялась его обидеть. Она хотела уехать домой. Но на улице было холодно.

Яна посмотрела на Руслана, тот целовал ей руку, а потом снял одной рукой её куртку. Яна замерла и прелела рукой по его щеке.

Янка лежала под кроватью, под низкой и душной кроватью. Руслан ещё специально прикрыл низ покрывалом. Как же хочется в туалет! Ужин его отца явно длится уже больше двух часов.

Руслан ворвался в комнату, наклонился к полу: — Чижик, ты как там?

— Что я должна тебе ответить? — она натянуто улыбнулась. — Здорово. Просто здорово!

— Я вижу, ты книжку взяла?

— Да. У тебя замечательная библиотека. Когда он уйдёт, Руслан?

У него болезненно искривилось лицо.

— Я не знаю... Он заехал поужинать, что-то забыл ещё... Теперь фильм смотрит...

— Давай я выйду! Скажешь — я спала! Я не хочу больше прятаться под кроватью!

— Нет!!! Ни в коем случае! Он расскажет всем! И тогда прощай всё! Ну потерпи, прошу тебя, Чижик!

— Принеси горшок! У тебя дома есть горшок?

— Только цветочный.

— Чёрт...

— Руслан!

— Он тебя зовёт! Иди!

Но отец уже вошёл в комнату. Руслан выхватил у Яны книгу и как ни в чём не бывало сел на кровать. Отец плюхнулся рядом.

Его зад провалился почти до её лица. Прижал ещё ближе к полу. Яна ненавидела в этот момент старые кровати, отцов-военных, ужины, пыль и Руслана... Не так она представляла себе свой «первый раз»!

— Что, книгу уронил?

— Да, пап.

— Слушай, дай я посплю... мне ещё можно отдохнуть с полчаса.

— А дежурство?

— Подождёт. Куда солдаты денутся?

Он заржал, похлопывая себя по толстому животу, поворочался над Янкиной головой, вздохнул судорожно и приказал сыну:

— Пошёл вон. Помой посуду.

Руслан вышел на кухню. Янка слышала, как он включил воду. Тело сверху отяжелело, и вскоре раздался храп. Яна понемногу начала выбираться из-под кровати. Сантиметр за сантиметром. А как хотелось приподняться, столкнуть его на пол и заорать: «Почему? Почему вы меня так ненавидите??? Что я вам сделала?!»

Осторожно освободив ноги, она поползла в другую комнату. Руслан стоял и смотрел. Помог встать. Зашептал:

— Ты чего?! Он же не спит!

Она молча пошла к туалету. Вышла и протянула руку:

— Руслан, дай мне одежду, я поехала домой.

Янка стояла посреди комнаты в платье. Куртка, сумка и обувь лежали в комнате родителей, тоже

под кроватью. Руслан закинул их туда при первом звонке отца в дверь. Когда тот начал открывать своими ключами замок, засунул туда ещё и Яну.

— Руслан, ты с кем разговариваешь?!

Стукнули об пол ноги. Отец вставал, поправлялся, кряхтел, хрипел, как больной.

Одним движением Руслан запихнул девушку в «темнушку», туда, где стоял только холодильник да висели старые вещи. Янка огляделась. Ей было холодно, противно за себя. «Боже, дожить до шестнадцати лет, чтобы так унижаться...» От мыслей этих по телу расплзался странный холод, будто она перепила чай с мятой. Моль пролетела в тонком луче света из комнаты. Янка взяла какую-то ткань, обернулась ею. Интуиция подсказывала ей: отец сейчас решит что-нибудь взять себе из холодильника. Ему обязательно приспичит достать сало, или варенье, или яблоки! Всё, что угодно! Поэтому она, стараясь не шуметь, подтянулась на руках, уселась на ворчащий холодильник, обняла колени, укуталась тканью и старым пальто. Так когда-то она пряталась в детстве от подруг на Новый год. Было темно. В двухкомнатной квартире спрятаться было сложно, все девчонки просто менялись известными к концу вечера местами. А Янка подскочила к мешкам со старыми вещами, приготовленными дальним родственникам, и вжалась в них, оставив на свету только круглую спину с тряпочкой, которая до этого момента изображала плащ. Её искали минут десять, стали волноваться. Пинали мешки, думая, что она в них зарылась, пнули и её спину... А она молчала, молчала, пока мама не заволновалась всерьёз...

— Всё, я поехал на работу! Утром чтоб был в Школе! Мать с сестрой вернутся из деревни завтра.

Стукнула входная дверь.

Яна вышла на свет и прошла в родительскую комнату. Там она быстро оделась и молча смотрела, как одевается Руслан. Оставаться в чужой квартире с постоянной угрозой приезда отца было страшно и неприятно.

Крепко обняв Янку, Руслан молчал. Иногда только целовал её волосы, выбившиеся из-под вязаной шапки, чуть дышал ей в ухо. Шапка становилась влажной от его дыхания. Они дошли до остановки и сели в автобус. Наверное, последний автобус до её района.

Примерно через двадцать минут в автобус зашла красивая девушка с чёрными волосами, пирсингом в брови и гитарой за плечом. Она, увидев Руслана, радостно засмеялась и под села к ним, спихнув Янку к холодному окну со слоем пушистого, как сикоз, снега.

— Руслан, привет! Как дела? — спросила она, не замечая Янку.

— Прекрасно. Вчера купил диски, у тебя их точно нет.

Они разболтались о рок-поэзии, о каких-то репетиционных и музыкальных делах, а Янку начало вдруг бить как в лихорадке. Она тёрла ногтем с чёрным лаком лёд на автобусном окне и делала вид, что ей интересно разглядывать обгоняющие автобус машины и заиндевелые фонари. Улицы были белыми от снега и огромной слепой луны. Луна мутным и туманным пятном застыла над тёмным девятиэтажным домом. Яна чувствовала, что она, ещё недавно лежавшая под кроватью и мечтавшая только о туалете, теперь потеряла любую таинственность в глазах Руслана. Никакой пирсинг не поможет. И рыжая шапочка стала казаться старой, и включенные волосы, свисающие на глаза,— отвратительного цвета. «Да как он может?»— думала она в полубредовой панике. Он даже их не представил. В такой вечер! Янка поморщилась, положила руку на низ живота, который иногда пульсировал, когда автобус колесом попадал в ямы на асфальте. От девочки на пол автобуса легла противная серая тень. Янка отвернулась и прижалась лбом к стеклу, чувствуя, как лёд колет её кожу и проникает далеко вовнутрь головы. Вот замёрзнуть бы так и перестать думать о Руслане, о Диме и о боли в низу живота. Апрельский ветер припадал к земле и потом бешено бросался на автобус, раскачивая его. Ещё было холодно, но через неделю обещали уже плюсовую температуру и первые цветы. Сегодня снег— завтра цветы.

Девушка вышла только через десять минут. Янка смотрела на кондукторшу. Руслан тоже. Автобус медленно тащился, пробиваясь сквозь ветер и гололёд, по пустынной улице. «Наверное, опять до минус десяти температура опустилась»,— подумала Яна. Руслан, переведя взгляд на заплёванный пол, сказал:

— Это Лена. Я тебе рассказывал.

— Да, вы с ней возвращались домой. Несколько раз... Я помню.

— Да.

— Ты сказал, что она маленькая девочка из седьмого класса... А ей как нам... Зачем ты мне врал?!
— Чтoб ты не ревновала. Ты же у меня ревнивая.

Приговор.

Они вышли из автобуса на конечной остановке. Справа— лес, слева— несколько бетонных домов на окраине города. Они уныло гудели на ветру, сливаясь с невидимым небом. Янка пошла вперёд, против ветра, к своему дому. Ветер преследовал её. Он огибал бесконечные ряды гаражей, вылетоскливо и, запутавшись, бился в проводах и начал столбы. Руслан держал Янку за талию, иногда прикрывая глаза от острых льдинок, поднимаемых бураном с земли. Но она не замечала этого. Она смотрела на одинокий замёрзший фонарный столб, от которого ползало по земле туда и сюда пятно света. И ей казалось, что она во всём мире одна с

этим скрипящим на ветру фонарём и деревьями, политыми густым серебром. Янка хотела развернуться и попросить Руслана больше не идти за ней, но потом вспомнила о том, что им сидеть за одной партой в Школе ещё целый год, ездить на одном автобусе домой, и ничего не сказала.

Они шли молча вдоль гаражей, а Янка пыталась избавиться от детской привычки высчитывать чётное количество проходящих гаражей и столбов. Нужно было идти так, чтобы, вступая напротив фонарного столба левой ногой, оказаться этой же ногой напротив следующего. Или чтобы опор в витиеватой изгороди было десять, двадцать, тридцать. Но ни в коем случае не пятнадцать или двадцать три. Тогда забор браковался и вызывал внутреннюю досаду. Янка знала, что это бред или психическое нарушение, как и желание некоторых людей обходить трещинки в асфальте или пересчитывать ступеньки в родном доме, но ничего поделать с этим не могла. От остановки до поворота на улицу— семьдесят шесть гаражей, сорок фонарей и сто тридцать тополей.

Она поцеловала Руслана на прощание в щёку и без слов вошла к себе в квартиру.

Глава 20

Яна стояла у рояля в холле издательства и водила мизинцем по чёрной изогнутой крышке. Она несколько раз хотела бросить музыкальную школу, и каждый раз у неё не хватало на это мужества. Яна вспомнила, что уже две недели не садилась за фортепиано.

Когда Янка открывала крышку и произносила вслух первые ноты, у неё оживало сердце.

Оно размокало, стенки его становились мягче. И оно снова начинало пульсировать так, как осенью. Нервно, болезненно и в ожидании чудес.

И потом требовалось время, чтобы засушить его до прежнего состояния и укутать тканями. Чтoбы не мешало и не напоминало о себе.

Янка водила ладонью по спине рояля.

И снова думала о том, чтобы открыть. Заиграть. Снова захотеть чудес и вспомнить о том вечере перед Новым годом и глаза Димы. И его подарок. Но её позвали, и Яна пошла в студию.

Прожектора кинокамер были направлены Янке в лицо. Утренний эфир. Семь утра. Май. Глаза, похожие на щёлочки, не раскрывались даже на ярком свете. Экраны на стенах прямого эфира транслировали запись на весь край. Какая она молодец, какой замечательный вышел у неё роман, и какой успех приобретает подростковая передача. Ведущая на шпильках что-то говорила о высоких рейтингах, о презентации на московском фестивале сми. Янка устало смотрела на микрофоны и думала о том, как бы не забыть улыбаться. Ещё ей показалось на огромном экране, что она сильно похудела и щёки выглядят очень впавшими.

А глаза—бесцветными. Конечно, сидячая учебная жизнь никому не приносит красоты.

Руслан стоял за дверью студии. Он очередной раз хотел помириться. За несколько минут до эфира подарил Янке огромный букет белых лилий—и как вспомнил, что это единственные цветы, на которые у неё аллергия?

— Мы слышали, что тебе предложили место редактора нового детского приложения в той газете, с которой вы сотрудничаете всего пару месяцев?— задавала ведущая вопросы.

А Янка почему-то думала о том моменте, когда через много лет она станет известной журналисткой и вернётся в родной город из... Англии, например, и нечаянно встретит на центральной улице Диму... Она слышала, что Дима хочет уйти из их класса в другую школу. На другом берегу реки. Его семья переезжала. А другой берег реки для них—это дальше, чем Англия.

— Мы знаем, что ваш литературный класс закрывают. Он многое тебе дал?

В городе по-прежнему будет три центральных улицы, по которым будут гулять школьники. Взад-вперёд, взад-вперёд. Люди так же будут мёрзнуть зимними вечерами на остановках, потому что в их городе никогда не построят метро. Дома будут вкусно пахнуть воспоминаниями о первом годе в их литературном классе, об уроках и свешивающихся над книгами Димкиных волосах. Каким он будет? Успешным музыкантом или юристом? Вспомнит ли о ней когда-нибудь? О том, что была у него девочка, которая всего боялась? Она писала всеми забытый роман. Выходила перед камерами и говорила что-то о приехавших в город музыкантах, о моде и новинках литературы.

А может быть, он просто не узнает её и пройдёт мимо? Янка не знала, хорошо это или плохо, что он уже месяц не ходит к ним в Школу. Что он садистски не появляется в её районе. Не пытается с ней дружить, как все. Они не встречались даже на этих трёх улицах. И Янка заставляла себя ходить на запись передачи для того, чтобы он увидел её по телевизору. Или чтобы его мама видела её по телевизору.

Нельзя воспринимать мир таким, со всеми его острыми углами и страшными чужими картинками по стенам, говорит Янкина бабушка. Надо уметь ставить барьеры, иначе можно сойти с ума. Янка поставила первый в жизни барьер между собою и Димой. Барьер из бездушных камер.

Вспомнила Янка во время эфира, глядя в глаза незнакомым ей людям с экрана, как осталась вчера вечером в классе. Она медленно ходила по кабинетам. По стенам—рисунки детей и никаких новогодних плакатов. Второй этаж, откуда зимой было видно звёзды и снег. Здесь стоял грязный теннисный стол, а теперь Надежда Васильевна сделала ремонт и красивый конференц-зал. Вспомнила Янка, как пели они с Димой: «Далёкая Офелия смеялась

во сне, усталый бес, раковый куст. Дарёные лошадки разбрелись на заре на все четыре стороны, попробуй поймай». Они прогуливали уроки под предлогом похода в библиотеку, говорили о музыке. И столько недоцелованного и недосказанного вспомнится на тех улицах через десять лет. И вспоминается сейчас. А ведь было всего два месяца. Всего два месяца счастья и тёплого дома на холме.

Яна шла по улице Мира и вдруг увидела Диму. Он стоял около неработающего фонтана и курил. Как всегда, весь в чёрном. С гитарой за спиной.

Яна остановилась как вкопанная. На улице было очень тепло в эти майские праздники. И Яна шла в кино, где они собирались встретиться с Катькой. Уроки в Школе должны были начаться лишь через три дня. Класс решили сохранить до окончания учебного года. А летом Надежда Васильевна мечтала выиграть новый грант.

— Хай!— послышался Димкин голос, и его наглая искрящаяся улыбка появилась прямо перед её лицом.

Яна подняла глаза и почувствовала, как сердце ухает глубоко внутри. И опять это ужасное ощущение в животе.

— Привет,— ответила Яна и сжала за спиной руки. Это помогло ей сосредоточиться.

— Ну и где твой ненаглядный?— спросил Дима издевательским голосом.— У нас «репа» вчера была, скоро концерт, запись сингла. У него телефон отключён.

Он встряхнул над ней своими пушистыми длинными волосами. Янка промолчала. Дима вёл себя так, будто он никогда не целовал её. Никогда не был её Чёрным Музыкантом.

Она пожалала плечами и, чтобы не смотреть Димке в глаза, достала сотовый телефон и нажала на вызов номера Руслана. Звонок сорвался.

Яна огляделась. Около университета, на небольшой полянке, заваленной жёлтыми берёзовыми листьями, бегали за мячом два парня в чёрных кепках. Они смеялись, кричали друг на друга шуточно. Солнце перевалило зенит и светило за городским парком между по-весеннему воздушных сосен. Димка подошёл к Яне и встал рядом. У неё почему-то вспыхнуло лицо, она дёрнулась и наступила ему на ногу. Его огромные серо-зелёные глаза сияли совсем близко, так близко, что перехватывало горло. Янка сглотнула и прислонилась спиной к решётке забора.

— Может, сходи к нему домой?— предложил Димка.

Яна, не поднимая глаз, кивнула.

Они молча сели в автобус и через полчаса приехали к Руслану домой, постояли у его двери в подъезде, пока Димка курил.

— Может, он у тебя под домом сидит?— спросил сквозь дым Дима, и Янка пожалала плечами.

Они накручивали километры по району, мимо гаражей и складов, где между бетонных плит приютились скользкий юный мох и крапива. На окнах противоположных домов—массивные решётки.

И шли они всё медленнее и медленнее. Янка лихорадочно думала о том, что она в джинсах и гадкой фланелевой рубашке, что она уже давно не подравнивала волосы и у неё пожёванные губы. Такие губы никого не привлекут.

Они постоянно сталкивались у светофоров, Дима элегантно предлагал руку, чтобы перейти по залитому водой тротуару или вместе перепрыгнуть заросшие открытые колодцы.

— Так как поживаешь? — спросила наконец Яна.
— Ничего. В новой школе не хватает прежнего «литературного» безумия, а так... всё в порядке, — ответил Дима.

Яна облизала засохшие губы.
— Ты же знаешь, что нас закрывают? — Яна осмелилась посмотреть Диме в глаза.

Он пах горячим асфальтом и сигаретами, его загоревшие руки с мозолями от гитары подкидывали сумку с тетрадками и медиаторами. А выглаженная рубашка потемнела от пота.

Янка хотела сделать что-нибудь очень хорошее для него. Прийти к нему домой и накормить его. Или расчесать его длинные волосы, помыть пол в доме и даже выгулять собаку! Почему-то, кроме этих странных вещей, в голову ничего больше не приходило.

— Не закроют, — засмеялся Дима. — Сестра сказала, что я буду теперь жить с ней в старом доме и вернусь к вам.

— А... — только и произнесла Яна.
— А... ты... ты бы хотела, чтобы я вернулся? — вдруг спросил Дима, и его голос сорвался.

Яна кивнула и сильнее вцепилась руками в свою сумку.

— Может, Руслан к себе в деревню поехал? — как ни в чем не бывало спросил Дима.

— Может... — согласилась Яна.

Ей было всё равно, куда идти или ехать. Главное, что Дима был рядом. И что он пах тёплым асфальтом.

Не дожидаясь электрички, которая ходила в тот день всего два раза в сутки, они пошли пешком до деревни Руслана. Ветер ерошил сухую траву. Димка ругался, вытаскивая из налакированных ботинок камушки, щурился на солнце и начинал понемногу оттаивать. Пел на ходу:

Она—маленькая девочка,
потерявшаяся в собственном мире.
Она выглядит такой счастливой,
но ей та-а-ак плохо!
А-а-а! Ё-о-о! Э-э-эй!
Я так хотел бы помочь ей!

Она говорит с птицами и ангелами,
она говорит с деревьями и пчёлами,
но она не говорит со мной!
А-а-а! Ё-о-о-ой!
Она не говорит со мной!

Яна никогда ещё не видела его таким. Таким... счастливым. Обычно он молчал, а сейчас рассказывал возбуждённо о новых песнях, изображал преподавателей в новой школе, пел рок-н-ролл, улыбался так открыто и наивно, что Янка им залюбовалась. Она никогда не могла понять, что творится там, у него в голове. Казалось, что Димка звенел. Звенел, как звенела, качаясь в тени шарами, деревенская мошкара над древними курганами. Звенела и тишина, а горячие дневные краски уходили за горизонт. И не хотелось уже идти к Руслану, к его депрессии и повалившемуся забору деревенского дома. И впервые почувствовала Янка, что счастлива, что этот звон, и мошкара, и глупая песенка пройдут сквозь неё насквозь и пустят там свои корни. Печать уходящего учебного года. Такого сложного и запутанного.

— А я музыкальную школу так и не бросила, хотя хотела, — призналась Яна.

— Ну и молодец, что не бросила. Ты замечательно играешь. А ещё пишешь и глупости перед камерами говоришь, — Дима захохотал. — Я смотрел ваши передачи. Большой глупости никогда не видел. Кто вам тексты писал?

Яна многозначительно посмотрела на него, и Дима засмеялся ещё громче.

— Ну да, как же я сразу не понял. Такой бред мало кому в голову приходит! Руслан вообще шизик, — Дима усмехнулся. — И как ты с ним вообще решила встречаться?

— Я?... — Яна растерялась. Она не готова была сегодня говорить о своей жизни без Димы. — Да ты же меня бросил! Не помнишь?

— Я хотел, чтобы ты меня ненавидела. Так легче забывать людей.

— Ты — дурак!

И вдруг Яна заплакала. Дима протянул руку к ней, а потом отдернул.

— А ты — девушка моего «одногоруппника» и отвратительного басиста.

— Я... я... — Яна вытерла слёзы и остановилась в поле. — Он сказал, что ты встречаешься с Ирой. Что он видел вас вместе. А я тогда в тот день была с тобой! И ты целовал меня! А потом не хотел со мной об этом говорить!

— О чём говорить, Янка? — воскликнул Дима и развёл руками. — У меня были в семье проблемы, я вообще хотел, чтобы меня оставили все в покое! Да при чём тут Ира? Мы с ней и говорили всего несколько раз в жизни!

Яна глубоко вздохнула и взмахнула руками:

— То есть ты с ней не встречался?

— Это ты с Русланом встречалась и хотела от меня отделаться! Я мешал вашему безоблачному и литературному счастью! Вы с ним и в газете, и на телевидении! Вы везде с ним вместе были! Вы же такие оба гениальные, куда уж мне...

— Ты думаешь, мне это нравилось? — заорала Яна и удивилась тому, что она умеет так кричать.

Из травы испуганно вылетела птица и понеслась с воплями над землёй.

— Он сказал, что ты гуляешь с Ирой!

— А мне сказал, что ты гуляешь с ним, и я вам мешаю, и у тебя нет сил со мной расстаться... — Димины глаза были такими огромными, что Яна испугалась.

Она покачнулась и пошла по дороге. Где-то впереди уже виднелись деревенские домики.

Руслан очень удивился этому неожиданному появлению, но был раздражён. Дождавшись вечера, они втроём решили пойти в лес. Пока Дима с Русланом что-то выясняли в доме, Янка вышла за ограду, к холмам. Зелёная и по-весеннему яркая листва деревьев на склонах холмов едва шевелилась, как рыба в воде. Почему-то Яне было очень тепло в этот вечер и постоянно вспоминались Димкины волосы и улыбка. Этот ласковый солнечный день уходил в прошлое, и лениво двигались по траве и пятнышкам трав узорные тени от деревьев.

Дима и Руслан наконец-то вышли из дома, взяли гитары, какие-то тексты, купили еды в смешном деревенском магазине. В сумерках становился призрачным этот вечер с оранжевыми деревьями и струйками дыма, уходившими в небо. Призрачной стала деревня с покосившимися заборами и голыми грядами.

Как только стемнело, они отправились к тёмному лесу, видневшемуся недалеко от деревни. Шли по утоптанной земляной дороге, огибая коровьи следы. По краям невозможно густо росла молодая полынь, и после жаркого дня запах её струился по еле слышному ветру, огибал озеро, последние домики деревни в закатной тишине. Яна впервые почувствовала наступающее лето. После холодной зимы она хотела впитать в себя всё тепло, которое только могла дать ей природа. Заканчивались экзамены в Школе. Вышла последняя в этом году передача. Яна хорошо сдала академический экзамен по фортепиано, и Нина Николаевна была за неё рада. Правда, взяла с неё слово, что Яна не будет поступать в музыкальное училище.

Они прошли пустые поля картошки и остановились перед красотой гаснущих лугов. Руслан крепко держал Янку за руку и мягко направлял её по нужной тропе, а Димка прыгал по полю и кричал что-то про коноплю.

Долго у костра сидеть оказалось скучно. Поели, попели песни.

Димка перебирал гитарные струны, а его золоченные костром волосы спускались на лоб и плечи. В тот момент он был очень красивый. Янка, прислонившись спиной к дереву, стараясь не мешать, смотрела на небо и удивлялась тому, что хочет встать, перейти на другую сторону костра и положить голову Димке на колени. А потом возвращала себя к действительности, ругала и повторяла себе, что Руслан такой умный! Он цитирует Маяковского и Кафку. И знает наизусть все песни Петра Мамонова. И надо напрямую спросить его о том, что он натворил зимой. И надо кричать на него, влить ему пощёчину. Яна смотрела на кроны деревьев, подбрасывала в костёр ветки и потихоньку, без слов, грустно подпевала словам Башлачёва:

Прозвонит стекло на сквозном ветру,
Да прокиснет звон в вязкой копоти,
Да подёрнется молодой ледком.
Проплывёт луна в чёрном масле,
В зимних сумерках,
В волчьих праздниках
Тёмной гибелью
Сгинет всякое.
Там, где без суда все наказаны,
Там, где все одним жиром мазаны,
Там, где все одним миром травлены.

Около четырёх утра пошли домой, в деревню, в тепло.

Дима сидел на заборе и смотрел на ночное поле. Руслан раздражённо складывал остатки еды в пакет. Яна набралась храбрости и подошла к нему.

— Зачем ты зимой сказал, что Дима встречается с Ирой?

— Я не помню, — буркнул Руслан и положил пакет в холодильник, который почему-то у них стоял в сарае. — Я вообще не понимаю, зачем ты его сюда притащила.

— А ему наврал, что я люблю только тебя. Мы же с тобой были просто друзьями!

Руслан осклабился.

— Потому что жизнь — это сделка. Кто её лучше провернёт, тому и достанется приз. А что?

Яна задыхнулась. Она сжала руки, посмотрела на Диму и вместо ответа, глядя в землю, произнесла:

— Мне пора...

Пока Янка шла калитке, она всё вспоминала, как Дима вытряхивал дорожный песок из начищенных ботинок, жмурился на солнце, а его волосы развевались по ветру.

Она очень долго шла к забору.

Яна просто проплыла мимо Димы и вышла в калитку, в ночь. Руслан не пытался её остановить. А Яна услышала сзади, как Дима спрыгнул

с забора, схватил в охапку свою ветровку и пошёл следом.

Когда Яна оглянулась, его огромные глаза горели на худом лице, длинные волосы в кучу сбились под капюшоном на голове. Он вдруг бросился на колени перед Янкой, прямо на землю, и прижался лицом к её ногам...

— Дима, ты чего? Димочка! Ну...

— Ты теперь будешь со мной? Ты ведь хочешь ещё быть со мной?

— Какой же ты глупый, Дима...

— Ты сама глупая, — хихикнул Дима, и Яна увидела, как засветились в темноте его глаза.

Димка подпрыгнул, сделал какое-то странное па в воздухе и упал со счастливой улыбкой на землю. Янка подошла к нему. Села рядом.

Дима обнял её и прижал к себе.

Рядом стоял чей-то забор, а за ним рос большой куст сирени с остатками засохших цветов. В его ветвях сидел большой толстый кот и одним прищуренным глазом, будто улыбаясь, поглядывал на Янку, которая не знала, смеётся она или плачет.